

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д.Ушинского»

The Historical Association

Ассоциация Британских исследований

НА ПЕРЕСЕЧЕНИЯХ БРИТАНСКОЙ ИСТОРИИ

Сборник статей

Ярославль
2013

ББК 63.3 (4Вел)я43
УДК 93/99; 930.9
Н 126

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ЯГПУ имени К. Д. Ушинского

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор М. Е. Ерин
(Ярославский государственный университет),
доктор исторических наук, профессор Ю. И. Лосев
(Рязанский государственный университет)

На пересечениях британской истории : сборник статей / под
Н 126 ред. А. Б. Соколова и А. М. Ермакова – Ярославль : Изд-во
ЯГПУ, 2013. - 211 с.
ISBN 978-5-87555-897-9

В сборник вошли статьи, подготовленные на основе докладов, прочитанных на второй международной научной конференции «Британия: история, культура, образование» (Ярославль, 24-25 сентября 2012 г.). Опубликованные в сборнике статьи представляют интерес для специалистов по всеобщей истории, международным отношениям, культуре и литературе Великобритании, историческому образованию, а также для студентов исторических факультетов.

This book of includes articles prepared for the second International Conference “Britain: History, Culture, Education” (Yaroslavl, September, 22-24, 2012). Texts published in this volume are of interest for the researchers in the field of World History, History of International Relations, British culture and history, as well as for the students of the faculties of history.

УДК 99/93; 930.9
ББК63.3 (4Вел)я43

ISBN 978-5-87555-897-9

© ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского», 2013
© Авторы статей, 2013

Шаг к взаимопониманию

В данный сборник вошли статьи, подготовленные на основе ряда выступлений, прозвучавших на Международной научной конференции «Британия: история, культура, образование», которая состоялась в сентябре 2012 г. в Ярославском государственном педагогическом университете. Эта конференция, в которой приняли участие ученые из России, Великобритании, ФРГ, Голландии, Белоруссии и Казахстана, одна из самых больших в истории российско-британских научных связей, – шаг к взаимопониманию между учеными наших стран, а через нас, участников – и к взаимопониманию наших народов.

В России существуют давние традиции изучения британской истории. Конечно, очень и очень хотелось бы думать, что мы уже давно вполне понимаем друг друга. В мировых войнах наши народы выступали вместе, ни разу во всей истории не было у нас серьезных военных столкновений. Британскую литературу в России знают и любят. Русскую – в Великобритании – тоже. Но ведь, увы, какое-то взаимное недоверие то и дело давало о себе знать. Что греха таить, оно не изжито по сей день.

Собравшись в Ярославле, историки из разных стран получили возможность обсудить актуальные проблемы истории Великобритании, истории международных отношений, культурной истории, историографии, привлечь внимание и к достижениям ученых, наших предшественников, и к тем новым вопросам, которые возникают сейчас. И обсудить накопившиеся непонимания.

Атмосфера на этой нашей встрече очень добрая, теплая, дружественная – и на заседаниях, и в кулуарах.

Мы глубоко признательны за это тем, кто нас собрал – руководству университета, прежде всего, Андрею Борисовичу Соколову.

Глядя в глаза друг другу, мы откровенно поговорили о том, что наболело.

Вскоре после этой конференции правительства двух стран объявили 2014 год годом британской культуры в России и российской в Великобритании. На 2014 год намечен ряд российско-британских научных конференций.

От всей души желаю, чтобы на этих встречах прозвучали научные результаты нашей конференции в Ярославле. Уверен, что данный

сборник статей будет этому способствовать. Хочется надеяться, что на будущих конференциях будет такая же доброжелательная атмосфера.

Президент Ассоциации Британских исследований,
академик РАН Аполлон Давидсон

Двадцатилетие международных научных и научно-педагогических связей исторического факультета ЯГПУ

Предлагаемый вашему вниманию сборник научных статей подготовлен на основе докладов, прозвучавших на Международной научной конференции «Британия: история, культура, образование», которая состоялась в Ярославском государственном педагогическом университете в сентябре 2012 г. Сборник тезисов докладов уже вышел из печати¹. На конференции присутствовали более ста участников из Англии, Ирландии, ФРГ, Нидерландов, Белоруссии, Казахстана и многих городов России: Москвы, Петербурга, Ростова-на-Дону, Хабаровска, Рязани, Нижнего Новгорода, Иваново, Липецка, Воронежа, Брянска, Кирова, Челябинска, Череповца, Новгорода, Арзамаса, Ярославля и других². Вошедшие в сборник статьи подготовлены российскими и зарубежными историками. Особенность сборника состоит в том, что почти во всех вошедших в него статьях история Великобритании рассматривается в сравнительном контексте, «на пересечении» с историями других стран, прежде всего, России, Германии, Ирландии. Этим объясняется название сборника, избранное его составителями. В условиях продолжающихся дискуссий в российском обществе о путях развития школьного исторического образования и учебниках истории анализ тенденций в британской школе, несомненно, актуален для нас. Это тоже своего рода «пересечение».

Проведение конференции было приурочено к знаменательной для ярославских историков дате – *двадцатилетию* установления прочных и плодотворных международных связей на базе исторического факультета ЯГПУ. Весной 1992 г. в Яро-

© А. Б. Соколов, 2013

¹ Британия: История, культура, образование. Тезисы докладов международной научной конференции. 24-25 сентября 2012 г. Выпуск 2. Ярославль, 2012.

² Более подробно о конференции см.: Барлова Ю. Е. Вторая международная научная конференция «Британия: история, культура, образование // Новая и новейшая история. 2013. №1.

славле состоялась первая международная конференция историков «Ярославль-Эксетер»³, за которой последовало активное сотрудничество с историками и специалистами в области дидактики истории из университета г. Эксете́ра. Его важнейшей формой стало участие в программе «Темпус» Европейского Союза и осуществление двух проектов «История» и «История-2» (1994-2000). Партнерами Ярославля и Эксете́ра в этой деятельности стал университет г. Билефельда (ФРГ) и Фридрихсбергский институт в Копенгагене (Дания). Реализация проекта включала академический обмен студентами, аспирантами, преподавателями не только из Ярославля, но и других городов. Были проведены три международных семинара; состоявшиеся на них выступления зарубежных историков опубликованы⁴. При поддержке проекта были переведены и изданы на русском языке труды иностранных авторов⁵. Одновременно с проектом «История» в 1996-1997 гг. на базе факультета совместно со специалистами из университета г. Эксете́ра осуществлялся финансируемый британским фондом Наффилда проект «История в начальной школе», в рамках которого на базе ряда школ Ярославской области проводилась экспериментальная работа и апробировались новаторские методики обучения истории⁶. К этому стоит добавить, что в 1994-1996 гг. осуществлялся обмен препода-

³ Европейская историография XX века. Материалы российско-британской научной конференции историков «Ярославль - Эксетер». Ярославль, 1992.

⁴ Новейшие подходы к изучению истории в современной зарубежной историографии. Материалы международных семинаров историков в Ярославле. Ярославль, 1997.

⁵ Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX вв.) М., 1997; Никол Дж. Ремесло учителя истории. Ярославль, 2001; Фишер В. Европа: экономика, общество и государство. 1914-1980. М., 1999; Хилл Кр. Английская Библия и революция XVII века. М., 1998. Подчеркнем, что перевод монографии известного британского историка К. Хилла осуществила видный российский англовед Т. А. Павлова, принимавшая участие в реализации проекта.

⁶ О данном проекте см. подробнее: Соколов А. Б., Барлова Ю. Е., Ширшов М. В. Курс «Моя история» в начальной школе // Преподавание истории в школе. 1997. №3.

давателями для чтения лекций и студентами для обучения с университетом г. Дэйтона (США). С 1998 г. на протяжении ряда лет факультет совместно с университетом г. Билефельда принимал участие в реализации программы «Александр Герцен» Германской службы академических обменов (DAAD). За это время были проведены несколько семинаров и летних школ, в которых участвовали преподаватели и аспиранты ряда российских вузов. Значительная часть выступлений зарубежных участников была опубликована⁷. Сотрудничество с немецкими историками и дидактами способствовало обновлению содержания и внедрению в учебный процесс новаторских подходов.

Названные проекты заложили основы международной деятельности факультета в 2000-х гг. Не затрагивая всех сторон этого сотрудничества и многочисленных индивидуальных проектов преподавателей факультета, отметим: наиболее важными вехами были международные конференции, материалы которых опубликованы. В 2004 г. была проведена конференция «Учитель истории в начале XXI века», в которой приняли участие специа-

⁷ См., напр.: Бергман К. «Мультиперспективность» в преподавании истории // Ярославский педагогический вестник. 2001. №2; Интервью А. Б. Соколова с профессором Р. Козеллеком // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2005. №15; Ролфес Й. Дидактика истории: история, понятие, предмет // Преподавание истории в школе. 1999. №7; «Будущее без прошлого немыслимо». Интервью А. Б. Соколова с профессором Й. Ролфесом // Преподавание истории и обществознания в школе. 2007. №3; Бериш Л. История преступности в Раннее Новое время: сравнение Западной Европы и России // Ярославский педагогический вестник. 2003. №3; Радкау Й. Размышления об истории окружающей среды // Ярославский педагогический вестник. 2003. №3; Слачника С. История тела: новые направления исследований // Ярославский педагогический вестник. 2003. №3; Швенгельбек М. Присяга на верность: об изменении политической коммуникации в XIX веке // Ярославский педагогический вестник. 2003. №3; Юкеттер Ф. Дискурс: рекомендация для исследовательской практики // Ярославский педагогический вестник. 2003. №3; Бериш Л. Рождение политической статистики в эпоху позднего Старого порядка // Диалог со временем. 2011. Вып. 37.

листы из Англии⁸. Тематика этой конференции отразила внимание, уделяемое кафедрами факультета вопросам дидактики истории. В 2008 г. на факультете состоялась первая международная конференция «Британия: история, культура, образование», собравшая более ста тридцати участников из примерно пятнадцати российских городов, а также из зарубежных стран: Англии, Германии, США, Румынии, Белоруссии. Материалы конференции опубликованы⁹. По итогам конференции был также опубликован сборник статей с международным участием¹⁰. В 2012 г. традиция проведения конференций, посвященных британской истории и образованию, была продолжена.

Хотелось бы поблагодарить участников конференций в Ярославле за неизменный к ним интерес, а авторов данного сборника за предоставленные статьи. Благодарим академика Аполлона Борисовича Давидсона, президента Ассоциации британских исследований за постоянную поддержку в осуществлении международного сотрудничества и разрешение использовать гриф Ассоциации при публикации данного сборника. Благодарим нашего друга и постоянного участника сотрудничества доктора Джонатана Никола за содействие в получении разрешения использовать в данном сборнике гриф организации британских историков – Исторической Ассоциации, а ее руководителя доктора Ребекку Сьюливен за предоставление этого разрешения.

А. Б. Соколов

⁸ Учитель истории в начале XXI века: содержание и технологии подготовки и повышения квалификации в условиях модернизации педагогического образования. Тезисы докладов международной научной конференции. Ярославль, 2004.

⁹ Британия: история, культура, образование: тезисы докладов международной научной конференции. 28-29 мая 2008 г. Ярославль, 2008.

¹⁰ От Елизаветы I до Елизаветы II. Проблемы британской истории в новое и новейшее время / под ред. А. Б. Соколова. Ярославль, 2008.

Филипповский Г. Ю.

**Эпоха Кнута Великого в Англии:
история, политика, культура, тексты**

Понятие «средневековый ренессанс»¹ - совсем не новость в научной литературе. Другое дело, что таких «ренессансов» было много. Самым первым и значимым был, конечно, Каролингский Ренессанс конца VIII – первой половины IX в., но известен и Оттонианский Ренессанс X в., особенно, Ренессанс XII в. – эпохи Высокого Средневековья, захвативший и Древнюю Русь².

Н. Ю. Гвоздецкая вслед за Р. Флетчером говорит об «английском церковном возрождении десятого века» в статье об Эльфрике – крупном писателе X – начала XI в., который использовал в своих книжных трудах и латинский, и древнеанглийский язык (умер около 1012 года)³. Правильно было бы в этом случае говорить об англо-саксонском возрождении X – начала XI в., когда не только активно развивались англо-саксонские монастырские и храмовые центры древнеанглийской книжной культуры, но и работали такие выдающиеся личности, как упомянутый

© Г. Ю. Филипповский, 2013

¹ Haskins Ch. H. *The Renaissance of the 12-th c.* Cambridge (M.), 1927; *Renaissance and renewal in the 12-th c.* // Ed. by R. L. Benson and G. Constable, C. D. Lauham. University of Toronto: Toronto – London in association with the Medieval Academy of America. 1991 (from a conference held under auspices of UCLA (University Commettee on Medieval Studies). 26–29 nov. 1977 Cambridge (M.).

² Брук К. *Возрождение XII в.* // *Богословие в культуре Средневековья.* Киев, 1992; Sanford E. M. *The twelfth century – Renaissance or Protorenaissance* // *Speculum.* 1951. Vol. 26. P. 635–641; Горнунг В. В. *Существовал ли «Ренессанс XII века»* // *Историко-филологические исследования (к 75-летию акад. Н. И. Конрада).* М., 1967. С. 272–282.

³ Гвоздецкая Н. Ю. *Англосаксонская история в лицах и конфликтах.* Иваново, 2001 (на базе книги: Fletcher R. *Who is who in Roman Britain and Anglo-Saxon England.* Lnd., 1989).

Эльфрик или, например, Вульфстан, архиепископ Йоркский (1002–1023 гг.)⁴. Будучи с 996 г. епископом Лондона, ближайшей к королю Этельреду личностью, Вульфстан с 1002 г. занимает соборную кафедру архиепископа в Йорке, городе, который контролировали датско-норвежские викинги (область Данло). Принимая это служение как свой личный крест, как долг перед нацией, Вульфстан становится, в условиях непрекращающихся набегов викингов, которые несли постоянные беды и нестабильность в Англии, фактически духовным вождем нации. Стремясь к укреплению мира и порядка в стране, Вульфстан пишет тексты постановлений и указов для короля Этельреда, и своды законов для короля-датчанина, занявшего затем английский престол, Кнута Могучего. Помимо этого Вульфстан в течение всей своей жизни работает над масштабным трактатом «Государственные институты, светские и церковные»⁵.

В христианской цивилизации Вульфстан видит единственно верный путь спасения и возрождения страны и народа, государственного строя Англии, так и укрощения необузданных северных варваров-викингов, приведения их на пути цивилизованной жизни. Вульфстан напоминал деятелей эпохи Каролингов – епископов, наставлявших королей на «королевский путь к мудрости». Находясь в Йорке, где гнездилась культура, литература, книжная мудрость каролингской эпохи, где ранее жил и работал один из крупнейших ее представителей Алкуин, Вульфстан был прекрасно начитан, знаком с книжным наследием каролингского Ренессанса. Среди 21 дошедшего до нас послания Вульфстана особое место занимает знаменитое *Sermo Lupi ad Anglos* («Послание Волка к Англам»)⁶.

Это по сути обращение к нации с эсхатологичным кризисным посланием, исполненным не только христианской, но и политической риторики. Как и в его главном трактате, здесь светское – общенародное и христианско-церковное переплетаются в послании Волка–Вульфстана. В некотором смысле можно

⁴ Вульфстан // Гвоздецкая Н. Ю. Указ. соч. С. 231–234.

⁵ Кнут // Гвоздецкая Н. Ю. Указ. соч. С. 240–245.

⁶ Crossley-Holland K. (ed.) *The Anglo-Saxon World. An Anthology.* Oxford, 1984. P. 292–299.

назвать его главное послание к нации современным нам понятием «шоковая терапия». Стиль его необычайно мощный и эффективный, «берущий за живое». Действительно, ситуация в Англии достигла крайнего напряжения из-за непрерывных военных побед викингов и военных поражений англо-саксов, из-за огромных и все возрастающих сумм денежного выкупа (откупные), который выплачивался викингам (однако, набеги продолжались и конца им не было видно).

В заглавии «Послания Волка к Англам» обыграно собственно имя архиепископа (Вульфстан – волк-камень), задана стилизованная противоречивая экспрессия текста, ведь народное в Англии прозвище викингов-террористов – «волки», – о них в послании едва ли не основной разговор, они – «кара Божья за наши грехи»: «И англичане сейчас уже долгое время не одерживают побед, по гневу Божию, викинги столь сильны, что с поущения Божия часто в битве один или два из них берут верх над десятью или около того англичан, иногда даже над большим числом, за грехи наши»⁷.

Вульфстан – Волк в своем послании не просто обрушивается на англичан за их грехи, он действительно, оправдывая свое волчье прозвание, бросает свой незаурядный риторический темперамент на деморализованный народ, ввергнутый в пучину почти эсхатологического кризиса. Ключевым словом в послании является «нация», оно повторяется 12 раз, слово «народ» – 13 раз, слово «земля» (родная) – 6 раз, «страна» – 3 раза. Естественно, что защищаются христианские нравственные принципы, но каждый англичанин рассматривается при этом как часть общего, будь то «народ, страна, нация, земля, мир». Народ Англии, нация – не только адресат послания, но и его концептуальный стержень.

Примечательно, что осуждению и критике подвергнуты лишь англичане. Что касается викингов, в их адрес нет ни одного выпада – лишь признание их силы, их победы: «Только сожаления об ущербе и сожаления об унижениях, которые англичане ныне выносят всецело от гнева Божия! Часто два Викинга, или иной раз три, гонят целое войско христиан от побережья

⁷ Ibid. P. 297.

к побережью прямо из центра земель нации, к великому позору нашему и с великими оскорблениями»⁸. Хотя Вульфстан говорит только о военных поражениях англичан в боях с викингами, все же ему без сомнения известны главные унижения нации, принявшие с X века системный характер. В правление Этельреда (Неразумного) англы постоянно откупались от викингов, причем эти огромные суммы постоянно росли (вместе с военной эффективностью ударов викингов), росло бремя, тяготевшее над нацией, которое стало почти невыносимым⁹. Страна была и обескровлена, и унижена, и деморализована.

Поэтому в 1016 г. после смерти короля Этельреда, а затем и завоевателя-язычника короля данов Свена, его сын Кнут, принявший христианство и взявший курс на примирение англо- и викингов, безальтернативно был избран королем Англии. Немало этому способствовал архиепископ Йорка Вульфстан, ставший главным советником Кнута. Свое знаменитое, эпохальное «Письмо Кнута к народу Англии» 1019–1020 гг. Кнут явно писал¹⁰, следуя, как образцу, примеру Вульфстана, его упомянутого уже «Послания Волка к Англам» 1014 г. Ведь и Кнут был по сути «волком» – викингом, но также – авторитетной фигурой – королем Англии, официально избранным знатью страны, и англичанами, и датчанами, которым Кнут раздал земельные владения в стране и наделил властью. Разумеется, поддержка Вульфстана была продиктована политической конъюнктурой: 1) после решающей битвы Свена и Кнута 1016 г. при Ашингдоне, когда погибли все четыре правителя земель Англии (олдермены), их тут же заменили люди Кнута (граф Эрик в Нортумбрии, Торкель Длинный в Восточной Англии), земли были щедро розданы во владение людям Кнута; 2) еще в 1015 г. по прибытии в Англию Кнут женился на дочери правителя Нортумбрии Эльфгиве, а затем по смерти короля Этельреда и затем короля Свена, став сам королем Англии, женился повторно на ставшей вдовой королеве Эмме, унаследовав вместе с ней и королевство со всей системой государственного управления и аппаратом власти.

⁸ Ibid.

⁹ Гвоздецкая Н. Ю. Указ. соч. С. 215–216.

¹⁰ The Anglo-Saxons. J. Campbell (ed). Harmondsworth, 1991. P. 209.

Кнут, как и справедливо отмечается в научной литературе, стал не завоевателем, а законным королем Англии¹¹. Именно поэтому новому королю Англии – дану-викингу Кнуту как законному христианскому правителю Англии и была оказана поддержка первым по авторитету церковным иерархом Англии – интеллектуалом Вульфстаном, архиепископом Йоркским. Именно поэтому «Письмо Кнута к народу Англии» было вписано в конце Йоркского Евангелия 1019 г., рукопись которого сохранилась в собрании библиотеки York Minster под № 61904.625.308.

Жанр христианского послания восходит к первым векам христианства, к посланиям Апостола Павла, имеет долгую и богатую историю, включая, например, послание короля Карла Великого к королю Мерсии Оффе или послания Алкуина к Этельреду, королю Нортумбрии. Однако, христианское послание – «Письмо Кнута к народу Англии» явно следует примеру послания архиепископа Вульфстана к народу Англии. Очевидно, что Кнут находился под впечатлением замысла Вульфстана в его упомянутом выше трактате «Государственные институты, светские и церковные». Обоими руководила идея национального мира и согласия, единения и этнополитической консолидации. Кнудом владела мысль о создании единой северо-европейской империи под его властью и с участием Англии и Скандинавии (Дании, Швеции и Норвегии). Эта консолидированная идея отразилась в том концепте Engla Lond, который читается в его знаменитом «Письме Кнута к народу Англии», конкретно в рукописи Евангелия 1019 г. из собора в Йорке.

Вслед за посланием Вульфстана у Кнута в его Письме повторено три раза слово «народ». Кроме того, многократное употребление слова «нация» Вульфстаном отозвалось, правда в однократном, но все же использовании этого слова в послании Кнута. Обращает внимание регулярное повторение Кнудом словосочетаний, объединяющих христианское и секулярное право, людей церкви и мирян, что, как уже отмечалось, вполне перекликается с идеологией трактата Вульфстана о государственных институтах – светских и церковных (об их сопряжении и взаимодействии). Разумеется, Кнут особый акцент сделал на осуж-

¹¹ Ibid. P. 208.

дении вражды данов и англо-викингов, на устранении опасности и гарантиях безопасности народу Англии под покровительством христианского Бога и его святых (разумеется и под властью короля Кнута). Цель Кнута – общественная консолидация страны и народа. Что же касается аспектов государственно-политического и этнополитического единства, то здесь главную роль играет введенный им концепт Engla Lond (кстати, в известной мере перекликающийся с этнополитическим концептом Руси «Русская Земля»)¹².

Характерно, что в обоих случаях видим примеры средневековой государственной и этнополитической консолидации стран и народов регионов именно Северной Европы (в одном случае – Востока Северной Европы – Русь, «Русская Земля», империя Рюриковичей, в другом случае – Запада Северной Европы – англо-скандинавская империя Кнута). Разумеется, прецедент объединения в европейском масштабе, затронувшего прежде всего Север Европы, связан с Каролингским Возрождением, империей Карла Великого VIII – начала IX в. Как пишет Гордон Лефф, «самая поразительная черта Каролингской империи состоит в том, что она обеспечила перенос центра тяжести европейской цивилизации со Средиземноморья на Северо-запад Европы»¹³. Можно добавить, что именно этот регион должен был стать главным с точки зрения развития в эпоху Средневековья: «идеал единства уже не умирал – он мог быть возрожден отдельной сильной личностью, однако, подлинное европейское единство видится в ее христианском единении и в единстве Церкви»¹⁴.

Именно эти идеи акцентировал Кнут (вслед за Вульфстаном) в своем «Письме Кнута к народу Англии» – не только идеал Engla Lond – этнополитического единения, консолидации, но

¹² Филипповский Г. Ю. «Engla Lond» Кнута Великого и «Русская Земля» Рюриковичей: проблема связи // Британия: история, культура, образование. Тезисы докладов международной научной конференции Вып. 2. Ярославль, 2012, С. 50–52.

¹³ Leff G. Medieval thought. St. Augustine to Ockham. Harmondsworth, 1962. P. 27.

¹⁴ Ibid. P. 264.

государственно-политический имперский идеал, новую форму континентально-островного государственно-культурного объединения (после 1066 г. как бы в продолжение мыслей Кнута она будет реализована Вильгельмом Завоевателем). Интересные мысли высказал Г. Лефф в связи с обсуждаемой темой: «Окончание вторжений около 1000 года знаменует конец первой фазы Средневековья. Речь идет о начале, переходе ко второму феодальному фазису Средневековья. Время Каролингов поменяло концепцию культуры Европы. Если ранее Запад был зажат в угол мира с небольшими планами на широкие контакты и главным аргументом в виде меча, то второй феодальный век Средневековья принес скругление опрокинутых барьеров, что привело к новой значительности прежде периферийных этнополитических регионов. Возвращение ситуации мирного развития дало миру Европы обновление принципов жизнеустройства»¹⁵.

Что интересно, возникла не только новая для Северной Европы империя Кнута, но возник и сам новый Кнут. Как подметили авторы книги «Введение в средневековую Европу» Томпсон и Джонсон, «в 1016 году датский король сел в конце концов на английский трон, великий сын Свена Кнут (Knut), Канут (Canute) *английской легенды*»¹⁶. Второй легендой времени Кнута стал упомянутый выше концепт *Engla Lond*¹⁷, вполне соотносительный с этнополитическим концептом Руси «Русская Земля», где дублируется эпическая модель «призвание правителя из-за моря». Почва для концепта *Engla Lond* готовилась задолго до конца X века, его корни, как уже отмечалось, в каролингском имперском этнополитическом единении с опорой на страны Северо-Запада Европы. Однако, появился этот концепт только в правление Кнута Великого, когда послание («Письмо Кнута к народу Англии») и упомянутый концепт стали главными политическими инструментами не только создания многоэтнической империи Кнута в Северной Европе между 1010-ми и

¹⁵ Ibid. P. 78–79.

¹⁶ Thompson J. W., Johnson E. N. An introduction to Medieval Europe. 300–1500 N.Y., 1937. P. 270.

¹⁷ Wormald P. Engla Lond: making of an allegiance // The Journal of Historical Sociology/ 1994. N 7. P. 1–24.

1030-ми гг., но средством достижения мира и согласия между этими народами, их правителями, государственно-политического единства, консолидации, прежде всего, между скандинавами-викингами и англо-саксами (до того налетчиками-грабителями и их жертвами). Следует, правда, оговориться, что включение Норвегии в союзную державу Кнута не обошлось без военной борьбы и вооруженного давления, правда, Шотландия мирно присоединилась к империи Кнута.

Вообще, христианство и мир стали главным путем достижения Кнутом поставленной цели, и они совпадали, в принципе, с умонастроением и усилиями архиепископа Вульфстана (Кнут присутствовал даже на коронации Конрада II в Риме). Послание Кнута с его лейтмотивом «народ и нация» опиралось не только, как и в послании Вульфстана, на мотивы христианского самосознания нации, проблемно и эсхатологично заостренного, но и на эпическую традицию «призвания правителя из-за моря», известную и у англо-саксов («Англосаксонская Хроника») и у Руси («Повесть временных лет»), а христианская составляющая послания – на христианско-государственный опыт Европы, начиная с Каролингов и германской Оттонианской государственности, но также и на опыт христианизации Руси скандинавами Рюриковичами в 988 г., с его территориальной этнокультурной консолидацией, объединением разрозненных племенных групп и земель. В. Я. Петрухин¹⁸ с опорой на А. А. Куника отмечает близость названных выше мотивов в «Деяниях саксов» X в. Видукинда Корвейского и в «Повести временных лет» – призвание Рюрика и братьев «из-за моря». Характерный концепт «Русская Земля» как знак этнокультурного объединения зафиксирован впервые во включенном в «Повесть временных лет» договоре Руси с Греками 911 г. в не менее характерном для викингов контексте «лодей», т.е. кораблей: «...также проказа лодьи руской, да проводимъ ю в Рускую землю, да продают рухло той лодьи...». Формула «земля наша велика и обильна» – общая и для

¹⁸ Петрухин В. Я. Становление государств и власть правителя в германо-скандинавских и славянских традициях: аспекты сравнительно-исторического анализа // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего Средневековья. Отв. ред. Флоря Б. Н. М., 2009. С. 82.

«Деяний саксов», и для «Повести временных лет», и фактически – «Письма Кнута к народу Англии», – народно-эпическая, синтезирующая в основе, как и концепты «Русская Земля» и *Engla Lond*.

Государственно-этнополитический концепт «Русская Земля», известный в письменных источниках Древней Руси с начала X в., соединяет воедино темы Земли, Народа и Княжеского рода в масштабах «империи» Рюриковичей от Старой Ладogi на севере до Киева на юге Руси. Русско-скандинавский по происхождению и истокам концепт «Русская Земля» стал фактом не только этнополитики, но и зарождающейся литературы, ее эпических жанров, предшествовал во времени появления скандинаво-английскому концепту *Engla Lond* начала XI в., времени Кнута Великого, со сходными государственно-политическими функциями, что говорит о существовании не только их связи и взаимодействия, но и об общности их культурной и этнополитической онтологии. О письме-послании Кнута, написанном из Дании и обращенном всецело к народу Англии, существует целая литература, но прежде всего, труды П. Соьера¹⁹. Специально концепт *Engla Lond* обсуждает статья Р. Wormald «*Engla Lond: making of an allegiance*»²⁰, одного из авторов известной коллективной монографии: «*The Anglo-Saxons*»²¹.

Третьей легендой времени Кнута может считаться версия о появлении в первой четверти XI в. великой эпической поэмы «Беовульф», прославляющей героические подвиги геатов (шведов) и данов, на базе древних родовых преданий и мифологических германо-скандинавских сказаний. Загадка «Беовульфа» состоит в том, что эта поэма о героическом прошлом данов была написана в Англии²² на древнеанглийском языке и английским автором. Причем ни один из ее ученых-исследователей никогда

¹⁹ Sawyer P. H., Wood I. N. (ed.) *Early Medieval Kingship*. Leeds, 1977; Sawyer P. H. *Scandinavians and the English in the Viking Age*. Cambridge, 1995; Richards J. D. *Viking Age England*. Charleston, 2000.

²⁰ Wormald P. *Op. cit.*

²¹ *The Anglo-Saxons...*

²² *The Reader's Companion to World Literature*. Ed. by L. H. Hornstein. N. Y., 1973. P. 57–58.

не сомневался в том, что автор-составитель огромной поэмы (3182 строки книжного эпоса) – христианин²³. В самом тексте «Беовульфа» (при всей его связи с мифологическими, древними сказаниями) масса тому примеров – здесь упоминается и библейский Каин – братоубийца, и иные библейские реминисценции, мотивы христианской поэмы о Творении кэдмонической традиции англосаксонской монастырской поэзии VII–VIII вв.²⁴ Единственная сохранившаяся полная рукописная версия «Беовульфа» (шифр: Cotton Vitellius A XV) датируется рубежом X–XI вв., относится ко времени Кнута Великого, что порождает мысли о ее связи с не только культурно-исторической, но и государственно-политической ситуацией в Англии эпохи Кнута Великого.

Как отмечает Н. Ю. Гвоздецкая вслед за Э. Кирианом, существуют «основания предположить, что она (т.е. рукопись «Беовульфа» и сама поэма как текст – Г. Ф.) была создана по заказу самого короля»²⁵. Удивительно, но англосаксонская поэма «Беовульф» начинается строками, которые вполне могли быть связаны с этнополитическими амбициями эпохи Кнута: «Истинно, исстари слово мы слышим о доблестях данов, о конунгах датских, чья слава в битвах была добыта»²⁶. Тема христианского Бога и Творения в «Беовульфе» соединена не только с темой истоков, начал, но и с мотивом скандинавского сказителя, который повествует об этом на пиру у конунга Хродгара, в его великолепной палате Хеорот: «Там арфа пела и голос ясный песносказателя, что преданье повел от начала от миротворенья; пел он о том, как Создатель устроил сушу–равнину, омытую морем, о том, как Зиждитель упрочил солнце и месяц на небе, дабы

²³ Crossley-Holland K. (ed.) *Op. cit.* P. 71; *The Reader's Companion...* P. 58.

²⁴ Schlauch M. *English Medieval Literature and its Social Foundations*. L., 1967. P. 36–46; Swanton M. *Beowulf*. Manchester, 1990.

²⁵ Гвоздецкая Н. Ю. Указ. соч. С. 243; Kiernan K. «*Beowulf*» and the «*Beowulf*» Manuscript. New Brunswick, 1981; См. также. Мельникова Е. А. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987. С. 189.

²⁶ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 29.

светили всем земнородным и как Он украсил зеленью земли, и как наделил Он жизнью тварей, что дышат и движутся» («Беовульф», строфы 89–98)²⁷. Загадка «Беовульфа» состоит не только в его датской героической теме на почве древнеанглийской авторской поэзии (книжного эпоса), но и в хорошо уже известном по посланиям Вульфстана и Кнута принципиальном соединении христианской и народной (светской) тональностей, мотивов. Христианская идея консолидации была хорошо известна богатой древнеанглийской поэзии VII–X вв., в том числе таким поэмам, как «Елена», «Андреас», «Видение Креста», «Феникс» и др.

Тот факт, что в окружении Кнута создавались заказные литературные произведения, создававшие положительный, даже героический ореол вокруг образа Кнута и его англоскандинавской империи, говорит «Encomium of Queen Emma»²⁸. Он был написан на континенте монахом одного из французских монастырей по заказу королевы Эммы, жены Кнута, уже после его смерти в целях возвеличивания заслуг и подвигов этого датского короля на почве Англии. Если же вернуться к каролингскому культурному наследию, упомянутому выше в связи с образованностью Вульфстана и книжников соборной школы в Йорке, следует отметить поразительное текстовое пересечение «Беовульфа» и ряда произведений поэтов из кружка Карла Великого, прежде всего Седулия Скота и Теодульфа²⁹. «Послание к епископу, досточтимому Хартгарю» Седулия и «Послание к королю» Теодульфа включают развернутый образ Палат, соотносительный с главным, основным в «Беовульфе» образом Хеорота, королевских покоев с удивительной позолоченной кровлей, где заседает конунг Хродгар и его супруга Вальхтеов: «И вдруг перед ними в холмах воссияла златослепящая кровля чертога жилища Хродгара...», где он дает пиры дружине и приближенным и куда драматично врывается Грендаль, сея смерть и

²⁷ Там же. С. 33.

²⁸ The Anglo-Saxons... P. 208.

²⁹ Ярхо Б. И. Поэзия Каролингского Возрождения. М., 2010.

беду. Теодульф начинает послание славой королю и описанием сбора придворных в королевской палате³⁰:

Пусть соберется совет, и молебен отслужат в палатах,

В коих прекраснейший свод сделан умелой рукой.

Пусть в престольный покой возвратятся все совокупно,

Пусть красавица-царя окружит дорогое потомство,

Сам же он выше всех, солнцу подобный меж звезд».

(Ср. пир Хродгара в Хеороте «Беовульфа»)

Вот начало послания Седулия Скота³¹:

Ваша кровля горит светом веселым,

Кистью новых творцов купол расписан...

Контрастная ситуация послания Седулия Скота показывает иную, драматическую картину (ср. явление Грендаля в «Беовульфе»)³²:

Было так же темно логово Кака,

И таков Лабиринт был непроглядный,

Уподобленный тьме ночи глубокой.

Так и наше жильё – тяжкое горе!

Скрыто страшным на вид черным покровом

Там при свете ночном ночи подобье...

Прекрасный образ Вальхтеов, жены Хродгара в «Беовульфе» («Вышла Вальхтеов, блистая золотом, супруга Хродгара, гостей приветствовать по древнему чину...») перекликается с чудными женскими образами послания Теодульфа:

Рядом же с нею стоит Лиутгарда в красе своей мощной,

Та, что сверкает умом и благочестьем своим...»³³

³⁰ Там же. С. 148.

³¹ Там же. С. 188.

³² Там же. С. 189.

³³ Там же. С. 149.

Видимо не случайно многие ученые усмотрели в «Беовульфе» реминисценции поэзии Вергилия («Энеида») ³⁴. Уместно вспомнить имена – прозвания членов Академии Карла Великого: Алкуин – Гораций Флакк, Ангильберт – Гомер, Карл Великий – Давид, Муадвин – Овидий и т.д. ³⁵ Весьма вероятно, что Кнут и сотрудничавший с ним Вульфстан-Волк могли опираться на наследие Йоркского соборного скриптория книжников, где к началу XI в. еще не выветрились каролингские традиции Алкуина, в заказном проекте «Беовульфа» – поэмы, прославлявшей на древнеанглийском языке древние героические подвиги скандинавов. Путь к новому государственно и этнополитическому согласию на земле Англии первой четверти XI в. мостили не только «Послание Волка к Англам» Вульфстана, «Письмо Кнута к народу Англии», концепт *Engla Lond*, имперская политика Кнута Великого, но и литературные тексты, в частности, великий книжный эпос «Беовульф». Тем самым, континентальный вектор в культурно-исторической динамике Британии явно нарастает, что в считанные десятилетия приведет к полной военно-политической, этногосударственной и культурно-исторической трансформации Англии – после победы 1066 г. Вильгельма Завоевателя – норманна, потомка тех же скандинавских викингов, к которым относился и король Кнут Великий.

³⁴ Schlauch M. Op. cit. P. 38.

³⁵ Ярхо Б. И. Указ. соч.

Гриссе М.

**Английская революция и ее воздействие на континент:
о написании перекрестной коммуникативной истории
европейского кризиса середины XVII столетия**

Вопрос, которого я хотел бы коснуться в своей статье – это реакция Европейского континентального сообщества на Английскую (пуританскую) революцию, а именно, масштабы влияния этих фундаментальных в историческом смысле событий в Англии на развитие внутренних конфликтов и кризисов в государствах на континенте. Европу бесконечно сотрясали восстания и гражданские войны: Фронда; масштабные восстания против испанской власти в Каталонии, Португалии, Неаполе, Палермо; мятежи на Украине, в Швейцарской Конфедерации и даже в России (восстания горожан, прокатившиеся от Москвы до Пскова) ¹. Правительства на континенте дрожали от страха, особенно

© М. Гриссе, 2013

¹ См. классическое исследование об одновременных восстаниях и гражданских войнах в середине XVII века: Merriman R. B. Six Contemporary Revolutions. L., Edinburgh, 1938. Мерримен сосредоточился исключительно на Западной Европе, хотя и не пишет об этом ограничении. Он не принимает во внимание события в ни Московском государстве, ни в Украине, ни даже в Швейцарии. С тех пор много историков работали над темой этого общего кризиса XVII века. Большое внимание к этим конфликтам возникло в основном в контексте дискуссии между марксистской и немарксистской историографиями о природе общественных отношений, феодализме и предполагаемой классово-борьбе. Очень влиятельной книгой на Западе было исследование Rabb T. K. "The struggle for stability in early modern Europe" (New York, 1975). Автор с точки зрения менталитетов и феноменов изобразительных искусств видит продолжительный период оспаривания всего того, что раньше казалось естественным, включая законность власти. По его мнению, кризис середины века был катартическим моментом в том смысле, что создалось новое согласие о необходимости крепкого государства, которое в состоянии примирить общество. Эта маленькая

после того, как Карл I был предан суду и приговорен к смерти как изменник². Этот преступный судебный процесс, проводившийся во имя народа против его же собственного монарха, был абсолютно недопустим с правовой точки зрения. Государственная измена означала атаку против королевской персоны. Таким образом, оправдание власти в парламентской риторике существенно изменилось³. Теория о «двух телах короля», блестяще описанная в очерке политической теологии Средневековья Эрнстом Канторовичем, служила опорой для смены идеологии⁴. Забыв об общем благе, не без помощи своих дурных советчиков, Карл I лишился своего политического тела, в которое теперь надлежало вселиться Парламенту. Эти тонкости могли остаться и незамеченными, но после казни короля и провозглашения республики в оправданиях политической теории источник верховной власти перешел к народу – и Парламент потратил много времени и бумаги на узаконивание этого шага и доведение его смысла до английской общественности, а заодно и общественности других государств⁵.

Монархи на континенте были чрезвычайно встревожены происходящими в Англии событиями, опасаясь эффекта домино, способного уничтожить одну монархию за другой. Они боялись, что их подданные последуют примеру английских революцио-

нижка вызвала много дебатов. О них см.: Benedict P., Gutmann M. P. *Early Modern Europe. From Crisis to Stability*. [Revisions of papers presented at the "Pattern of the Early Modern Past" Conference, held in September, 2002]. Newark, 2005.

² См.: Hill C. *The English Revolution and the Brotherhood of Man // Puritanism and Revolution. Studies in Interpretation of the English Revolution of the 17th Century*. L., 2001. P. 112-138.

³ Schröder H.-C. *Die Revolutionen Englands im 17. Jahrhundert*. 3rd ed. Frankfurt am Main, 1995.

⁴ Kantorowicz E. H. *The king's two bodies. A study in mediaeval political theology*. Princeton, NJ, 1957.

⁵ Самая яркая фигура в этих попытках оправдать новый режим, английскую республику, построенную на убийстве монарха, – Джон Мильтон. См.: Loewenstein D. *Representing revolution in Milton and his contemporaries. Religion, politics, and polemics in radical Puritanism*. Cambridge, 2001.

неров. Опасения подогревал и пуританский прозелитизм, *стремление распространить свою веру*. Фанатичные приверженцы пуританства открыто заявляли о том, что протестантизм, республика и власть парламента – это товары, производимые на экспорт в Европу⁶. Они надеялись на основательные преобразования религиозных и политических режимов, по крайней мере, в странах Западного Христианства. С другой стороны, внешняя политика Оливера Кромвеля была далека от утопического интернационализма – он проводил вполне традиционную политику «государственных соображений»⁷. И некоторые историки утверждали, что пуритане, ожидавшие прихода тысячелетнего царства божия, возлагали надежды относительно общественных перемен в основном на Господа и потому не имели четких планов земных политических преобразований⁸.

Но как в действительности была принята Английская революция на континенте? Какое влияние она оказала на события, происходившие в других странах Европы? Действительно ли подданные своих монархов последовали примеру английских революционеров или, по крайней мере, попытались это сделать? Что было источником страха перед эффектом домино? До какой степени Английская революция служила аргументом в решении внутренних конфликтов и разногласий? Если эти вопросы возникали, значит, информация на континент действительно проникла и распространялась там. Но как? В каком объеме? По

⁶ Hill C. *Op. cit.*; Benigno F. *Mirrors of revolution. Conflict and political identity in early modern Europe*. Turnhout, 2010; Hillary A. A. *Oliver Cromwell and the challenge to the monarchy*. Oxford, 1969.

⁷ См. классическую биографию Кромвеля Gardiner S. R. *Oliver Cromwell*. L., 1901 и совсем недавнее исследование Gentles I. *Oliver Cromwell. God's warrior and the English revolution*. Basingstoke, Hampshire, 2011. Для более сосредоточенного рассмотрения внешней политики республики см. Когг С. Р. *Cromwell and the new model foreign policy. England's policy toward France; 1649-1658*. Berkeley, 1975.

⁸ См.: Schröder H.-C. *Op. cit.* В противоположность к этой интерпретации Вальцер подчеркнул земной революционный потенциал радикальных религиозных взглядов пуритан: Walzer M. *The revolution of the saints. A study in the origins of radical politics*. Cambridge, Mass, 1965.

каким каналам? И от кого именно она поступала? Какие аналогии выстраивались? И кто их строил?

Во-первых, необходимо разобраться в источниках информации, которыми располагала общественность и которыми пользовались в тайных кругах. Существенную роль в распространении новостей играла пресса – особенно в Священной Римской Империи⁹. Одновременно правительства государств старались добывать сведения с помощью дипломатических служб и информационных агентов, которых специально нанимали для этой цели. Они хотели точно знать, что происходит вокруг¹⁰. Однако монархи явно не желали способствовать информированности собственных подданных. Они всячески попытались контролировать и сдерживать работу средств массовой информации¹¹.

⁹ В последнее время было опубликовано много работ о роли газет в Священной Римской империи. В противоположность к французской «Газет» - и с начала XVIII века к «Ведомостям» – газеты как в Германской империи, так и в Соединенных Провинциях (Нидерландах), являлись не государственным, а коммерческим предприятием. Arndt J., Körber E.-B. eds. *Das Mediensystem im Alten Reich der Frühen Neuzeit: (1600-1750)*. Göttingen, 2010. Сообщения о событиях Английской гражданской войны также находятся в многочисленных брошюрах, листовках, книгах. Немецкий историк Берггауз собирал все эти материалы в разных европейских библиотеках. См. его аннотированную библиографию о восприятии Английской революции в немецкоязычных странах: Berghaus G. *Die Aufnahme der englischen Revolution in Deutschland 1640-1669*. Wiesbaden, 1989.

¹⁰ О французских дипломатических и информационных демаршах см.: Knachel P. A. *England and the Fronde. The Impact of the English Civil War and Revolution on France*. New York, 1967. О дипломатической политике ганзейских городов см.: Hitzgrath H. *Die politischen Beziehungen zwischen Hamburg und England zur Zeit Jacobs I., Karls I. und der Republik von 1611-1660*. Hamburg, 1907. См. также: Schilfert G. *Zur Geschichte der Auswirkungen der Englischen bürgerlichen Revolution auf Nordwestdeutschland // Beiträge zum neuen Geschichtsbild. Zum 60. Geburtstag von Alfred Meusel*. Berlin, 1956.

¹¹ На имперском сейме 1653-1654 гг. обсуждался запрет литературы об английской революции. Berghaus G. *Op. cit.* Однако ввиду политической раздробленности Империи цензура не оказалась очень эффективной.

Тем не менее, на мой взгляд, публичные и секретные источники информации были переплетены теснее, чем это может показаться на первый взгляд. Дипломаты Раннего нового времени крайне нуждались. Наняться на дипломатическую службу скорее было вопросом чести. Жалованья на обеспечение всех представительских расходов категорически не хватало¹². Отсюда и частые утечки секретной информации. Дипломаты передавали сведения издателям, а порой писали сами – иногда не подписываясь, а иногда и ставя в конце свое имя¹³. Академия анонимов – *Accademia degli Incogniti* – группа писателей и художников Венеции – может служить хорошим примером. Анонимы много писали об Английской революции, а также о восстаниях и мятежах, происходивших в государствах континентальной Европы¹⁴. Хотя они

¹² О дипломатах, их недостаточном жалованье и, как следствие, об их инициативах по добыванию альтернативных доходов см. Bély L. *Espions et ambassadeurs. Au temps de Louis XIV*. Paris, 1990; Hugon A. *Au service du Roi Catholique. “Honorables ambassadeurs” et “divins espions”; représentation diplomatique et service secret dans les relations hispano-françaises de 1598 à 1635*. Madrid, 2004; Kugeler H. “Ehrenhafte Spione”. *Geheimnis, Verstellung und Offenheit in der Diplomatie des 17. Jahrhunderts // Die Kunst der Aufrichtigkeit im 17. Jahrhundert*, edited by H. Kugeler and S. Martus. Tübingen, 2006. S. 127–148.

¹³ О более позднем примере Патрика Гордона и его сообщении из Московии в «Лондон газет» см.: Pernal A. B. *The London Gazette as a Primary Source for the Biography of General Patrick Gordon // Canadian Journal of History*. 2003. April (38, 1). S. :1–17; Herd G. P. *The London Gazette as a Source for Seventeenth Century Russian History // Eighteenth Century Russian History Newsletter*. 1995 (23). P. 1–5.

¹⁴ Об Анонимах см.: Miato M. *L' accademia degli incogniti di Giovan Francesco Loredan, Venezia (1630-1661)*. Firenze, 1998; Conrieri D., ed. *Gli incogniti e l'Europa*. Bologna, 2011. Об их восприятии Английской революции см.: Villani S. *Gli Incogniti e l'Inghilterra // Gli incogniti e l'Europa*, edited by D. Conrieri. Bologna, 2011. P. 233–276; Villani S. *The English Civil Wars and the Interregnum in Italian Historiography in the 17th century // Caricchio M, Tarantino G., eds., Cromohs Virtual Seminars. Recent historiographical trends of the British Studies (17th-18th Centuries)*. (1-4). 2006-2007. Особенно объемно произведение Анонима Витторио Сири (Vittorio Siri), который написал в своем многотомном изложении

и были вольнодумцами, все же католическая вера заставляла их в большей степени сочувствовать Карлу I. Справедливости ради они старались избегать слишком ярких оценок. В основном они считали себя историками, и хотели просто изложить события. Многие из них поддерживали прочные отношения с сотрудниками дипломатических служб, прежде всего, французских и венецианских. Венецианцы были очень хорошо осведомлены, и их система дипломатической переписки была очень развита¹⁵. Подобным же образом голландский журналист Льов ван Эйтзем написал тома о европейских государственных делах: о нидерландской революции, во-первых, об английской революции, во-вторых, а также и о ситуациях в других государствах. Он даже осветил события московского «соляного бунта», сравнив его с восстанием Мазаньелло в Неаполе в 1647-1648 гг.¹⁶ Официально он служил информационным агентом ганзейских городов Рейха, но после его смерти выяснилось, что он поставлял информацию и правительствам других государств, т.е. фактически был шпионом¹⁷. Конечно, публичные и секретные информационные каналы пересекались.

Однако Московское государство служило примером обратного. Здесь не печатали газет, не издавали памфлетов, не уст-

современных ему политических конфликтов в Европе (середины XVII века) больше 2 500 страниц только о событиях в Англии.

¹⁵ Queller D. E. The development of ambassadorial relazioni // *Renaissance Venice* Edited by J. R. Hale. L., 1973. P. 174–196; Andreas W. Staatskunst und Diplomatie der Venezianer im Spiegel ihrer Gesandtenberichte. Leipzig, 1943.

¹⁶ van Aitzema L. Saken van Staet En Oorlogh, In, ende omtrent de Vereenigde Nederlanden. Beginnende met het Jaer 1645, ende eyndigende met het Jaer 1656. Graven-Haghe, 1669. P. 229–231.

¹⁷ См. Wurm C. F. Studien in den Archiven von Braunschweig, Bremen, Haag (niederländ. Reichsarchiv) und Wolfenbüttel, über die Lebensschicksale des Foppius van Aitzema, ersten niederländischen Residenten bei den Hansestädten, und über den Nachlass des Leo van Aitzema, ersten hansischen Residenten im Haag // Verzeichniss der Vorlesungen. 1854. S. 1–70; Wurm C. F. Urkundliche Mittheilungen über die Schuld und die letzten Schicksale des Foppius van Aitzema. Nachtrag zum vorjährigen Osterprogramm // Verzeichniss der Vorlesungen. 1855. S. 43–57.

раивали книжных ярмарок. Страна была герметично закрыта от внешнего мира. Однако секретные службы все же работали, правда, весьма своеобразно. Информация, открытая для общества в Западной Европе, использовалась при московском дворе как секретная, что время от времени вызывало насмешки иностранных дипломатов, имевших дело с московскими коллегами. Августин Майерберг писал, что в Москве верят сведениям каких-то немецких или голландских «Курантов», как Слову Божию¹⁸. Действительно, немецкие и голландские газеты изучались и переводились при Московском дворе, а затем переводы зачитывались царю и членам посольского приказа (выполнявшего функции министерства иностранных дел)¹⁹. Сведения должны были пополняться московскими дипломатами, но они писали мало²⁰.

¹⁸ Цитата воспроизводится по введению С. Шамина к первому полутому издания «Вестей-Курантов» с 1650-х до начала 1670-х годов. Майер И., Котков С. И. Вести-куранты. 1656 г., 1660-1662 гг., 1664-1670 гг. В 2 т. М., 2009.

¹⁹ О «Вестях-Курантах» и практике перевода на московском дворе см. Maier I., Pilger W. F. Second-hand Translation for Tsar Aleksey Michajlovich - a Glimpse into the “Newspaper Workshop” at Posol'skij Prikaz // *Russian Linguistics*. 2001. 25(2). P. 209–242; Maier I. Presseberichte am Zarenhof im 17. Jahrhundert. Ein Beitrag zur Vorgeschichte der gedruckten Zeitung in Russland // *Jahrbuch für Kommunikationsgeschichte*. 2004. Nr. 6. S. 103–129. См. также объемное введение Ингрид Майер ко второму полутому упомянутых «Курантов»: Майер И., Котков С. И. Указ. соч.

²⁰ См.: Schaub M.-K. Comment régler des incidents protocolaires? Diplomates russes et français au 17e siècle // *L'incident diplomatique (XVIe-XVIIIe siècle)*. Edited by L. Bély and G. Poumarède. Paris, 2010. P. 223–236. Изданные источники, например: Nazarov V., Ougarov P. Les premiers Bourbons et le premier Romanov. La relation de l'ambassade en France d'Ivan Kodyrev et Mikhaïl Neverov // *Le traité de Vervins*. Edited by J.-F. Labourdette, J.-P. Poussou and M.-C. Vignal. Paris, 2000. P. 473–481, Potemkin P. I. La Russie du XVII. siècle dans ses rapports avec l'Europe occidentale. Récit du voyage de Pierre Potemkin (envoyé en ambassade par le tsar Alexis Mikhaïlovitch à Philippe IV d'Espagne et à Louis XIV en 1668). Paris, 1855. См. также: Алпатов М. А. Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в.? // История и исто-

Что же касается освещения событий в Англии, то здесь мы имеем беспрецедентный дипломатический отчет, составленный русским послом в Англии Герасимом Дохтуровым²¹. В 1645 г. Дохтуров был направлен ко двору Карла I, видимо, чтобы сообщить о восшествии на престол царя Алексея Михайловича, однако был встречен депутатами парламента. Аудиенции короля он так и не получил, но зато подробно описал события, происходящие там во время его долгого визита. Помимо обязательного отчета (статейного списка), он составил дополнительный отчет (роспись), с которым он, наверное, намеревался обратиться к более широкой аудитории²². В отчете не прослеживалось особенно враждебного отношения к английскому парламента, Дохтуров даже часто излагал дела более или менее с точки зрения английских революционеров, что, конечно, связано с тем, что он вынужденно находился в среде или политиков и прямых сторонников Парламента, или торговцев, симпатизирующих Парламенту. Неизвестно, как далеко распространилась информация, собранная русским послом. Но достойно внимания то, что Английская революция стала веским аргументом во внутренних конфликтах Московского государства середины XVII века. На самом деле, в 1640-х гг. челобитники, в особенности торговцы, жаловались на то, что английские дельцы пользуются привилегиями, ущемлявшими интересы московских купцов. Они утверждали, что английские негодяи Общества международных торговцев (Company of Merchant Adventurers) *поддерживают власть парламента, а, значит, их следует казнить за измену своему королю*²³. В ответ на это Московский двор действительно ограничил

рики. 1966. С. 89–129; Алпатов М. А., Черепнин Л. В. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М., 1973.

²¹ Рогинский З. И. Поездка гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию в 1645–1646 гг. Ярославль, 1959.

²² Рогинский З. И. Лондон, 1645–1646 годов. Новые источники о поездке гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию. Ярославль, 1960.

²³ Phipps G. M. The Russian Embassy to London of 1645–46 and the Abrogation of the Muscovy Charter // Slavonic and East European Review (SEER). 1990. 68(2). P. 257–276; Lyubimenko I. Letters Illustrating the Relations of England and Russia in the Seventeenth Century // English Historical Review. 1917. 32. P. 92–103; Lyubimenko I. Anglo-Russian Rela-

привилегии английских торговцев. Но только после посадских восстаний в Москве и других городах (1648 г.) англичане полностью лишились привилегий. Однако, разумеется, отмена льгот не объяснялась восстанием – это выглядело бы как отступление перед бунтующими московскими массами. Поэтому высылка была представлена как прямой ответ на казнь Карла I и наказание английских торговцев-монархомахов²⁴. Конечно, события Английской революции были приспособлены к русским реалиям и преобразовались в аргумент во внутренних конфликтах. Но нельзя недооценивать значение таких аргументов. Различные социальные группы поддержали обвинения, адресованные английским революционерам в измене королю. Таким образом они вписались в дискурс лояльности к своему суверену. И это, несомненно, способствовало идеологическому укреплению монархии в России.

Аналогичный аргумент можно выдвинуть и в характеристике французской Фронды. Безусловно, влияние английской революции на французские умы ощущалось несравнимо сильнее. Более сложный характер принимали и средства передачи информации, и вовлеченная в процесс общественность, и тайные круги²⁵. Отношения Англии и Франции были очень тесными, особенно в Нормандии и юго-западных регионах Франции, принадлежавших Англии в период Столетней Войны. Известно даже о французских добровольцах из Нормандии, отправившихся

tions During the First English Revolution // Transactions of the Royal Historical Society. 1928. 4th series 11. P. 39–60. См. также: Поршнева Б. Ф. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.

²⁴ На самом деле после этого дипломатические отношения Англии и Московии практически прекратились на 50 лет. Об англо-русских отношениях в *longue durée* см. Dukes P., Herd G. P., Kotilaine J. Stuarts and Romanovs. The rise and fall of a special relationship. Dundee England, 2009.

²⁵ Об англо-французских отношениях во время Фронды см. Knachel P. A. Op. cit. Средства массовой коммуникации во времена Фронды – это, в основном, так называемые Мазарины, разного вида памфлеты, направленные большей частью против кардинала Мазарини.

на острова в 1640 г., чтобы поддержать английских революционеров²⁶. Позже, уже в разгар Фронды, порты в Ла-Манше, имевшие тесные торговые связи с Англией, нарушили экономическое эмбарго, наложенное правительством Мазарини, и вели самостоятельные переговоры с английской республикой²⁷. Были основания полагать, что и гугеноты на юго-западе Франции станут искать поддержку в лице английского пуританского правительства. Однако, вопреки ожиданиям, они всячески подчеркивали свою преданность французскому государству, в то время как католики вынашивали план учреждения региональной конфедерации с Англией²⁸. С желаемым приходом к власти англичан они надеялись вернуть «золотой век» свободы и независимости, который на протяжении столетий якобы постоянно губили французские власти. Это была французская версия английской метафоры «норманнского ига». Протестантская верность французскому правительству, столь популярная на юго-западе Франции, несколько ослабла в конце Фронды в Бордо, где пуританский агитатор полковник Сексби распространял среди уравнилелей Народный Манифест²⁹. Однако сепаратистские тенденции во время Фронды не имели решающего значения. Гораздо более распространены были аналогии Английской революции, приводимые как аргумент, обличающий действия оппозиции. В своих лозунгах, направленных против фрондеров, правительство обвиняло их в поддержке английского парламента и попытке имитировать свержение монархии и установить во Франции республику. Парижский парламента и его сопротивление прави-

²⁶ См. Поршнева Б. Ф. Английская республика, Французская Фронда и Вестфальский мир // Средние века. Вып. 3. М., 1951. С. 185. Советский историк ссылается на архивы Сегье (Séguier), которые хранятся в Публичной Библиотеке Санкт-Петербурга и которые пока не публиковались. О Фронде в Нормандии есть крупное специальное исследование: Logié P. La fronde en Normandie Paul Logié. La Normandie à l'époque de la fronde. Amiens, 1951.

²⁷ Labrousse E. La doctrine politique des huguenots, 1630-1685 // Etudes théologiques et religieuses 47. 1972. P. 425; Knachel P. A. Op. cit.

²⁸ О юго-западе и в особенности о городе Бордо см. Kötting H. "Die Ormée". Univ, 1983.

²⁹ Ibid.

тельству сравнивались с английским парламентом и его борьбой против монархии³⁰. Однако ключевая разница между этими двумя органами явно упускалась из виду: в отличие от английского парламента, в лице которого политическое представительство получало все государство, французский парламента таких полномочий не имел и выполнял ограниченные правовые функции, особенно это касалось планирования бюджета (который первоначально и был яблоком раздора). Стратегия, выбранная фрондерами, хорошо отражена в их многочисленных политических памфлетах, знаменитых мазаринадах³¹. Они с негодованием отвечали на обвинения в их адрес и открыто осуждали «предательство» английского парламента. Кроме того, они подчеркивали, что преследуют совершенно иные цели. В то время как пуритане сражались с монархией вообще, они (французские оппозиционеры) выступали за легитимную монархию, борясь против узурпации власти нелегитимными министрами, такими как Мазарини, который злоупотреблял несовершеннолетием французского короля, чтобы захватить власть ради своей личной выгоды и в ущерб государству и королю, неспособному защитить себя. Эти аргументы, построенные как на аналогиях, так и на отрицании сходства с английской революцией, имели огромное воздействие на общественное толкование легитимности во времена Фронды. Вызывает удивление тот факт, что оппозиция буквально растворилась в воздухе, как только Людовик XIV взял власть в свои собственные руки (1652 г.). Таким образом, оппозиционное движение во Франции не очень серьезно воспринимается историографией со времен Вольтера и Мишле и до сих пор³². В отличие от них, я бы воспринимал оппозицию Фронды

³⁰ Это основной аргумент в книге: Knachel P. A. Op. cit. P. 78–111.

³¹ Jouhaud C. Mazarinades. La fronde des mots. Paris, 1985; Moreau C. Bibliographie des Mazarinades. Publ. pour la Société de l'histoire de France. New York, 1965.

³² См. Bercé Y. M. Political Vacuum and Interregnum in Early Modern Unrest // Early-Modern Revolts in their Transnational Representation. Edited by M. Griese. Bielefeld, 2013 [в печати]. Основы этого пренебрежения были заложены еще самим Людовиком XIV, его политикой *damnatio memoriae* (проклятия памяти), т.е. систематическим уничтожением ис-

более чем серьезно. Внезапный конец движения был следствием аргументов и полемики противников, построенных в значительной мере на аналогиях с событиями в Англии.

Позвольте мне сделать небольшое отступление и вспомнить Томаса Гоббса: республика в Европе Раннего нового времени была очень возможна, и не только в Англии. В этой связи часто упоминают Венецию, а можно назвать и Соединенные Провинции Нидерландов, получившие независимость после революции против Испанской монархии³³. Применительно к Английской революции часто обсуждают вопрос о том, что именно пример Нидерландов был взят за основу английской оппозицией. В своем произведении «Бегемот, или Долгий парламент» Гоббс утверждает, что англичане были свидетелями того, насколько возрос уровень жизни в Нидерландах после установления там более или менее республиканской формы правления. Поэтому они хотели им подражать³⁴. Но это не похвала разумной осмотрительной политике ради всеобщего процветания. Напротив, это было обвинение в адрес английских революционеров, которые будто бы преследовали сугубо личные деяческие интересы, не имевшие ничего общего с идеей достижения общего блага. Дело было не в политике, а в экономике – вот основание для критики. Таким образом, это подорвало бы общие интересы. Это очень любопытно, поскольку идею «экономии славы», которую Гоббс развивал в своем «Левиафане», часто отождествляют с идеей свободного рынка в смысле теоретической эконо-

точников и манипуляцией с ними. Benigno F. Mirrors of revolution. Conflict and political identity in early modern Europe. Turnhout, 2010. P. 161–162. Первым историком, указавшим на эти манипуляции «Короля-солнце», был Б. Ф. Поршневу. См.: Poršnev B. F. Les soulèvements populaires en France de 1623 à 1648. Paris, 1963. P. 505–506.

³³ Насчет мифа о Венецианской республике в Нидерландах и во всей Европе см. Haitsma Mulier E. O. G., Moran G. T. The myth of Venice and Dutch republican thought in the seventeenth century. Assen, 1980.

³⁴ Hobbes T. Behemoth or the Long Parliament // Seaward P., Malcolm N. (eds.). The Clarendon edition of the works of Thomas Hobbes Ed. board Noel Malcolm. Vol. 10. 1st ed. Oxford, 2010.

мики³⁵. Но здесь аргументы политического толка преобладают над экономическими, из чего становится ясно, насколько представления Гоббса о создании всеобщего блага отличаются от идей Адама Смита (и Мандевиля еще до Смита). Зачем это отступление? Затем, что аналогичный аргумент мы находим в личной секретной переписке Мазарини. Он внимательно следил за событиями в Англии, получая сведения от своих дипломатов. И вел себя как старший наставник английского короля, общаясь с ним через его жену Генриетту-Марию, избравшую Францию местом изгнания. Он часто критиковал Карла I за отсутствие гибкости и оппортунизма, в том числе в вопросах религии, где он руководствовался будто бы исключительно принципиальными соображениями. Однако, в (секретных) дипломатических инструкциях своему послу в Англии Помпонну Белльевре в 1646 г. Мазарини твердо заявил, почему Франция должна была поддерживать английскую корону. Дело в том, что республиканская Англия даже как союзник стала бы для Франции гораздо опаснее, чем монархическая Англия как враг. Республике было бы гораздо проще собирать налоги и формировать армию, ведь подданные знали бы, за что платили, и сражались не за какого-то далекого им короля, а за свое дело³⁶. Этот аргумент лишь на первый взгляд похож на мысли, высказанные позже Т. Гоббсом, ведь Мазарини в достаточной мере осознал политический размах целей Парламента и ведущую идею общего блага и мощи государства. Выходит, что по убеждению кардинала и во Франции республика была бы мощнее монархии, главным защитником которой он был и благодаря чему смог сделать свою блестящую

³⁵ Параллели между Гоббсом и Смитом проводил, в основном, Мэкфёрсен. См. Macpherson C. B. The political theory of possessive individualism. Hobbes to Locke. Oxford, 1962. Существенная критика гипотезы тождественности обеих концепций и конструкций общего блага найдется в работах прагматической социологии о режимах оправдания. См. Boltanski L., Thévenot L. De la justification. Les économies de la grandeur. Paris, 1991.

³⁶ Jusserand J. J. Recueil des instructions aux ambassadeurs et ministres de France des traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française: Angleterre. Tome premier; 1648-1665. P. 35. См. также Knachel P. A. Op. cit. P. 29.

карьеру. Эти макиавеллистские взгляды уничтожили бы его в один миг, если бы они стали публичными.

Аналогии Английской революции играли важную роль в развертывании противоборства на континенте. Часто историки возражают, что эти аналогии построены на искаженной информации и непонимании того, что происходило в других странах. Но *непонимание* могло быть *очень продуктивным*. Закончу свою статью цитатой Бениньо: «Можно сказать, что влияние на другую страну приобретает все большую важность в структурированном идеологическом лагере ровно в той степени, в какой она передана на языке этого лагеря *через искажения, упрощения и даже сведения к вывескам и лозунгам*. Поскольку они имели слабую связь с реальностью, обвинения Гонди, будущего кардинала Ретца (главный персонаж Фронды) в попытке стать Кромвелем Франции, играли фундаментальную роль в политико-идеологических столкновениях. Как и памфлеты, грозящие Мазарини судьбой Страффорда, их следует оценивать в сравнении не с английской реальностью, а, скорее, с механизмами политической активности. Это те же самые механизмы, которые использовались, чтобы сочинять мифы о норманском иге (в Англии), «голландской свободе» или «золотом веке»³⁷.

³⁷ Benigno F. Op. cit. P. 129.

Барлова Ю. Е.

**«Что такое хорошо и что такое плохо» для бедняка
(английские нравоучительные сочинения для бедных
конца XVIII – первой половины XIX в.)**

*«Хоть бедные мы – мы послушны, честны.
За пищу трудом отплатить мы должны.
Работать готов я усердно и страстно.
Не пью я, и денег не трачу напрасно»¹.*

Подобные четверостишия, предназначенные для заучивания наизусть, получили широкое распространение в Англии конца XVIII в. в рамках кампании по «морализации» бедноты и привития бедным и низшим социальным слоям «правильных» идей и ценностей.

Во второй половине XVIII столетия, в связи с обострившимися экономическими и социальными проблемами, в английском обществе развернулись масштабные общественно-политические дебаты о природе бедности и борьбе с ней. В основном дискуссии проходили, естественно, без вовлечения в них самой бедноты. Философы, мыслители, научные мужи и дамы полемизировали друг с другом, спорили о бедных и их судьбе с высоты своего положения. Однако в конце XVIII столетия появляется масса сочинений, обращенных непосредственно к низшим слоям с целью «общего улучшения» их морали, дисциплины и - посредством этого - исправления их плачевного положения. Такие сочинения носили поучительный характер, в них основные идеи участников дискуссий о бедности были «адаптированы» для восприятия народом, облечены в простую, удобоваримую форму.

Почему интеллектуалы решили расширить аудиторию дебатов и обратиться непосредственно к беднякам? Возможно,

© Ю. Е. Барлова, 2013

¹ The Works of Hannah More. L., 1834. P. 52. Пер. автора.

на это повлияло обострение проблем бедности и нищеты в 80-90-х гг. XVIII столетия, проявившееся, в том числе, в росте преступности, в социальной нестабильности и беспорядках. С другой стороны, в это же время наблюдается рост грамотности средних и низших слоев, появляются благотворительные и воскресные школы для бедных, где основной акцент делался именно на том, чтобы научить бедняка читать Библию, религиозные и просто поучительные тексты. В дополнение к чтению, ключевым подходом к образованию низших слоев в XVIII в. становится система механического запоминания Эндрю Белла – «rote learning», или «запоминание-зубрежка», которую британцы с гордостью называли «паровой энергией морального мира»². Таким образом, тексты «непосредственно для бедных» к концу столетия имели шанс быть воспринятыми гораздо более широкой читательской аудиторией, нежели, скажем, столетием раньше.

Распространялись такие сочинения различными путями. В воскресных и благотворительных школах они раздавались бесплатно. В обязательном порядке – усилиями командиров и офицеров – морализаторские книжки распространялись среди солдат и матросов в армии и на флоте. В их пропаганде участвовало духовенство, раздававшее тексты прихожанам. Наконец, поучительный рассказ можно было купить за символическую цену – пенни, полпенни или полтора пенса. Торговля дешевыми дидактическими книгами «разрослась до невообразимости»: так, например, после первого выхода дидактического сборника «Недорогие охранительные трактаты» в течение года в Англии было продано 2 миллиона его экземпляров³.

Распространению наставительных текстов помогал и такой интересный прием, как «внутренняя реклама» - когда в тексте одних рассказов рекламировались другие. Например, в рассказе «История лакея, рассказанная им самим», герой солгал хозяину, но по дороге, по его же словам, купил «дешевую книжку за один пенни, где прочел, что одну женщину за ложь хозяину хватил удар, и она упала замертво». «Если эту женщину сразило,

² Porter R. English Society in the 18th Century. L., 1991. P. 166-167.

³ Cheap Repository Shorter Tracts. L., 1803. P. II.

- подумал герой рассказа, - то вдруг и со мной то же случится?» - и решил признаться во лжи. И действительно, среди «охранительных трактатов» можно обнаружить рассказ о женщине-служанке, которая сначала ограбила своего хозяина, а затем соврала ему, но вскоре ее хватил удар и она упала замертво⁴.

Авторами нравоучительных сочинений были политики, религиозные и общественные деятели. Среди них – ученая дама-благотворительница Ханна Мор, знаменитый филантроп Джонас Хэнуэй, политик и мыслитель Уильям Бурдон. Наиболее известными сочинениями Ханны Мор для бедных были «Деревенская политика» - маленькая брошюра, предназначенная, словами автора, «для ремесленников, поденщиков и работников Великобритании» и написанная от имени сельского столяра Уильяма Чипа, - и уже упомянутые «Недорогие охранительные трактаты», состоящие из 50 рассказов, каждый объемом не более 10 страниц. Сама миссис Мор в то время была увлечена работой по созданию школ для бедных крестьян и шахтеров, в которых ее сочинения использовались в качестве основного учебного пособия. Кроме того, для тех же целей Мор собирала и сама сочиняла короткие стихи, которые, как предполагалось, ученики благотворительных школ должны были заучивать наизусть⁵. Именно ее перу принадлежало четверостишие, вынесенное в эпиграф данной статьи. Большую популярность во второй половине столетия получила дидактическая новелла филантропа Джонаса Хэнуэя «Добродетель в скромной жизни», написанная в форме диалога между отцом – простым сельским фермером – и его дочерью об обязанностях богатых и бедных, о взаимоотношениях слуги и господина, о правильном образе жизни⁶. Дидактический стиль новеллы «разбавлялся» многочисленными баснями, анекдотами, развлекательными и забавными историями. Книга Хэнуэя многократно переиздавалась, в том числе была адаптирована к использованию в воскресных школах и в качестве лекций для школьников, готовившихся стать слугами. Примером короткого, но емкого агитационного памфлета для бедняков является «Со-

⁴ См. Ibid. Pp. 163, 424.

⁵ The Works of Hannah More. L., 1834.

⁶ Hanway J. Virtue in Humble Life. L., 1774.

вет, адресованный низшим слоям общества» Уильяма Бурдона (1803). Этот же автор в 1805 г. выпустил объемистую подборку детских стихов «Поэзия для детей», специально составленную им для «направления детских умов в сторону благожелательности, гуманности и... общего улучшения»⁷.

Формы и жанры нравоучительных текстов, таким образом, были различны: это и листовки, и краткие агитационные памфлеты, четверостишия и длинные стихи, дидактические рассказы, басни и новеллы, трактаты. Однако, несмотря на такое жанровое разнообразие, все наставительные тексты имели ряд общих черт.

Во-первых, они были адресованы непосредственно бедным слоям – для их частного или публичного чтения.

Во-вторых, героями этих произведений были лица одного набора профессий или социальных статусов – те, что могли, при определенных обстоятельствах, оказаться в крайней нищете: ткач, шахтер, фермер, вдова или вдовец, пахарь, подмастерье, моряк, служанка или лакей, плотник, мелкий лавочник, лодочник, просто «бедный труженик». Большая часть текстов писалась от имени представителей этих профессий, чтобы каждый потенциальный читатель смог увидеть в герое поучительного сочинения себя.

В-третьих, во всех текстах транслировался один и тот же набор идей, а общей фабулой были добродетели и пороки бедных людей: первые помогают в жизни, а вторые разрушают ее. Борьба «достойных» бедняков с пороками приносит, соответственно, комфортное существование и внутренний покой, а уступка пагубным страстям ведет к божьей каре. «Когда вы задумываетесь о своем плачевном положении, - говорится в памфлете Бурдона, - задумайтесь, не вы ли тому виной? Ведь баланс между добродетелью и пороком и есть баланс между счастьем и нуждой!»⁸

⁷ Burdon W. Advice, addresses to the lower ranks of society. Newcastle-Upon-Tyne, 1803.; Poetry for Children, selected by W. Burdon, A. M. Newcastle-Upon-Tyne, 1805.

⁸ Burdon W. Op. cit. P. 12-13.

Что же такое хорошо (добродетельно) и что такое плохо (порочно) для бедного человека в понимании авторов нравоучительных сочинений конца XVIII – первой половины XIX в.?

Среди того, что «хорошо», первое место занимают идеи смирения и тяжелого труда. В «Совете низшим слоям» У. Бурдон писал: «Друзья мои! Общество разделено на ранги и сословия, которые должны знать свои обязанности и преимущества. Все мы зависим друг от друга, но вы – самые независимые, так как вам не на что надеяться, кроме как на свои старания, обеспечивающие вам комфорт»⁹. В четверостишии Ханны Мор эта мысль выражена еще более четко: «Богатый в своем доме, нищий у его порога. Именно так поместил их Господь». Хэнзуэй, давая читателю пример «добродетельного» бедного человека, писал о служанке Сьюзан. Она была послушна и смиренна, служила с доброй волей и была предана всю свою жизнь одним хозяевам, «посильно воплощая своим трудом идею службы Господней нам, людям, которая абсолютно добровольна»¹⁰.

Не роптать на судьбу, а продолжать трудиться - основной посыл большинства текстов. В хорошо запоминающейся форме об этом рассказывает объемный стих «Выученная философия, или Философия жизни». Его герой - «простой парень Корин», который жил скромно, но счастливо, так как был свободен от долгов. Он имел одну корову, одного ягненка и старую, худую и хромую лошадь, «которую и лошадью-то можно было назвать с трудом». Но, даже будучи неграмотным (!), Корин был добродетелен, т.к. мыслил позитивно. Однажды у него украли ягненка, затем корову, потом сдохла лошадь, и в итоге лендлорд забрал хижину Корина за долги. «Что же мне делать?» – вопрошает Корин и отвечает себе же: «Работать больше, и скрести землю, как скреб прежде, ведь если я заработал, что было, своими руками, то этими же руками заработаю еще!» Мораль стиха звучит так: благословен тот, кто лучше сносит тяготы и никогда не отчаивается¹¹.

⁹ Ibid. P. 3.

¹⁰ Hanway J. Op. cit. P. 255.

¹¹ Poetry for Children... P. 72-75.

Таким образом, важной составляющей правильного поведения считался оптимизм и отказ от уныния. Не случайно личный экипаж Джонаса Хэнуэя, колесивший по улицам Лондона, специально для бедняков был украшен лозунгом: «Никогда не отчаивайся!». Оптимизмом наполнено стихотворение для детей «Трудолюбие», где описан «толстяк-труженик», в руках которого вилы, за спиной висит цеп, но он «с улыбкой и трубкой в зубах» идет молотить зерно в поле и зарабатывать себе на жизнь¹².

Оптимизма бедняку, по-видимому, должна добавить его убежденность в том, что «честная бедность» в каком-то смысле даже лучше, чем богатство: «Бедняк имеет преимущество перед богатым. Богатый может лишиться своей собственности, однако в цивилизованной стране ничто, кроме потери здоровья, не может лишить человека его способности трудиться. Значит, он не останется без поддержки и заработка... и сможет в этом смысле преподать урок богатым!»¹³ Герой «Добродетели в скромной жизни» крестьянин Томас Трумэн говорит дочери: «Богачи в большей мере зависят от фортуны, чем мы. Им надо больше для счастья – церемонии, экипажи, много излишней пищи и много излишних слуг». Поэтому «их чаша с большей вероятностью будет отравлена, чем наша, в которой гораздо меньше ингредиентов». «Мы живем от руки до рта, но испытываем облегчение, когда природа дает нам малые радости жизни, тогда как они привыкли думать, что огромное количество вещей абсолютно необходимо для благосостояния... ведь чем меньше число наслаждений, к которому люди привыкли, тем меньше будет число их нужд; к тому же, если человек не знает, как распорядиться богатством, оно вообще превращается в бедствие»¹⁴.

Прививая идеи смирения и трудолюбия, авторы текстов связывали их с недопустимостью участия бедняков в беспорядках и революциях, подобных французской. Показателен диалог между кузнецом и каменщиком из «Деревенской политики» Ханны Мор. Когда один из них требует для Англии лучшего по-

¹² Ibid. P. 91.

¹³ Burdon W. Advice to the lower ranks... P. 6-18.

¹⁴ Hanway J. Op. cit. P. 59, 485.

ложения дел, ссылаясь на «Права человека» Томаса Пейна, второй парирует: «Расскажу тебе историю. Когда женился сэръ Джон, его жена, а она с причудами, и любит все *на французский манер*, попросила его снести тот вон хороший старый замок. “Нет - сказал сэръ Джон, это благородное строение создано мудростью моих пращуров, не буду я его сносить из-за того, что в нем темная гардеробная, или некрасивая прихожая, или есть одна-две неудобных комнаты. Наши предки потратили время на то, что они сделали, они понимали, что такое основательная работа и строили не на один день и не из дранки и глины”... Хорошие вещи всегда стоят дорого, но восстанием и убийством цену не уменьшить... Уясни ты одну вещь: чем больше мы бунтуем, тем больше приходится платить. Чем больше порушишь, тем больше будет стоить починка. Чем больше времени мы проведем в собраниях бунтовщиков, тем сильнее увеличим свою нужду»¹⁵. В «Совете низшим слоям» «деструктивные силы» названы одинаковым врагом как для богатых, так и для бедных. «Улучшение вашего положения, друзья мои, не может осуществиться беспорядками и грабежом, - наставляет читателей Бурдон. - Не кровавыми революциями, а мягким прогрессом в знаниях улучшается мир»¹⁶.

Среди того, что «плохо» для бедняка, следует выделить *пьянство, неумеренность в потребностях, излишества*, а также *раннюю женитьбу и многодетные семьи*. Пьянство бедноты в этом списке занимает первое место. Оно, как говорилось в «Совете низшим слоям», «разрушает и душу, и кровь, запускает цепочку болезней, лишает денег и делает несчастными жен, которые страдают от ваших пьяных выходок в первую очередь. Вы спускаете за несколько часов деньги, которые зарабатывали тяжким трудом в течение нескольких месяцев. Но что хуже всего – вы показываете дурной пример детям, являясь причиной их плохого поведения и нужды в будущем». Эта же мысль выражена более хлестко в стихотворном трактате «Кабак, или окошко в тюрьму». Джин для англичанина назван «самым страшным оружием убийства, выкашивающим больше людей, чем нужда или

¹⁵ The Works of Hannan More. P. 231-233.

¹⁶ Burdon W. Advice to the lower ranks... P. 25.

война», «монстром», лишаящим не только благосостояния, но и честного имени и здоровья. Пьющие люди, говорится в трактате, сами себя облагают «налогом на пьянство», «разделяют свой яд с другими самоубийцами». В трактате приводятся примеры людей, которых испортило пьянство. Это и «бледный фабричный рабочий, валяющийся на земле с запавшими глазами», и юный подмастерье, которого любовь к выпивке заставила ограбить своего мастера, и слуга, честный прежде, но из-за пьянства вставший на путь разбоя, и «добрейший муж, которого джин превращает в тирана». Очень выразительно выглядят строчки о том, как из-за пьянства страдают семьи:

«В труппе бедное дитя
Питается хуже собак.
Весь ежедневный хлеб его
Жрёт ненасытный кабак».

Общий вывод трактата – в том, что пьянство является одним из основных рычагов, превращающих «достойных бедняков» в «толпу ленивых тунеядцев»¹⁷.

Следующее зло, которого бедный, но добродетельный человек должен избегать любой ценой, – это *излишества*. «Так как вы не знаете, как правильно распорядиться большими суммами, они только увеличивают ваши соблазны. Тот, кто получил свое недельное жалование за три дня работы, как правило, спустит излишек на пьянство и разврат», – пишет Бурдон. И наоборот, если следовать добродетельному примеру служанки Сьюзан из «Добродетели в скромной жизни», которая «отказывалась от излишеств, будучи до предела разумной», то можно позволить себе сэкономить на достойную старость¹⁸.

В цикле коротких рассказов «Гинея и шиллинг, или жизненные невзгоды», повествующем, как разные люди попадают в нищету, именно неумеренность губит и бедного человека – мелкого лавочника, и богатого – успешного купца. Оба героя оказываются в условиях неурожая и кризиса, но «любой ценой стараются сохранить привычный для них стиль жизни, несмотря на очевидное уменьшение своего дохода». Один берет кредит, ко-

¹⁷ Ibid. P. 8-9; The Works of Hannah More. P. 70.

¹⁸ Hanway J. Op.cit. P.255.

торый не может выплатить, и в итоге попадает в долговую тюрьму. Другой продолжает жить на 20 тысяч фунтов в год при сокращении доходов до десяти, в результате чего спускает все деньги и оказывается в нищете. Так, по словам автора, «воображаемые нужды могут стать причиной настоящей нужды»¹⁹. Показательно, что мысль о вреде излишеств кроется в самом названии этого цикла рассказов – «Гинея и шиллинг»: лучше довольствоваться шиллингом, чем гнаться за гинеей (аналог русской поговорки «лучше синица в руках, чем журавль в небе»). Во многих «жизненных историях» выстраивается цепочка, ведущая от желания жить не хуже, чем твой господин, к азартным играм, плохим компаниям, кражам, грабёжам – и, как следствие, к тюрьме, суду и казни²⁰.

Против «излишеств и предрассудков в отношении еды», которые «вредят бедному человеку», высказывался Хэнуэй, считавший культ экономности важной частью воспитания человека из низших слоев. Предрассудком, в частности, он считал потребление чая – «азиатский обычай», который «повреждает горло» и «крайне не питателен – особенно та крашеная, смешанная и испорченная дрянь, которая продается (под видом чая) людям низшего класса»²¹. Среди бед, «способствующих попаданию обычных людей в нищету», Хэнуэй также выделял неэкономное потребление мяса и хлеба²². В одном из популярных сочинений того времени – «Письмах фермера народу Англии», в действительности написанных от имени простого фермера аристократом Артуром Янгом, – герой восхищается крестьянами далекой России за то, что они сушат впрок хлеб (делают сухари) и вялят рыбу, в этом превосходя в экономности англичан²³.

Наконец, грех для бедняка – это *ранняя женитьба и много детей*. Женившись рано, не накопив достаточно денег, ты обрекаешь на нищету себя и семью. «Лучше жить одиноко и утопать в пороках (! – Ю. Б.), чем жениться в бедности и обречь на

¹⁹ Cheap Repository Shorter Tracts. Pp. 342–362.

²⁰ Ibid. P. 240 – 252.

²¹ Hanway J. Op. cit. P. 181.

²² Ibid. P. 185, 191, 319.

²³ The Farmer's Letters to the People of England. L., 1771.

несчастья не только себя, но и других. Избегай избыточного размножения, тогда будешь счастлив!» - увещевает Бурдон в «Совете низшим слоям»²⁴. В цикле рассказов «Гинея и шиллинг» излишнее количество детей становится проклятием для вдовца: «Ранняя любовь объединила их, несдерживаемое желание соединило их еще плотнее рожденными детьми», и после смерти жены, пишет автор, муж оказывается в ситуации, с которой, в сущности, рано или поздно сталкиваются многие семьи. Будучи бездетным, вдовец мог бы работать и содержать себя. А так он вынужден не только работать больше, но и заботиться о детях дома, «что гарантированно расшатает его здоровье»²⁵.

Уже упоминавшийся герой «Философии жизни» простой парень Корин, лишившись всего, благодарит бога именно за то, *что у него нет жены*. При этом показательно, что слово «жена» - единственное во всем стихотворении слово, выделенное жирным курсивом, - вероятно, для того, чтобы читатель не упустил из вида эту важную, с точки зрения автора, деталь.

Итак, анализ нравоучительных сочинений для бедняков позволяет вычленил некий набор «правил», по которым следует жить бедному человеку. Интересно, что в печатной культуре Англии того времени можно было встретить примеры, когда эти правила были не рассредоточены в различных поучительных историях, а собраны воедино в сжатом виде. Например, в январском номере 1795 г. газеты «Таймс» опубликован свод «Правил для бедных», которые напоминали своего рода «выжимку» из поучительных текстов:

1. Держись за свою работу и не меняй, если это зависит от тебя, начальников.

2. Не ходи в пивные или распивочные, а откладывая весь заработок на еду, одежду, семью, а также старайся отложить немного на аренду или трудный день.

3. Избегай плохих компаний.

4. Постоянно ходи в церковь, бери с собой жену, детей, и Господь благословит тебя.

²⁴ Burdon W. Op. cit. P. 14-16.

²⁵ Cheap Repository Shorter Tracts. P. 348.

5. Будь послушен тем, кто выше тебя, и они будут добры к тебе.

6. Учись готовить бульон, молочные каши, рисовые пудинги и т.п. Один фунт мяса в бульоне сытнее, чем два фунта того же мяса, вареного или жареного.

7. Будь спокоен и послушен, не воруй, не сквернословь, иначе ни в чем не преуспеешь²⁶.

Следует отметить, что моральные инструкции, адресованные бедным слоям, интересно анализировать не только как самобытный источник, но и как индикатор ситуации в стране и ценностных установок общества - и в том числе, устоявшихся стереотипов в отношении бедности и нищеты. Чтобы лучше осмыслить специфику именно английских сочинений для бедных, любопытно сравнить их с похожими сочинениями, опубликованными в других странах в схожих обстоятельствах. Например, в последней четверти XIX века - после отмены крепостного права и в связи с обострением социально-экономических проблем и ростом нищеты - схожие с английскими дебаты о бедности развернулись в России²⁷. Именно тогда начали выпускаться «Троицкие листки - духовно-нравственное чтение для простого народа», автором которых был архиепископ Никон (Рождественский). Это чтение было ориентировано «на простых богомольцев из разных сословий, преимущественно из низших, для многих из которых по разным причинам было затруднительно читать объемные святоотеческие и назидательные книги». Доступные каждому, эти листки, как говорилось в предисловии к изданию XX в., «были занимательнее и полезнее иной книги и не требовали большого времени для прочтения», предлагая бедному человеку понимание того, что есть добродетель и порок и как

²⁶ Цит. по: Olsen K. Daily Life in 18th Century England. L., 1999. P. 21.

²⁷ Подробнее об этом см.: Барлова Ю. Е. «Обращаться с ними по еуропскому обычаю»: дискурс виновности и проблема профессионального нищенства в восприятиях и оценках бедности в России в Новое время // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств. Спб., 2012. С. 80-99.

вести себя в различных ситуациях²⁸. Каждый листок был объемом около 10 страниц и представлял собой поучительную притчу. Таким образом, в жанровом, стилистическом и содержательном отношении эти сочинения можно считать аналогом английских «Недорогих охранительных трактатов». Любопытно, что в одном из листков под названием «Признак истинного смирения» можно даже обнаружить набор правил для бедняка, сходный с опубликованным в «Таймс». Вот некоторые из них:

- «Не ленитесь ходить в церковь, и в своей клети, отходя ко сну, поклонись Богу, а потом уже ложись.

- Не рой брату яму, чтобы тебя не ввергнул Бог в худшую.

- Не унижай, не смейся ни над кем.

- Милуйте странников, убогих, заключенных.

- В напасти терпи.

- Не будьте буйны и горды, помните, что может быть завтра будет смрад, гной, черви.

- Не пей не во время, и пей умеренно, а не до пьянства.

- Будьте смирны, кротки, не многоречивы»²⁹.

Если проводить самый общий сравнительный контент-анализ «Троицких листков» и «Недорогих охранительных трактатов», можно обнаружить ряд сходств и различий между ними. Дискурс обоих сочинений глубоко религиозен и основан на общехристианских ценностях. Не случайно и «Охранительные трактаты», и «Троицкие листки», помимо основного текста, включали как дополнение подборку молитв - «на все случаи жизни». В обоих текстах достаточно внимания уделено пропаганде среди простого народа таких качеств, как *смирение*, *набожность*, *трудолюбие*. В обоих сочинениях культивируется мысль о том, что *бедные имеют преимущество перед богатыми*; правда, если в «Охранительных трактатах» это преимущество – *способность трудиться и рабочие руки*, то в «Троицких листках» - это *богатство души*, которого у бедного человека

²⁸ Троицкие листки. Духовно-нравственное чтение для народа. публикуемое в конце 19 века (№№ 1-800). Сост. Игумен Пантелеймон. Типография Свято-Троицкого монастыря (Джорданвилль), 1954.

²⁹ Там же. С. 24.

больше, нежели у богача. «Иной скажет: я нищий и убогий человек, у меня нет ничего, что же я продам? На что куплю сию бесценную мысленную жемчужину - Бога? Отвечаю: хотя бы ты был и беден вещественно, но ты можешь быть богат добрым произволением, есть у тебя, как у самодержавного царя, свободная воля вместо царства, ты почтен от Бога разумом вместо царского венца; добрые помыслы - вот воинство твое». В притче о каменщике Евлогии герой, будучи беден, кормил на последние деньги нищих; когда же на него свалилось неожиданное богатство, душа его очерствела, и поэтому Бог вернул его в прежнее бедственное состояние, чтобы возродить доброту его души³⁰.

Пьянство признается одним из самых тяжких пороков и в английских, и в русских моральных инструкциях. И там, и там это сильнейший грех, который ведет к деформации человеческой личности и влечет за собой крах здоровья, семьи и массу других пороков, вплоть до грабежей и убийств. Среди последствий, к которым ведет пьянство, архиепископ Никон называет, во-первых, «бесстыдство: пьяный никого не стыдится, потеряв совесть, произносит скверные, хульные, нелепые, оскорбительные для целомудренного слуха речи; уста его бывают подобны стоялицу скотскому, наполненному смрадной нечистотой, а язык - лопате, которой выбрасывают эту нечистоту». Кроме того, это и «возбуждение плотской Похоти», и «повреждение здоровья, изнеможение телесных сил, дрожание рук, головная боль... стоны, немощи, преждевременная старость, умаление лет жизни и несчастная смерть». Наконец, это «расточение имущества, потеря богатства, лишение выгод. Как много людей, которые из-за пьянства от большего богатства пришли в последнюю нищету! Пример сему - блудный сын, описанный в Евангельской притче». Пьяницы, по словам автора, «хуже псов и других бессловесных животных»³¹.

В отличие от английских, в русских текстах категории милосердия и щедрости занимают большее место. Авторы английских сочинений также призывают своих читателей быть милосердными и оказывать помощь нуждающемуся, но при этом

³⁰ Там же. С. 49-51.

³¹ Там же. С. 12-14.

соблюдать осторожность и умеренность, не быть *излишне* щедрыми, не оказывать помощь тем, кто может помочь себе сам; в «Троицких листках», напротив, помощь *любому* просящему является безусловной добродетелью. «Бог подаст, — говорят некоторые просящим у них милостыню. Неразумно поступаешь ты, если так поступаешь с бедствующим братом. Нищего посылает к тебе Бог, а ты обратно отсылаешь его к Богу: “Бог подаст!” - Бог-то даст, непременно даст, да ты-то дай. Он подаст нищим, но подаст ли Он тебе Свою милость, в которой ты несравненно более нуждаешься, чем нищий в твоей милостыне?» Кроме того, в «Троицких листках» ничего не говорится о вреде излишеств и тем более избыточного размножения и ранней женитьбы. Тема излишеств проводится, скорее, в дискурсе уже упомянутого пагубного влияния богатства на человека: «Проси у Бога хлеба насущного: этому поучает Сам Господь, а богатства не ищи, оно ведет ко многим искушениям; не даром же сказано: «удобнее верблюду сквозь игольное ушко пройти, нежели богачу в царствие Божие войти»³².

Таким образом, сходства русских и английских нравоучительных текстов демонстрируют приверженность их составителей общехристианским ценностям, а также стремление не допустить маргинализации бедных людей, их деградации в нищету и, соответственно, обострения проблемы профессионального нищенства, удержать народ от пьянства и участия в смутах и беспорядках в сложное время.

Различия начинаются, во-первых, там, где в силу вступает разность ценностных установок в пуританском и православном обществах. Английские сочинения располагались в русле ценностной системы протестантизма. В них четко провозглашалось понимание должного поведения, характерное для так называемой «протестантской этики»: *больше молиться, трудиться, быть скромным и послушным, бережливым, верить в Провидение Господне и стараться реализовать свой потенциал*. В рамках этой идеологии нищета имела *лично обусловленную и морально обусловленную природу*. Предполагалось, что благосостояние человека зависит, в первую очередь, от его хорошего или

³² Там же.

плохого поведения – поэтому не внешние условия, а сам бедняк считался виновным в своем плачевном положении. Соответственно, улучшение положения бедняков английским авторам выделось в следовании требованиям популярной в то время «*моральной экономики*», в основе которой лежали идеи *самопомощи* (self-help) как основного средства избежания бедности.

Именно такое понимание бедности стало доминирующим в Англии нового времени, и именно оно привело к логической цепочке: бедность вызвана пороками; следовательно, победить бедность – значит исправить мораль тех, кто беден. В русских текстах такой зависимости нет, «бедность – не порок», бедного надо просто пожалеть и помочь ему – словом или делом, поддержать его дух.

Во-вторых, важной чертой дискурса английских сочинений был их *практицизм* – часть пресловутого английского «здорового смысла». Именно им можно объяснить бросающийся в глаза цинизм в отношении бедных даже со стороны филантропов. «Она вульгарна, насколько это возможно, - откровенно писала о своей книге Ханна Мор, - но она и предназначена самому вульгарному сорту читателей». Помимо общего исправления морали бедняков, авторы преследовали *вполне практические цели*, направленные на решение насущных государственных задач, не связанных непосредственно с бедностью.

Одна из них – борьба с перенаселением; идеологической основой этой борьбы стали сочинения Джозефа Тауншенда и Томаса Мальтуса, полагавших, что избыточное размножение бедных при ограниченности природных ресурсов ведет к ухудшению условий их существования и усугубляет их нищету. Поэтому в нравоучительных текстах, вполне в духе мальтузианства, «красной нитью» проводилась мысль о вреде избыточного размножения и ранней женитьбы.

Вторая задача – не допустить, в условиях, когда в соседней Франции бушевала революция, распространения «французской заразы» на территорию Англии. Поэтому авторы, не скрывая, признавали, что моральные инструкции для бедных – это прежде всего «прекрасное успокоительное средство для низших слоев».

С того момента, как Англия оказалась вовлеченной в Наполеоновские войны, бедные стали вновь рассматриваться как потенциальные матросы на военном флоте, что отразилось и в нравоучительных текстах. Возможно, поэтому в «Охранительных трактатах» не один, а несколько рассказов были посвящены скрытой рекламе военной службы на флоте. В новелле «Честный Дэн» крестьянский парень, оставив плуг, пошел на войну и стал моряком. В рассказе «Черный принц» говорилось о сыне африканского короля, привезенном в Британию, который доказал, что он равен по уровню цивилизованности белым людям (то, что черный аристократ в тексте рассматривается наравне с белыми бедняками, будучи как бы изначально низшего сорта, - естественно, показатель само по себе!), когда в 1793 г. пошел служить в британский флот и погиб, защищая Англию³³.

Таким образом, английские нравоучительные тексты для бедных следует считать важной и неотъемлемой частью формировавшейся в Британии Нового времени системы социальной помощи, основанной на дисциплинировании бедноты посредством «исправления ее морали», а также на практицизме, заключающемся в использовании бедных слоев как ресурса для решения текущих задач государства.

Соколов А. Б.

«Первый и главный урок для юношей»: формирование представлений о роли истории в трудах британских моралистов и педагогов в первой трети XIX века

Вопреки расхожему мнению история вошла в число дисциплин, изучавшихся в средней школе, только во второй четверти XIX века, будучи до этого времени, в основном, частью классического образования. Какие факторы способствовали возникновению новых форм исторического образования? В чем состояла тогда идея «полезности» истории? Какие нравственные уроки была призвана помочь усвоить история? Каким образом проявлялась связь между религиозным воспитанием и обучением истории? Прослеживается ли различие подходов в этом отношении в течение десятилетий, предшествовавших началу викторианской эпохи? Для исследования такого рода вопросов использован ряд трудов английских философов, работавших в рамках «моральной философии», и педагогов, затрагивавших данную тему в своих сочинениях.

В основе представления о «полезности» истории лежала разделяемая многими идея, что она дает хорошие и плохие примеры, важные для воспитания нравственности, что рассматривалось как главная цель образования. Такого взгляда придерживалось большинство авторов. Философ-моралист Уильям Бурдон, в молодости связанный с английскими радикалами, немало писавший об образовании и незаслуженно забытый потомками, возможно, потому, что часто высказывал мысли, отличные от господствовавших представлений и стереотипов позднейшей

© А. Б. Соколов, 2013

³³ Cheap Repository Shorter Tracts. P. 439, 519.

викторианской эпохи, писал: «Великая цель, стоящая перед историей, в том, чтобы обучать примерами, из чего вытекает, что она должна писаться с самым скрупулезным вниманием к правде, и быть свободной от партийных предубеждений»¹. Директор лондонской школы в Сохо преподобный Уильям Бэрроу, написавший философско-педагогическое сочинение, в котором постоянно ссылаясь на свой практический опыт, заметил по поводу истории: «Следует выработать у обучающихся юношей привычку обдумывать то, что они внимательно прочли, формировать свое мнение о характерах и поведении, испытывать восхищение достоинствами и отвращение от преступлений, рассматривать историю как *философию, обучающую на примере*, как опыт, полученный от других, извлекать из нее умение судить о вещах, максимы благоразумия и принципы добродетели. Вкус к занятиям историей, если он искусно сформирован в сознании ученика, позволяет не только узнать о положительных достижениях, но и предотвратить от зол; он - не только основа для полезных упражнений в школе, но и источник удовольствия в часы отдыха и уединения»².

Собственно говоря, в начале XIX века история была частью морально-нравственного воспитания, которое философы того времени называли «наукой о морали». Профессор «моральной философии» из Шотландии Джеймс Битти утверждал, что эта область знания направлена на изучение человеческих страстей, чувств и сантиментов и, следовательно, не может не быть увлекательной для слушателей. Если происходит по-другому, в этом целиком вина учителя. Он подчеркивал: «Феномен человеческой природы рассматривается на основе фактов этой науки, и должен быть проиллюстрирован примерами из истории и обыч-

¹ Burdon W. Materials for Thinking. V. I. L, 1820. P. 273.

² Barrow W. An Essay on Education // Which Are Particularly Considered the Merits and Defects if the Discipline and Instruction in Our Academies. V. II. L, 1804. P. 38-39.

ной жизни»³. В отличие от литературы и поэзии история и философия имеют своей главной целью не развлекать, а наставлять. «Философ и историк прилагают усилия, чтобы понравиться читателям, ибо только так они смогут более эффективно наставлять их; поэт наставляет, чтобы лучше понравиться. Наставление, следовательно, является одной из целей поэзии, но только второстепенной», - писал он⁴. В отличие от поэзии история имеет дело не с выдуманной, а с «реальной природой», она описывает правду, поэтому и стилистически историческая проза должна отличаться от других видов прозы. «Стиль исторических сочинений должен быть ясным, простым, гармоничным и элегантным, но не настолько красивым, чтобы заставить подозревать автора в большем пристрастии к языку, чем к правде... Историк должен избегать непонятных слов и упоминаний об обычаях, мало известных; если он вынужден делать это, то обязан объяснить их»⁵. Битти отличал исторические труды от анналов, мемуаров и книг о путешествиях: «Историк - это архитектор здания истории, а анналисты и авторы мемуаров - это те, кто собирает материал для постройки»⁶. Впрочем, по мнению Бурдона, чтобы иметь верное представление о людях прошлого, нужно читать хроники и сочинения современников, которые только и позволяют проникнуть в суть характеров потому, что «не являются попыткой их исказить, а дают нам факты и анекдоты. Для понимания живших в прошлом персонажей одно проявление чувства или отдельный поступок могут быть важнее, чем сотни героических деяний и речей»⁷.

Бурдон совершенно ясно отмечал образовательную ценность истории; он высказывал мнение о том, какими должны быть первые книги по истории для школьников: «Истории сле-

³ Beattie J. Elements of Moral Science. V. II. Edinburgh, 1817. P. 336.

⁴ Ibid. P. 339.

⁵ Ibid. P. 294.

⁶ Ibid. P. 304.

⁷ Burdon W. Materials for Thinking. V. I. L, 1820. P. 90-91.

дует быть первым и главным уроком для молодых людей, но она должна быть представлена им со вкусом, путем правильного выбора, потому что книги, которые им предлагают, часто настолько скучны и утомительны, что вызывают отвращение, а не развлекают или исправляют. Пусть их первые исторические книги будут краткими, дающими не полную картину исторических событий, а общее представление об истории разных стран. Пусть в дальнейшем это будет дополнено оригинальными описаниями, сделанными теми, кто жил во времена, которые описываются, ибо они обычно возбуждают такой же интерес, как романы, но имеют перед последними преимущество - они говорят правду»⁸.

Удивительно, насколько остро Бурдон в начале XIX века ставил вопросы, которые и сегодня являются принципиально важными и в методологическом, и в образовательном отношении. Возможно, что он несколько преувеличивал степень допустимого доверия к источнику, когда писал, что «одна страница оригинального текста стоит всех произведений Юма, Робертсона и Гиббона». Но к его опасениям надо прислушаться: «История в руках таких людей становится басней или диссертацией, иногда и тем, и другим вместе; характеры основываются на воображении, пристрастиях и предубеждениях относительно конкретных лиц и событий. Такая история может развлекать, но не может воспитывать»⁹. Никакой современный историк не может быть свободен от партийных пристрастий, даже если стремится сравнивать источники и искать в них отличия. Бурдон утверждал: «Вся ранняя часть древней истории - не более чем басня, плод воображения, не только происхождение наций, но и происхождение мира изобретено воображением, и каждая страна имеет собственную теологию и космогонию. Почти все, что мы считаем историей, не более чем басня; и даже если текст подлинный, он представляет великих людей только с немногих точек зре-

⁸ Ibid. P. 272.

⁹ Ibidem.

ния»¹⁰. В теории исторического познания этот мыслитель придерживался идеи скептицизма, предвосхитив некоторые положения релятивистского подхода в методологии истории.

Бэрроу в трактате специально останавливался на роли истории и близких ей дисциплин в школе. Он, правда, признавал, что их роль в школьном обучении побочная. Что касается истории, «то это слишком обширная область, чтобы в полном объеме развивать ее в школе. Но вкус к ней надо развивать, заложив основу для будущих умений»¹¹. В условиях господства классического образования изучение древнегреческой и римской литературы может породить у школьников естественный интерес к истории античных народов, и учитель должен его поддерживать. Хотя чтение древних авторов необходимо, прежде всего, для знания языков, а для истории времени на уроке может не оставаться, ученику можно рекомендовать прочитать имеющиеся на английском языке сочинения, дающие ему ценные знания «без того, чтобы запутывать его политическими рассуждениями, которые он еще не в состоянии понять». Из смежных с историей областей, безусловно, рекомендуется изучение мифологии, без чего «трудно прочитать хотя бы одну страницу классики». Еще более полезна география: «Она совершенно необходима солдату, моряку, купцу и путешественнику, а также каждому человеку, желающему знать земной шар, на котором Создатель поселил его»¹². Ученику следует не только работать с глобусом и картой, точкой отсчета для чего является «наша столица», но и знать такие места, которые чем-то знаменательны в истории или приобрели внимание публики вследствие «необычного явления природы или искусства, осады или битвы, заговора или революции». В таком случае внимание учеников гарантировано, и рассказ учителя они будут слушать с удовольствием. На этих уроках школьник должен узнать «естественную историю» каждой

¹⁰ Ibid. P. 276.

¹¹ Barrow W. Op. cit. P. 36.

¹² Ibid. P. 28.

страны, включающую точное описание ее жителей, формы управления, ее мануфактуры и торговлю, почвы и берега, горы и реки. Описание «естественной истории» должно быть обязательной частью учебника географии и включать сведения о гражданских и военных изменениях, имевших место в этой стране. Таким образом, в практике преподавания история была неразрывно связана с географией. Недаром, сам Бэрроу замечает, что такая наука «перестает быть географией, но не становится историей». Меньшее значение в школе имеет изучение хронологии, хотя знание того, как считали время древние, может вызывать у учеников любопытство. Главный смысл изучения хронологии в том, чтобы они научились выделять важнейшие исторические эпохи и располагать во времени исторические изменения. Бэрроу упоминал, что географию и хронологию часто называли двумя глазами истории.

Уделяя главное внимание классическому образованию, Бэрроу отмечал особо значение истории Англии. Интерес к истории своей страны вытекает из того, что с ней связаны самые ранние и сильные впечатления. «Историю Англии, следовательно, - писал он, нужно считать предметом, которому следует учить учеников и к которому их внимание легко привлечь. Любому учащемуся положено время от времени читать в школе по-английски. И пусть книги по географии и истории служат этой цели: и пока органы упражняются в быстром и правильном произнесении, ум в то же время обогатится самой полезной информацией. Со страниц, написанных историком, читатель узнает о своих соотечественниках, но не как их соучастник, обвинитель или защитник, а как беспристрастный свидетель и судья их поступков»¹³. Бэрроу критически относился к большей части книг, использовавшихся в школьном преподавании. Он категорически возражал против использования на уроках переводов античных классиков, что отвращает школьников от трудолюбия. Многие

¹³ Ibid. P. 37-38.

пособия, особенно по грамматике, содержат ошибки. Но Бэрроу надеялся, что вскоре наступит время, когда Общество Директоров Школ (Society of Schoolmasters) добьется права издавать собственные школьные учебники. Он подчеркивал, что среди других нужных учебных книг «под рукой всегда должны быть “Краткие сведения по географии и истории”, чтобы учащиеся могли ясно понять время и место событий, которым посвящен урок. “Археологический словарь” Уилсона - удовлетворяющая и ценная компиляция. “Античные Древности” Поттера, хотя и неполны, и не развлекательны, но остаются лучшим пособием для младших школьников, обучающихся языку. “Классический словарь” Лампьера выше обычных достоинств, а “Римские Античности” Адамса выше всяких похвал. Описания такого рода привлекают мальчиков к изучению классической литературы, позволяя им понять ее. Не является пустяком и то, что они предоставляют невинные и рациональные удовольствия для внешкольного времени, обучая мифологии, географии и истории древности»¹⁴. Эта цитата дает представление об учебной литературе, использовавшейся в английских школах в самом начале XIX века.

Бэрроу вел речь о «грамматических школах», представлявших собой аналог среднему образованию. Конечно, в обучении младших школьников история не играла никакой самостоятельной роли, а присутствовала как элемент в религиозно-нравственном воспитании. Еще один представитель «моральной науки» Джон Гардинер, врач по профессии, рекомендовал повсеместное создание благотворительных школ для детей, в которых, кроме языка и арифметики, будут обучать полезным ремеслам. Девочек также следует научить шить, прясть, вышивать, прибираться. В возрасте десяти-двенадцати лет им можно поручить переодевать детей. «Девочки не всегда это любят, но если их нужным образом подготовить, то начинают правильно и тол-

¹⁴ Ibid. P. 20-22.

ково выполнять любую работу», - замечал он¹⁵. Однако у Бурдона читаем: «Обучение обычно начинают не с того конца, а именно мы начинаем учить детей читать, писать и механически запоминать, прежде чем учить их думать. Из опыта я убежден: чтобы развивать сознание у детей, мы должны рассуждать с ними, говорить о вещах, сложных для их возраста. Если они наделены от природы хотя бы обычными способностями, их разум больше получит от такого рода наставления, чем в том случае, если отложить это на позднейшее время. После этого, когда их способности укрепятся, они научатся читать, писать и считать быстрее и легче, чем в раннем детстве»¹⁶. Эту же мысль он высказал и в другом трактате «О человеческой непоследовательности»: «Чтобы люди стали чище и добродетельнее, нужно изменить саму суть образования: оно должно обучать людей думать больше, чем повторять, развивать ум больше, чем память, обдумывать, прежде чем действовать как в публичной, так и частной сфере»¹⁷. Возникает ощущение, что Бурдон намного обогнал педагогические теории своего времени. В его словах можно найти догадку о концепции, которую в XX веке назовут «зоной ближайшего развития», а также идею «критического мышления», ключевую в историческом образовании в наши дни.

В начале XIX века значение истории не всегда (хотя довольно часто) видели в важности обоснования религиозного воспитания. Возможно, еще сказывалась близость скептического к религии века Просвещения. Эту черту подметил английский исследователь В. Ченслер: если в начале века еще «сохранялись следы прохладного и рационального подхода к религии», то для викторианцев «религия была цементом общества и козлом от-

¹⁵ Gardiner J. *Essays, Literary, Political and Economical*. V. I. Edinburgh, 1803. P. 282-283.

¹⁶ Burdon W. *Op. cit.* P. 227-228.

¹⁷ *Ibid.* P. 58.

пущения за все недостатки прошлого»¹⁸. Рассмотрим вопрос о роли религии в контексте исторического образования. Бурдон упоминал «религиозных фанатиков», сочетавших служение Богу со служением Маммоне; «политических фанатиков, молящихся Богу за победу в войне, не удосужившись выяснить, справедлива ли она, и благодарящих Его за победы, ради которых погибли тысячи невинных людей»; о богачах, проводящих дни и ночи за игорным столом, а в воскресенье в церкви повторяющих десятую заповедь, запрещающую домогаться чужого»¹⁹. В сочинении «Образование» он прямо заявлял, что книги для детей о религии, особенно о благочестии и набожности, являются полной «чепухой», ибо их предмет существует только в воображении²⁰.

Разумеется, некоторые современники Бурдона расставляли акценты иначе. Гардинер в трактате «О формировании мышления детей до начала обучения грамотности» заявлял: «Ничто не имеет большего значения для процветания и счастья нации, чем распространение благочестия и хорошей морали среди низших классов народа»²¹. Исторической предпосылкой распространения нравственности он считал Славную революцию 1688 года, исправившую и формы управления, и мораль по сравнению с более ранним временем. В основе формирования нравственности лежит религиозное воспитание, поскольку «религия и мораль настолько близко связаны, что вряд ли одно может существовать отдельно от другого. Приходилось слышать, что есть люди, почти или вовсе не религиозные, но являющиеся образцами нравственного поведения. При внимательном рассмотрении это оказывается ошибкой... Общеизвестно: если кому-то недостает первого, то пропорционально ослабевает и вто-

¹⁸ Chancellor V. *History For Their Masters*. Opinion in English History Textbook: 1800-1914. Bath, 1970. P. 90.

¹⁹ Burdon W. *Op. cit.* P. 44-48.

²⁰ *Ibid.* P. 271.

²¹ Gardiner J. *Essays, Literary, Political and Economical*. V. 1. Edinburgh, 1803. P. 139.

рое»²². Поскольку разум и способность к суждению у детей слаба, то они безотчетно следуют мнению своих наставников, и воспитываются, как правило, в вере той страны и секты, где рождены и растут. При этом, по мнению Гардинера, почти не имеет значения, к какой именно христианской церкви принадлежит человек; гораздо важнее искренность его веры. Сила примера в религиозном воспитании и уверенность в божественном происхождении своей веры столь велика, что, даже повзрослев и осознав абсурдность религии своих предков, человек, как правило, сохраняет ее. Впрочем, это рассуждение автор относит только к отличным от христианства религиям: «Не улыбнется ли добрый христианин, услышав о религиозных убеждениях некоторых племен дикарей в Африке или других частях света?.. Но удивление достигнет степени изумления, когда он узнает о религиях китайцев, персов и других народов Востока, которые, как полагают, достигли цивилизованного состояния уже тысячи лет назад. Именно из этого вытекает, что религиозные принципы, усвоенные в детстве и юности, сколь бы не сочетаемыми с разумом и здравым смыслом они ни были, даже в этих цивилизованных странах, определяют правила и поведение их жителей на протяжении всей жизни»²³. Здесь отмечается поразительное отличие от Бурдона, для которого наличие многих религий - аргумент, доказывающий относительность всякой религиозной веры.

У. Бэрроу, ссылаясь на собственный опыт, отвергал мнение тех, кто недооценивает значение религиозного воспитания. Он рассказывал об «опасной ошибке» некоего авторитета, который заявил, что много лет игнорировал в работе со школьниками даже церковный катехизис. (Сама возможность избежать в конце XVIII - начале XIX века вопросов религиозного образования в школе удивительна: этому учителю только однажды вынесли порицание за такое упущение). Сам Бэрроу твердо убежден, что воспитание в христианской вере - это важнейшая обязан-

²² Ibid. P. 208-209.

²³ Ibid. P. 258-259.

ность директора школы, вытекающая из того, что доктрины христианства больше, чем доктрины любой другой религии, подходят для выполнения главной функции образования - исправления человеческой природы: «Они лучше продуманы, более всего действительны на практике, чтобы контролировать страсти, исправлять мнения, регулировать поведение»²⁴. В трактате «Об образовании» Бэрроу вышел за границы собственного педагогического опыта и поставил вопрос о влиянии Французской революции на низшие классы британского общества. Поскольку «дух якобинства никогда не спит», «а низшие классы имеют теперь возможность для получения некоторой доли информации», этой опасности должна быть противопоставлена «бдительность, которая только и позволит защитить наши фундаментальные принципы». Залогом является талант учителей, их способность к наставлению в «правильном» направлении и «книги, которые следует вложить в руки» людей этих сословий. Следует назначить инспекторов во всякие школы: приходские, благотворительные и воскресные, и это принесет пользу и ученикам, и государству в целом²⁵. Как видим, у Бэрроу прослеживается идея политического воспитания низов. Впоследствии она станет ведущей в обосновании важности исторического образования в школе.

Непродолжительное время спустя экономист и проповедник Т. Чалмерс вовсе безапелляционно утверждал: «В целом, каждый христианин пребывает в лучшем комфорте и условиях, чем любой другой человек. Общий христианский приход - это приход благополучных семей»²⁶. Конечно, ситуацию с религиозным образованием он не считал благополучной: в городах и сельских приходах число истинных христиан едва ли достигает одного на пятьдесят человек. Главная потребность в этом отно-

²⁴ Barrow W. Op. cit. P. 156.

²⁵ Ibid. P. 408-409.

²⁶ Chalmers Th. On Political Economy in Connection With the Moral State and Moral Prospects of Society. Glasgow, 1832. P. 425.

шении касается «низших слоев», и образование является главным способом исправить этих людей, но это должно быть не «образование для письма», а «образование принципов». «Не просто обучение, а обучение, оплодотворенное религией, воздействует на огромную массу общества. Мы не верим в эффективность технической подготовки и даже начальных школ для воспитания добродетельного и благополучного крестьянства, пока они отделены от уроков христианского благочестия», - писал он ²⁷. Для Чалмерса религиозное воспитание - это то, что необходимо всякому политику и патриоту ²⁸.

В сочинении, опубликованном в 1835 г., Т. Дик призывал к особой осторожности и даже избирательности в изложении исторического материала: следует «упускать детали, которые было бы неверно выставлять напоказ, или те, которые покажутся школьникам неинтересными» ²⁹. По его мнению, историки уделяют чрезмерное внимание падению народов, разрушениям, кровавым бойням, зачастую не разъясняя всего безумия войн, злобных устремлений, из которых они вытекают. Это портит сознание юношей и имеет для них вредные последствия. В этом случае история теряет свою роль «управителя морали». Рассматривая нравственное воспитание как главную цель исторического образования, автор утверждал: максима язычества должны быть противопоставлены христианские принципы и чувства; история наций должна выглядеть не как история королей и героев, а «как история Божественного провидения, история морального развития человечества» ³⁰. Главный пример моральной добродетели – пример Христа, в распоряжении учителя «примеры святых пророков и апостолов, людей, значительно более вы-

²⁷ Ibid. P. 433-434.

²⁸ Ibid.. P. 436.

²⁹ Dick T. On the Mental Illumination and Moral Improvement of Mankind; or An Inquiry by Which a General Diffusion of Knowledge and Moral Principle May Be Promoted. Glasgow, 1835.

³⁰ Ibid. P. 232.

соких в своих моральных принципах и поведении, чем самые прославленные герои Греции и Рима, поскольку христианская религия выше любых теологических систем язычества. Представляя историю молодым, историк обязан, следовательно, остановиться на определенных эпохах и событиях и направить внимание читателей на то, что было моральным и аморальным в рассматриваемых действиях, что нужно одобрить и что следует осудить в описываемых сценах, исходя и принципов и правил христианской веры» ³¹. Как полагал Дик, дух христианства поможет юношам понять, что ужасные события в истории порождены амбициями и мстительностью, низкими страстями, противными истинной вере и интересам человечества.

Религиозные предубеждения находили отражение в британских школьных учебниках XIX века. Исследователь У. Марсден приводил примеры, подтверждавшие антикатолический характер многих книг для школьников. Так, в учебниках противопоставлялись «толерантный» протестантизм и «фанатичный» испанский католицизм, практиковавший инквизиционные трибуналы, в них обнаруживается противопоставление шотландской королевы Марии Стюарт, «слепой приверженки римской церкви» и королевы Виктории, просвещенной протестантки ³². В ряде учебников религиозный оттенок имело противопоставление Марии Кровавой и Елизаветы I. Такие подходы вызывали возражения у католических образовательных организаций. По мнению Марсдена, снижение «накала религиозных противоречий» в школьных учебниках произошло только после второй мировой войны, что было связано, в том числе, с возникновением в Великобритании мультикультурного общества, большая часть членов которого - не христиане. Но и тогда со стороны разных конфессий, например, мусульманской, продолжала звучать критика по поводу того, что мусульманский мир изобража-

³¹ Ibid. P. 233.

³² Marsden W. The School Textbook: Geography, History and Social Studies. L., 2001. P. 135.

ется в учебниках истории как мир «жестокости, варварства и воинственности»³³.

Хотя в школьном образовании в XIX в. происходило усиление религиозного воспитания, в том числе в процессе обучения истории, история так и не превратилась в часть религиозного обучения; вопреки давлению со стороны религиозных обществ история (как и школа в целом) сохранила самостоятельный статус во многом благодаря противодействию сообщества учителей.

Кроме религии, на протяжении XIX столетия возрастала роль национальной и патриотической идеи в историческом образовании. Так, Бурдон сомневался не только в пользе религии в воспитании, но и утверждал, что человек свободных взглядов не будет придерживаться предрассудков, проистекающих из национальных и местных корней, он будет порицать недостатки соотечественников и друзей, как любых других людей. Этот мыслитель писал: «Нет более явного и вызывающего признака непросвещенности, чем несправедливое предпочтение своей собственной страны или прошлых времен. Греки называли всех, кроме себя, варварами, и не много найдется современных наций, которые не думают о своей стране как о высшей по сравнению с другими»³⁴. В этом вопросе он расходился с педагогами викторианского времени, рассматривая патриотизм как одно из предрассудков сознания и воспитания. Это, однако, не означает, что он не смотрел на англичан как на особую нацию: так, он замечал, что слышал от иностранцев, что среди жителей его страны больше людей эксцентричных, чем в любой другой. Бурдон, соглашаясь с этим мнением, объяснял английский характер тем, что, пользуясь свободой от деспотической власти, англичанин более разнообразно проводит свое время и более свободно пользуется своей собственностью, чем кто-либо еще. Отсюда проистекает различие в характерах, обнаруживающееся во всех частях

³³ Ibid. P. 136.

³⁴ Burdon W. Op. cit. P. 20.

империи, особенно в метрополии. Другим фактором, влияющим на характер англичанина, является возможность общаться с людьми разных рангов (он считал, следовательно, что социальные границы в Англии более размыты, чем в других странах). Бурдон писал: «Турок и русский походят друг на друга почти во всем, однако трудно найти двух похожих англичан, кроме как в общих чертах их характера: любви к своей стране, храбрости, любви к свободе. Эти черты перемешиваются и дополняются многими другими качествами, они настолько сильны, что составляют суть национального характера»³⁵. Если так писал «просвещенный» мыслитель, критикующий крайности патриотизма, не удивительно, что другие часто были гораздо более последовательны в прославлении своей нации. То, что здоровый патриотизм зачастую оборачивался национализмом и ксенофобией, беспокоило многих уже в начале XIX века. Пацифистской идеологии придерживались, в частности, сторонники квакерства. Издавались журналы, проповедовавшие идеи мира и не игнорировавшие содержания учебников. В одном из них в 1820 году писалось: «Книги, по которым школьники учатся читать, учат ребенка ненавидеть или презирать все другие нации, кроме своей; они представляют войну как театр славы; они воспитывают в нем амбициозную страсть надеть на себя окровавленный лавровый венец победы... Несчастливы молодые, чьи души так рано подвергаются пагубному влиянию»³⁶.

Для Гардинера патриотизм входит в число других лучших качеств человека: «Любовь к справедливости, щедрость, благодарность, дружба, патриотизм и другие добродетельные проявления сознания даже не могут называться страстями, ибо они горят в человеческой душе спокойным, но постоянным пламенем, и если они правильно направлены, то являются великими украшениями человека»³⁷. Как видим, из этого определения вы-

³⁵ Ibid. P. 86.

³⁶ См.: Marsden W. Op. cit. P. 148.

³⁷ Gardiner J. Op. cit. P. 225.

текает, что патриотизм не предполагает превосходства над другими нациями, более того, он остается добродетелью, только если «правильно направлен».

Итак, в период, предшествующий возникновению урока истории и до утверждения современных представлений об истории как способе политического и патриотического воспитания, цель обучения истории виделась, прежде всего, в развитии моральных качеств учащихся, базирующихся на христианской системе ценностей. В дальнейшем цели морального воспитания постепенно оттеснялись потребностями политического воспитания в условиях расширения избирательных прав и роста национализма в Британии и Европе.

Полякова Е. Ю.

Мифология ирландского восстания 1916 года

Существует мнение, что история – это политика, обращенная в прошлое. Перефразируя это высказывание, можно сказать, что политика – это история, обращенная в настоящее. Несмотря на упрощенность такого подхода, нельзя отрицать, что история и политика тесно взаимосвязаны. По мнению известного итальянского историка и политика Б. Кроче, всякое историческое исследование – это современная история, так как история в сущности – это представление о прошлом в свете современных проблем.

Выбор темы исследования, постановка проблемы, интерпретация исторических событий, относящихся как к близким, так и к далеким эпохам, зависит от множества факторов, и в первую очередь, конечно, от личности историка и от политической и идеологической атмосферы того общества, в котором ему приходится жить и творить. Именно этим и определяется актуальность исторического исследования, которую часто ошибочно отождествляют с хронологической близостью к современным событиям.

В этой связи невозможно не вспомнить незаслуженно забытое, но весьма справедливое высказывание классика: «Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества». Поэтому любое историческое произведение само по себе является памятником породившей его эпохи, отражением определенного общественного дискурса, соответствующего достигнутому уровню знаний. Как само общество, так и способы его познания, в том числе исторического, находятся в постоянном развитии. Именно в этом, на наш взгляд, заключается принцип историзма, и из него следует исходить при оценке конкретного исторического явления, к которому, безусловно, принадлежит и область исторического знания.

Когда мы говорим, что то или иное историческое издание устарело, это означает отражение изменения общественных взглядов, не удовлетворенных существующей интерпретацией. Как правило, это связано с увеличением объема информации, с верификацией исторического знания, с расширением методологических приемов исследований, а также с уровнем политической культуры общества. Пересмотр исторических концепций или ревизионизм – явление, присущее исторической науке, признак ее развития (конечно, в том случае, если оно не продиктовано сугубо конъюнктурными соображениями). Исходя из этого, следует, на наш взгляд, рассматривать вопрос о традиции, преемственности или конфликте интерпретаций исторического знания.

В данной статье речь идет о восприятии так называемой «Красной пасхи», или Дублинского восстания 1916 г., в ирландской национальной историографии, отражающей настроения и интересы ирландского общества. Для нас представляет интерес освещение восстания в национальной историографии Ирландской Республики, подвергнувшееся ревизии в последние десятилетия под влиянием изменений общественного дискурса.

В ходе подготовки данной работы я еще раз убедилась в том, что эти события почти столетней давности по-прежнему остаются в центре внимания ирландского общества, а их интерпретация – предмет острых дискуссий и неугасающего интереса исследователей, не скупящихся на новые сочинения, число которых возрастает по мере приближения столетнего юбилея восстания. По свидетельству самих ирландцев, их история остается идеологическим минным полем¹, и в этой борьбе за прошлое существенное место уделяется интерпретации ирландского восстания 1916 г.

Внимание советских исследователей к ирландскому восстанию отражало общую тенденцию советской исторической науки – интерес к революциям, массовым социальным движениям и, в первую очередь, участию в них рабочего класса и крестьянства. Работам 20–30-х гг. прошлого века, написанным с классовых марксистских позиций, была свойственна переоценка ро-

¹ History Ireland. Dublin. 2012. N.3. P. 46.

ли ирландского пролетариата как движущей силы в борьбе за национальное освобождение.

Более объективная, взвешенная оценка восстания содержится в работах 60–70-х гг. прошлого века, принадлежащих перу известного специалиста по ирландской истории А. Д. Колпакову, автору соответствующего раздела «Истории Ирландии» (1980 г.). Написанные после начала подъема национально-освободительного движения и распада мировой колониальной системы, они не могли не отразить эту всеобщую тенденцию. Колпаков отмечал, что восстание явилось результатом союза радикально-демократического крыла национально-освободительного движения с авангардом ирландских рабочих, выявив важнейшую тенденцию – складывания союза национально-революционных и социалистических сил².

Несмотря на указанные различия, нельзя утверждать, что трактовка событий, связанных с восстанием 1916 г., привела в советской историографии к конфликту интерпретаций. Скорее можно говорить об их преемственности. Для пересмотра исторических концепций не было условий, которые появились в современной России вследствие глубинных социально-экономических и политических изменений нашего общества. К сожалению, в российской историографии тема Дублинского восстания не получила достаточного освещения, хотя в современном мире проблемы развития национализма приобретают все большую актуальность.

Несколько слов о самом восстании. Это событие – одно из центральных в новейшей ирландской истории, определившее пути ее развития. В разгар Первой мировой войны, в 1916 г., в Дублине произошло антибританское восстание, участники которого провозгласили Ирландскую республику. Во главе восстания, продолжавшегося в течение пасхальной недели (за что и получило название «Красной Пасхи»), стояли революционный демократ П. Пирс и вождь ирландского пролетариата марксист Дж. Коннолли. Основной ударной восстания были «Ирландские волонтеры» – массовая национальная военизированная организация, а также пролетарская Гражданская армия. Восстание по-

² История Ирландии. М., 1980. С. 221, 223.

терпело неудачу в военном плане и было жестоко подавлено британскими войсками. Однако оно дало толчок развитию ирландского национального самосознания, способствовало формированию ирландской идентичности и в конечном итоге привело к созданию сначала ирландского доминиона, а затем и независимой республики. В ирландском национальном государстве события, связанные с восстанием, приобрели символическое значение, а его мифологизация и героизация участников легли в основу национальной историографии.

Ирландская национальная историография формировалась в ходе борьбы за независимость, под влиянием демократических идей основателей ирландского государства, создававшегося в огне революционных сражений. Продолжавшееся на протяжении десятилетий противостояние конституционных и силовых методов решения национального вопроса в тот период разрешилось в пользу последнего. Это обстоятельство не могло не отразиться на национальной идеологии Ирландского Свободного Государства. И хотя в политической жизни происходила эволюция взглядов на многовариантность исторического пути Ирландии в сторону смещения в конституционное поле, в общественном дискурсе закрепились оправданная ходом истории традиция героического прошлого, обращенная к восстанию «Объединенных ирландцев» 1798 г., фениям, Пасхальному восстанию и революционным событиям 1919-1923 гг., нашедшая отражение в исторической литературе первых десятилетий после обретения независимости, в частности в трактовке Дублинского восстания.

Оно рассматривалось в контексте событий 1919-1923 гг. как исходная точка революции, как ее начальный этап, подрывавший легитимность британской власти в Ирландии. Конечно, работы, представлявшие национальную историографию, как и само ирландское общество, не были однородны, и степень радикализации их авторов отражалась на восприятии республиканской традиции. Однако сам факт произошедшей революции никому и в голову не приходило отрицать до поры до времени. Тем более, что у власти находились участники революционных событий борьбы за независимость, включая лидера нации Де Валеру, героя Пасхального восстания. Дискуссии шли лишь по вопросу периодизации, а именно, считать ли восстание исходной

точкой революции, что означало непрерывность революционного процесса с 1916 г. Сторонники данной точки зрения называли период 1916-1923 гг. годами славы (*Glorious years*), а революционные традиции видели в республиканизме XVIII в., в идеях У. Тона и его обществе «Объединенных ирландцев», давших импульс последующим революционным событиям в Ирландии, и в их числе – Дублинскому восстанию. Следует заметить, что в ирландском политическом словаре термины «революционный» и «республиканский» идентичны и всегда подразумевали использование насильственных методов в борьбе за независимость.

Историки ИСГ всячески поднимали на щит значимость восстания и всего революционного периода для новейшей истории страны. Один из постулатов, способствующих мифологизации указанных событий, а именно о всенародном характере движения, был сформулирован Де Валерой в 1937 г. в предисловии к ставшему классическим для республиканской трактовки революции и образования ИСГ труду Д. Макардл «Ирландская Республика», в котором он писал: «Независимо от того, как сложится будущее ирландской нации, 1916-1923 годы должны навсегда остаться периодом всепоглощающего интереса. За прошедшие 200 лет не было другого периода такой напряженной и непрерывной борьбы за национальный суверенитет и независимость, в которой участвовала бы вся нация. В эти годы преобладающее большинство нашего народа добровольно объединилось для достижения общей цели»³.

Героизация революционных событий и их участников в исторической литературе выполняла определенную идеологическую функцию, направленную на формирование национальной идентичности после трагического раздела страны, ставшего следствием этих событий. В то же время в работах первых послереволюционных десятилетий отсутствовал глубокий и всесторонний анализ причин, приведших к расколу Ирландии.

Торжественные празднования юбилеев восстания были призваны закрепить в народной памяти героическое прошлое и уверенность в настоящем. Грандиозным военным парадом в

³ Macardle D. The Irish Republic. London, 1968. P. 19.

Дублине в апреле 1941 г. был отмечен 25-летний юбилей восстания, на котором президент государства Д. Хайд отметил его значение для освобождения страны. «Мы собрались здесь отдать почести и дань уважения людям, которые были до нас. Мы никогда не отдадим завоеванную в длительной борьбе свободу... и будем верны духу предков», - заявил президент ⁴.

В 1966 г. ирландский народ торжественно отметил пятидесятилетие «Красной Пасхи». Празднества охватили всю страну, а их высокий официальный уровень давал возможность представить Ирландию современным и успешным государством. Впервые со времени обретения независимости ирландская экономика устойчиво развивалась, повышался уровень жизни. Премьер Шон Лемасс рассматривал юбилей как возможность улучшить имидж нации в глазах мирового сообщества, подчеркнув гордость за прошлое и веру в будущее. Политики отдавали дань памяти героев восстания – П. Пирса, Д. Коннолли и их соратников; в городах и сельской местности воздвигали памятники борцам за ирландскую свободу; в Дублине был открыт Сад памяти (Garden of Remembrance), ставший символическим местом памяти о тех, кто отдал свою жизнь в борьбе за независимость Ирландии; историки – профессионалы и любители – написали тома, прославлявшие героическую Пасхальную неделю; повсюду звучали патриотические мелодии и песни. Описывая царящую в стране атмосферу, газета «Irish Times» в апреле 1966 г. писала: «Люди стояли в очередях за памятными марками и монетами, посещали юбилейные выставки. Повсюду ощущались признаки интереса к событиям пятидесятилетней давности, которые для молодого поколения, казалось, были сравнимы по давности с кромвелевским завоеванием», - и далее: «Нам часто говорили, что ирландцы должны забыть свою историю. Это неверно. Они должны ее изучать, чтобы суметь отделить правду от пропаганды» ⁵. Проявлением «патриотических» чувств стал и взрыв Колонны Нельсона – памятника английскому адмиралу на главной улице Дублина О'Коннелл-стрит. Ирландские газеты ирониче-

⁴ The Irish Times. 1941. 14 April.

⁵ Ibid. 1966. 14 April.

ски писали, что британский адмирал покинул Дублин по воздуху.

Празднование юбилея восстания явилось не просто данью прошлому: оно продемонстрировало приверженность общества и государства определенным национальным ценностям. Тогда, в 1966 г., восстание 1916 г. и последовавшая за ним национальная революция воспринимались в общественном дискурсе Ирландской Республики исключительно позитивно, несмотря на сохранявшийся раздел страны, ставший следствием событий 1916–1921 гг. Жизнеспособные демократические институты и развивавшаяся экономика обеспечивали стабильность в стране, ставшей примером для многих государств, пошедших по пути независимого развития.

Юбилей восстания был призван закрепить в общественном сознании торжество национальной концепции ирландской истории, в которой Пасхальному восстанию и идеям его лидеров отводилась одна из центральных ролей. Эту задачу во многом взяло на себя радио и молодое ирландское телевидение. Как писали исследователи, изучавшие празднование золотого юбилея восстания, для многих ирландцев он запомнился в первую очередь телевизионными передачами ⁶. Подчеркивая стоящие перед ними задачи, руководители телерадиовещания отмечали: «Мы должны помнить, что имеем дело с двумя поколениями. Это, с одной стороны, те, кто пятьдесят лет назад в Пасхальную неделю отстаивал право Ирландии на независимость. Они – живые свидетели тех событий и должны быть услышаны. С другой стороны, мы должны понимать, что значительная часть нашей аудитории в то время еще не родилась, или была в детском возрасте и не имеет четкого представления об участниках восстания, и наша задача – показать героическую драму той недели» ⁷.

Для воссоздания героического прошлого на радио и телевидении было осуществлено несколько проектов. Были проинтервьюированы участники и свидетели событий периода борьбы за независимость, и их интервью легли в основу юби-

⁶ Daly M., O'Callaghan M. (ed.). 196 in 1966 – Commemorating the Easter Rising. Dublin, 2007. P. 21.

⁷ RTV Guide. Dublin, 1966. 1966. 8 April. P. 5.

лейных программ. Важнейшей частью мероприятий стал запуск цикла исторических передач, посвященных восстанию. Восстанавливая историческую правду, необходимо подчеркнуть бесстрашие и высокий моральный дух участников восстания, которые не только возродили ирландское самосознание, но дали пример антиколониальным движениям в мире – так были сформулированы основные цели нового цикла передач.

Они начались серией лекций на радио, озаглавленных «Лидеры и участники восстания 1916 г.», в которых не только отмечалось его значение, но анализировались и реконструировались взгляды повстанцев. В передачах приняли участие наиболее именитые ирландские историки (Ф. Мартин, Т. Моуди и др.). Эти лекции были изданы в виде брошюр и стали важным фактором популяризации ирландской истории.

Юбилей инициировал и другие новые исторические проекты. Среди них – телевизионная серия «Курс ирландской истории» с древних времен до современности, включая дискуссию между авторами. По мнению одного из организаторов проекта профессора Т. Моуди, программа была по возможности сбалансирована, и в ней участвовали критически относящиеся к восстанию историки. Своеобразным подарком к юбилею стало издание двенадцати исторических пьес, отразившее влияние культурной атмосферы периода борьбы за независимость на формирование национального самосознания.

В отношении к прошлому ирландское общество характеризовал консенсус уверенной в себе нации, и отдельные голоса критиков звучали диссонансом в праздничном хоре. Более того, ежеквартальный научный журнал «Studies» решил не публиковать одну из статей, основные положения которой противоречили духу торжеств, духу господствующей историографической концепции.

В статье под названием «Канон ирландской истории – вызов» ее автор развенчал ставшую официальной точку зрения, или, как он писал, «миф» о том, что участники восстания изба-

вили ирландский народ от несостоятельного, упадочнического и проанглийского влияния конституционного национализма⁸.

Статья была опубликована в 1972 г., когда после разразившегося североирландского кризиса в республике стало меняться отношение к национализму в целом и восстанию как его яркому проявлению. Государственные празднования годовщин восстания с начала 70-х сошли на нет и были возобновлены лишь в 2006 г. Более того, известный ирландский историк К. О'Брайен в 1972 г. в работе «Государства Ирландии» утверждал, что широкие празднества 1966 г. вдохновили воинствующих республиканцев на вооруженные действия (имеется в виду североирландский конфликт – Е.П.) по опыту повстанцев 1916 г. В стране начался пересмотр национальных концепций ирландской истории. Этому способствовали социально-экономические изменения в Ирландской Республике, начавшиеся в 60-е годы прошлого века. Экономическая модернизация, появление и развитие телевидения, улучшение качества жизни, а также влияние потребительских ценностей западного общества привели к ослаблению национальных традиций. Вступление Ирландии в 1973 г. в ЕС и интеграция в европейские структуры формировали новую космополитическую культуру, размывали национальную идентичность, уменьшали влияние на политику традиционных ценностей и старых исторических мифов, в числе которых оказались гэльская цивилизация, радикальный республиканизм и многое другое. Новое поколение ирландских политиков, не связанное с памятью об участии в революции, ставило прагматичную задачу – удовлетворить запросы общества, для которого потребительские стандарты европейского образа жизни оказались более привлекательными, нежели традиционная культура, прежде определявшая политическое поведение как элиты, так и масс.

Все вышесказанное наряду с членством в ЕС и интеграционными процессами трансформировало ирландский национализм, повлияло на отношение в республике к событиям в Север-

⁸ Francis Shaw S.J. «The Canon of Irish history – A Challenge» //Studies. Dublin, 1972. V. 61. P. 113-153.

ной Ирландии и возможности решения национального вопроса мирными средствами в рамках единой Европы.

За несколько лет события в Северной Ирландии вместили в себя века ирландской истории: противостояние католиков и протестантов, действия британских политиков и британской армии, активизацию Ирландской республиканской армии (ИРА) – и новое актуальное звучание приобрел извечный ирландский спор о противоборстве между силовым и конституционным путями разрешения национальной проблемы Ирландии в современных условиях – сохраняющегося раздела страны. Логика 1916 г. больше не казалась незыблемой. Вместе с развитием либерально-демократических ценностей в общественном сознании ирландцев происходила реабилитация конституционного национализма, что неизбежно нашло отражение в интерпретации национального прошлого.

Ревизия казавшихся устоявшимися ценностных ориентиров началась, прежде всего, с проблем, связанных с национальным движением. Против интерпретации ирландского прошлого, представлявшей героическое страдание в основе образа современной Ирландии, выступила школа ревизионистов. Ее представители бросили вызов одному из основных постулатов национальной концепции истории Ирландии – утверждению о последовательном развитии революционного процесса, начиная с республиканских идей «Объединенных ирландцев» XVIII в., включая события 1916-1923 гг. Положив в основу своих исследований республиканизма метод деконструкции, отрицания непрерывности исторического развития, они подвергли сомнению его, как они пишут, «основополагающий миф» - о преемственности республиканских идей, тем самым вырвав Пасхальное восстание из исторического контекста.

Приверженцы пересмотра устоявшихся, догматических (как они считают – Е. П.) историографических концепций упрекают историков-националистов в упрощенной трактовке, недостаточном анализе восстания. С их точки зрения этот наиболее эмоциональный символ народной памяти был использован для создания мифа о восстании как начале революции, как поворотном пункте ирландской истории. Этот миф, этот стереотип сформировался под влиянием политических пристрастий. «Ир-

ландская история слишком часто виделась сквозь зеленые очки, два поколения историков-националистов находились под влиянием шинфейнеровской риторики и патриотической лихорадки», - такова типичная характеристика ревизионистами национальной историографии⁹. В свою очередь, стремясь отделить «правду от мифа», они впадают в другую крайность, отрицая значение восстания, поскольку оно не было всенародным и потерпело поражение. Они не считают восстание началом революции, поскольку ставят под вопрос и даже отрицают сам факт революции в Ирландии¹⁰. И здесь трудно отделаться от приходящей на ум параллели с современными отечественными историками, которые торопятся заменить революцию на переворот. Да, эпоха настоящих, а не цветных революций осталась в прошлом, но мы должны не забывать о принципе историзма.

Ирландские историки-ревизионисты в русле распространенных современных представлений о предпочтении эволюционного пути развития утверждают, что восстание не было необходимым и закономерным, а Ирландия вследствие эволюции Британской империи получила бы автономию через деволуцию мирным путем. Критикуя исторические взгляды некоторых лидеров и участников восстания, их приверженность политическому мессианству, культу мученичества и смерти, современные историки считают неоправданным героизм, жертвенность и жестокость событий 1916 г. и полагают необходимым демистификацию культа насилия, поставленного на службу революционному национализму и превратившего в представлениях народа убийц в мучеников. Противопоставляя конституционный путь решения национального вопроса, они пишут, что принятие гомруля в 1914 г. могло бы помочь избежать трагедии 1916–1921 гг., а может быть и раздела страны. С их точки зрения временный отказ от полной независимости – небольшая цена ради сохранения единства Ирландии.

⁹ Raymond J. R. Irish Nationalism in the Early Twentieth Century: A Reappraisal //Canadian Review of Studies in Nationalism. XIV. I. 1987. P. 19.

¹⁰ Garvin Tom. Revolution? Revolutions are what Happens to Wheels – the Phenomenon of Revolution? Irish Style //Augusteijn J. (ed.) The Irish Revolution, 1913–1923. New-York, 2002. P. 230-231.

Анализируя непосредственные последствия восстания, авторы называют раскол общества и последующую гражданскую войну. Политическое насилие, по мнению ревизионистов, себя не оправдало, поставленные цели не были достигнуты. Насилие оказало, пишет один из авторов, катастрофическое влияние на события 1916-1922 гг., следствием чего стал раскол национального движения и раздел Ирландии, а также породило субкультуру терроризма, которая питала ИРА ¹¹.

Появление ревизионистского направления в ирландской историографии, представители которого выступили против упрощенной трактовки исторического процесса в угоду политическим установкам, породило множество дискуссий о многовариантности путей исторического развития Ирландии, повлиявших на формирование ее облика. На это указывалось в вышедшем в 2002 г. сборнике, посвященном проблемам ирландской революции 1913-1923 гг., где подчеркивалась необходимость пересмотра концепции революции ¹².

На этом фоне начались новые дискуссии о влиянии ревизионизма на трактовку проблем, касающихся основных ценностных установок ирландского национализма. По мнению одного из ведущих ирландских историков Д. Бойса, ревизионизм подорвал основу, на которой строилась концепция национализма, а именно идею об историческом народе, чье национальное сознание уходит в глубь веков и чья борьба за выживание является центральной темой ирландской истории. В то же время другой не менее известный исследователь Р. Фостер считает, что новые подходы способствуют плюралистической интерпретации истории ¹³.

Приближается столетие ирландского восстания. Несмотря на его неоднозначные оценки, этому событию уделяется ог-

¹¹ Raymond J. R. Irish Nationalism... Op. cit. P. 20-25; Kinsella S. The Cult of Violence and the Revolutionary Tradition in Ireland // Studies. Dublin, 1994. V. 83. N. 329. P. 26-28.

¹² The Irish Revolution. Op. cit.

¹³ Boyce D. G. Nationalism in Ireland. London, 1990. P. 392; Foster R. Varieties of Irishness // Cultural traditions in Northern Ireland. Proceedings of the Cultural Traditions Group Conference. Belfast, 1989. P. 21.

ромное внимание в общественном дискурсе. Издается обширная литература, интернет полон различными материалами. Существует специальная программа с методическими разработками по изучению восстания в школах и университетах, в которой особое внимание уделяется мифологии и фактам. Методические указания среди прочих включают следующие вопросы: почему восстание продолжает вызывать столько эмоций; каково его влияние на события в Северной Ирландии?

Приближающийся юбилей восстания – наиболее яркая памятная дата в мемориальной декаде столетия ирландской истории, отмечающейся в ознаменование событий 1912–1923 гг., оказавших влияние на дальнейшую судьбу страны. Эти события включают в себя принятие гомруля, подписание ольстерского ковенанта, гибель «Титаника», восстание, войну за независимость, создание независимого ирландского государства. Каково восприятие этих событий, и прежде всего восстания, в современном ирландском обществе? В этом отношении показательна история празднования его юбилеев. Мы говорили о торжествах 1966 г. В 1996 г. в разгар североирландского кризиса уже не было громких торжеств. В апреле 2006 г. на католическую пасху Ирландия вновь торжественно отметила юбилей. За прошедшие 35 лет это был первый военный парад в Дублине в честь восстания. Две с половиной тысячи участников парада собрали десятки тысяч зрителей. В празднестве приняли участие президент и премьер страны. Давая оценку тем далеким событиям, президент Мэри МакАлис заявила, что они заложили основу современной Ирландии и составляют гордость ирландского народа.

Тогда же, в 2006 г., в Национальной библиотеке Ирландии открылась выставка из коллекции библиотеки, куда вошли документы, относящиеся к восстанию: газеты, фотографии, прокламации, письма. Они воссоздают социальную, культурную и политическую атмосферу эпохи. Основное внимание уделено персоналиям – лидерам и участникам восстания, а также государственным и политическим деятелям, игравшим заметную роль в ирландской истории начала XX столетия. Выставка существует и в электронном виде. Сам факт создания подобной экспозиции свидетельствует о том значении, которое придается в Республике этому национальному символу. Во вводной части

экспозиции отмечается наличие противоречивых, дискуссионных оценок восстания. Организаторы выставки пишут, что моральное и политическое наследие восстания остается предметом дискуссий. Существует мнение, что республика могла быть завоевана иным, демократическим путем, а восстание и последовавшие за ним война за независимость и гражданская война сделали неизбежным раздел Ирландии. В то же время другая точка зрения сводится к тому, что восстание способствовало разочарованию в гомруле и переходу к решительным действиям в борьбе за независимую республику. Сторонники данной концепции делают из лидеров восстания икону и считают их отцами-основателями современного ирландского государства¹⁴. И хотя коллекция Национальной библиотеки базируется на национальной концепции исторического процесса, учитывая наличие в обществе различных, подчас конфликтующих интерпретаций и оценок, кураторы выставки постарались представить материал с наибольшей объективностью.

В заключение хотелось бы выразить пожелание, чтобы стремление к плюралистической интерпретации истории не зависело от политических пристрастий и политической конъюнктуры, а базировалось на новых архивных, документальных и других источниках.

Дули Т., Ноак Кр.

**От аристократического прошлого к публичному наследию:
сравнительное исследование русских и ирландских усадеб
после революций**

Введение

Заключительная глава новаторского исследования Прициллы Рузвельт о русской усадьбе, носящая заголовок «Шторм», начинается с рассуждения о том, как бы сегодня могли выглядеть величественные сельские особняки, если бы в 1917 г. культура знати не была «со всей жестокостью уничтожена»¹. Картина, которую она рисует, имеет черты сходства с Англией и Ирландией в настоящее время: «Безусловно, было бы меньше больших усадебных особняков, чем в 1916 г., поддержание их, возможно, финансировалось бы за счет посетителей, выставок останкинских сокровищ или юсуповского фарфора... Как и везде, многие усадебные дома в России, несомненно, разрушились бы, были проданы или снесены, чтобы освободить место для нового строительства»².

К настоящему времени сравнительные исследования по русскому поместью фокусировались на Англии больше, чем на Ирландии. Например, этому посвящена большая обзорная статья Джона Рэндольфа на книгу Рузвельт «Сельское поместье» и плодотворное исследование Питера Мэндлера «Подъем и упадок домов-усадоб». Отправным пунктом для Рэндольфа является очевидный контраст между Англией, «где два миллиона членов пополнили ряды армии защитников сельских усадеб, могучего Национального фонда опеки исторических памятников», и Рос-

¹⁴ <http://www.nli.ie/1916/pdf/1.intro.pdf>.

© Т. Дули, Кр. Ноак, 2013

¹ Roosevelt Pr. Life on the Russian Country Estate: A Social and Cultural History. New Haven, L., 1995. P. 330.

² Ibid. P. 329.

сией, где «униженные руины могут только напомнить знаменитое суждение Чаадаева: «Нет даже и домашнего очага»³.

Можно утверждать, что сравнение России и Ирландии столь же поучительно, если не сказать больше. В Ирландии аристократическая культура, в основном воспринимавшаяся как английская и чуждая, утратила свою главенствующую позицию в 1916-1923 гг., в период социо-политического переворота и гражданской войны. Это совпало со временем упадка русской дворянской культуры. Как мы покажем ниже, значительная часть архитектурного наследия была утрачена, и в следующие десятилетия превалировало негативное политическое и общественное отношение к сельским особнякам. Великолепие, с которым сегодня смотрятся некоторые из этих домов, в каком-то смысле обманчиво; в случае с Ирландией, например, они расцвели в годы так называемого Кельтского тигра и переоценки их места в национальном наследии. В случае с Россией Рэндольф, основываясь на рекомендации Мэндлера изучать наследие в долгие времена, уже рассуждал о продолжении «прекрасной жизни [поместий]» в советских условиях после 1917 г. Мы стараемся показать, что элементы дворянской *культурной идишлии* и в самом деле пережили дома, сгоревшие во время революций и гражданской войны. Соответственно физически дома в поместьях сохранялись отчасти для практических нужд, а отчасти по причине пересмотра интерпретации русской культуры в советское время.⁴

³ Randolph J. The Old Mansion: Revisiting the History of the Russian Country Estate // *Kritika* 1, 4 (2000). P. 729-749, здесь - P. 729-730.

⁴ Ibid. P. 347-349.

Ирландский случай: введение⁵

В июле 2003 г. тогдашний министр образования и науки Ноэль Демпси (Noel Dempsey) [Фианна Фойл] был счастлив сообщить присутствующим в замке Трим (Trim Castle), графство Мит (Meath): «Наследие исторических зданий в Ирландии – это основополагающая и ценнейшая часть нашей идентичности. Оно устанавливает исторические связи внутри и за пределами наших берегов и демонстрирует наше сильное чувство национальной идентичности внутри общего европейского и, конечно, более широкого глобального наследия»⁶.

Но фактически только на рубеже XXI века ирландские политики, в целом, примирились с идеей, что сельские особняки должны рассматриваться как часть ирландского национального наследия. Задача первой части этой статьи состоит в том, чтобы показать, как прежняя память и традиционные националистические перцепции вынужденно стерлись, прежде чем сельские дома Ирландии стали популярными туристическими центрами. В следующем разделе исследуется происхождение таких перцепций, рассматривается, как они негативно влияли на правительственную политику в вопросах сохранения сельских домов в период непосредственно после приобретения независимости и, наконец, анализируется стечение факторов, которые на протяжении нескольких последних десятилетий повлияли на то, что сельский дом в Ирландии воспринимается сегодня не столько как символ колониального угнетения, а больше как важный аспект ирландского материального наследия.

⁵ Большая часть того, что говорится в этой статье об Ирландии, обсуждалось в разделе «Национальное наследие и политические перцепции ирландского сельского дома в Ирландии после обретения независимости. В кн.: *Ireland's polemical past: views of Irish history in honour of R.V.Comerford* / Ed. by T. Dooley. Dublin, 2010. P. 192-212. Для более широкого рассмотрения причин упадка ирландского землевладельческого класса см.: Dooley T. *The decline of the Big House in Ireland: A study of Irish Landed Families 1860-1960*. Dublin, 2001; а также: *The Irish country house: its past, present and future* / Ed. by T. Dooley and Chr. Ridgway. Dublin, 2010.

⁶ www.education.ie (Дата обращения - 1 Nov. 2007).

В Ирландии причины упадка сельского особняка, или «большого дома» (big house, термин, который амбивалентно сочетал почтение и отчуждение) были главным образом связаны с социо-политическими и экономическими обстоятельствами жизни ирландских лендлордов после 1870-х гг., а именно сокращением поместий, падением доходов (сначала с ренты, а затем и по вложениям), ростом демократии. Это совпало с резкими подъемами масштабной борьбы за землю, начавшейся с конца 1870-х гг., Первой мировой войной 1914-1918 гг., ирландской революцией 1916-1923 гг., последовавшей затем мировой экономической депрессией, если не говорить о личных причинах семейных бед⁷. В центре этих кризисных обстоятельств присутствовал и другой феномен: в конце XIX века была заново «открыта» ирландская нация. Это сыграло важную роль в возникновении политического и общественного негодования против сельских особняков в независимой Ирландии⁸. В Европе аристократические дворцы, особняки, замки и виллы подвергались разрушению по политическим причинам в разные времена, но к XX веку сложилось понимание, что их надо рассматривать как «национальную, а не особую аристократическую собственность». По-другому дело обстояло в независимой Ирландии, где среди политиков (и у широкой публики) было очень распространено представление, что сельские дома были (прежде) бастионами враждебного господства, построенными, чтобы собирать непомерную феодальную ренту. Из этого представления вытекали все соответствующие последствия, угрожавшие их сохранению⁹.

Земельные войны и революция, 1879-1923 гг.

Главный тезис заключается в том, что в конце XIX в. для ирландских националистов деревенские особняки стали физическим олицетворением в их местностях землевладельческой системы, основанной на господстве лендлордов, которая отверга-

⁷ Dooley Chr. The Decline of the Big House.

⁸ Об открытии нации см. фундаментальную работу: Comerford R. V. Ireland. L., N.Y., 2003.

⁹ Mandler P. The Fall and Rise of the Stately Home. New Haven, L., 1997. P. 3.

лась по социальным, экономическим и политическим причинам. Так было не всегда. Например, принадлежавший к «Молодым ирландцам» Томас Дэвис (Davis) (1814-45), кажется, не испытывал трудностей, оценивая эстетические качества сельских особняков и их живописных окрестностей. Превознося естественные красоты долины Блэкуотер (Blackwater Valley), Дэвис писал: «На ней каждое сочетание элементов дает ощущение живописности; к скалам и зеленым склонам добавляются шедевры искусства, видимые в волшебных домах и прекрасных виллах с их декорированными лужайками и полями для игр»¹⁰. Даже в 1882 г. радикальный сепаратист и враг лендлордизма Джон Девой (Devoу) все еще восхвалял принадлежавший лорду Лейнстеру (Leinster) «красивый дом, называемый Картон (Carton), с прекрасными полями», и писал о Лисморе (Lismore): «С трудом можно проследовать это место, не восхитившись чудесной атмосферой комфорта, которая пропитывает тебя»¹¹.

Однако по мере усиления земельных войн также усиливалась жесткая антимлендлордская риторика, предвещавшая будущее сельских особняков. Эта риторика успешно создавала представление о том, что от лендлорда пошли социальные, экономические и политические проблемы Ирландии. Те, кто пользовался этой риторикой – в выступлениях или прессе – имели выраженное намерение отчуждать класс лендлордов от широкой национальной общности.

Периодические издания и растущая популярная литература изображала лендлордов как «территориальных монстров»¹² или как «лиц, проживающих в другом месте, кормившихся рентой, обезлюдивших страну... принимавших законы в иностранном парламенте для своих несчастных крепостных дома»¹³. Их обвиняли в «кельтском обезлюденье, в грабеже «кельтской родины», что отражало тот факт, что с 1840-х гг. «кельтская Ирландия» стала синонимичной «гэльской», предшествовавшей

¹⁰ Davis Th. Literary and Historical Essays (1846). P. 215. Quoted in: Comerford R. V. Ireland. P. 240.

¹¹ Devoу J. The Land of Eire. N.Y., 1882. P. 50, 102.

¹² Lavelle P. The Irish Landlord Since the Revolution. Dublin, 1870. P. 259.

¹³ Davitt M. The Fall of Feudalism in Ireland. N.Y., 1904. P. xvii.

колонизации¹⁴. Со времени Майкла Девитта (Davitt), основателя Земельной Лиги, опубликовавшего свою версию этой истории в «Падении феодализма» (1904), рост ирландского национализма и возникновение ирландского движения, начиная с 1880-х гг., свидетельствовали о переосмыслении ирландской нации как исключительно националистической, гэльской и католической, так что в коллективной идентичности места для лендлордов не оставалось¹⁵.

Важным моментом является то, что начиная с эры земельных войн, широко распространилось и укрепилось у националистов из всех слоев общества стереотипное восприятие ирландского лендлорда как иностранного угнетателя. Из этого вытекало представление, что сельский особняк не может рассматриваться как часть национального наследия. Вместо этого он воспринимался как дом для кучки, построенный и сохраненный за счет обнищания тех, кто проживал за стенами поместья. Так «Коннат Телеграф» (Connaught Telegraph) провозглашал в 1879 г.: «Наши магнаты пируют в роскоши, в других странах недоступной королям. Их дворцы, игровые поля повсюду, украшенные сады действительно великолепны, и только жалкие лачуги их арендаторов, изнывающих от полной нищеты – это единственное, что портит прекрасный вид, который открывается из дома-резиденции лорда»¹⁶.

Когда поколение земельной войны уступило революционному поколению пост-1916 года, оно передало по наследству возмущение, усилившее отчуждение к ирландским лендлордам. Ветераны ИРА позднее заявляли, что были воспитаны на рассказах об английском угнетении (которые скорее чаще, чем реже, ассоциировались с угнетением со стороны лендлордов). Известный лидер ИРА из графства Типперэри Дан Брин вспоминал о влиянии Чарли Уолша (Charlie Walshe) (из Кормак Бритнач, Cormac Breathnach, позднее лорд-мэр Дублина), который учил поколение революционеров, включавшее его самого, Динни

¹⁴ Lavelle P. Op. cit. P. 273; Davitt M. Op. cit. P. xii; Comerford R. V. Op. cit. P. 70.

¹⁵ Comerford R.V. Op. cit. P. 9.

¹⁶ Connaught Telegraph. 1879. 30 August.

Лейси (Dinny Lacey), Шона Триси (Sean Treacy) и Шона Хогана (Sean Hogan) «голым фактам об английском завоевании Ирландии и о способах, какими нашу страну удерживали связанной»¹⁷. Также и учитель Лиам Дизи (Liam Deasy) «постоянно прилагал усилия, чтобы избавить нас от раболепия и подхалимства, которого требовал класс землевладельцев-джентри. Вместо этого он старался взрастить чувство самоуважения и независимости»¹⁸. Том Бэрри рос с чувством возмущения к большим домам западного Корка, в которых «проживали видные британские лоялисты, в обилии и безопасности в своих огромных владениях, огороженных высокими стенами вокруг поместий»¹⁹.

В общем более трехсот поместий было сожжено после начала войны за независимость в 1920 г. и до конца гражданской войны в 1923 г.²⁰ Когда компания поджогов достигала разных пиков, имели место отдельные протесты, но они шли, главным образом, из ожидаемых источников, таких как редактор «Айриш Таймс», представители различных церковных организаций, собратья – владельцы сельских домов, отдельные националисты старой закалки из умирающей партии Гомруль²¹. После независимости правительственная политика, официальная и иная, не предполагала компенсации владельцам домов, пострадавших от потерь, или содействия их восстановлению²². В проекте обращения, с которым президент У. Т. Конгрейв (Congrave) должен был в марте 1923 г. выступить перед парламентом (Dail), отмечалось: «Фактически каждое заявление о финансовой поддержке

¹⁷ Breen D. My Flight For Irish Freedom. Dublin, 1981 (1st ed. 1924). P. 9.

¹⁸ Deasy L. Towards Ireland Free: the West Cork Brigade in the War of Independence. Cork, 1973. P. 2.

¹⁹ Barry T. Guerilla Days in Ireland. Dublin, 1981 (1st ed. 1949). P. 6.

²⁰ Это число подсчитано в: Dooley T. The Decline of the Big House in Ireland. P. 286-287. Тем не менее недавнее исследование, проведенное Джеймсом Донелли-младшим (Donnelly Jr) о домах, сожженных в Корке, основанное на большей группе источников, заставляет предположить, что необходима переоценка общих цифр по стране. См.: Donnelly J. Jr. Big House Burning in Country Cork during the Irish Revolution, 1920-21 // Eire-Ireland. 47, 3&4 (2012). P. 141-197.

²¹ Dooley T. The Decline of the Big House in Ireland. P. 192-195.

²² Ibid. P. 197-207.

экономических интересов сопровождается утверждением [люблистов], что правительство может найти миллионы, чтобы компенсировать класс, который никогда не давал нации выгоды и пользовался доходом от рент, земель и т.д.»²³ Дефиниция нации здесь явно не включает прежнюю властную группу.

Было много других наносящих ущерб последствий поджогов; многие ценные предметы сгорели в пламени. Финансовые трудности вели к тому, что ценности утекали из Ирландии со времени Акта о землеустройстве в Ирландии, чтобы после пересечения Атлантики украсить дома возвышавшихся plutocratic семейств, таких как Вандербильты, Морганы и Рокфеллеры. Никаких общественных протестов по этому поводу не было ни тогда, ни в течение почти следующего столетия.

Однако банды ИРА, грабившие сельские особняки во время смуты, не были «варварами» или «филистимлянами», какowymi Корнелия Адаир считала тех, кто напав на Гленвач (Glenveagh) в августе 1920 г., «испортили четыре картины маслом определенной ценности и разорвали групповую фотографию, на которой был изображен лорд Китченер»²⁴. Они знали, что для них представлял Китченер – иконическая фигура империи, с которой они сражались; что же для картин, они были таким же символом чуждой культуры, как и ее большой дом. Их историческая (или материальная ценность) не представляла значения для людей, которые ни в какой мере не разделяли культурных представлений Корнелии Адаир. Тем не менее, есть некая сильная ирония в том, что в десятилетия после независимости местные жители стекались на аукционы в больших домах и покупали то, что могло послужить воспоминаниям, тогда как настоящие ценности уходили за границу.

Нет большого смысла рассуждать, что бы произошло, если бы после Великой войны появился парламент Гомруля, но стоит заметить, что те, кто пришел к власти, не имел такого культурного опыта, как Парнелл (Parnell) или Редмонд (Redmond). Сепаратисты не имели времени на аристократиче-

²³ National Archive of Ireland. Dept. of Taoiseach files. S. 2188.

²⁴ Cornelia Adair to Mr Roberts, 2 August 1920 (публичная выставка в Glenveigh Castle).

ские украшения. С перспективы большого дома демократизация или новое изобретение нации в эру после земельных войн означали, что успешные правительства независимой Ирландии не могли испытывать сочувствия к системе отношений или политике прошлого времени. Значение имело не столько разрушение меньшей части больших домов (возможно, менее 10%) во время революционного периода, а то, что в последующие десятилетия, в гораздо большей пропорции, дома были заброшены или разрушились.

Отношение правительства в Ирландии после независимости

Одной из серьезнейших социальных проблем, с которой столкнулось первое независимое правительство, все еще было перераспределение земель. С 1923 по 1965 гг. через череду земельных актов сельские дома и окружающие их земли и поместья, в большинстве случаев, отошли к фермерам²⁵. Во время дебатов в парламенте (Dail), как правило, отмечалось, что разделение поместий – это исправление великой исторической несправедливости и естественное завершение земельных войн 1880-х гг.

Когда министр по землям Патрик Хоган (Hogan) (1891-1936) в 1923 г. представлял билль ирландскому парламенту (Dail Eigeann), депутат Дж. Берк (Bourke) из графства Типперэри гордо заявил: «Я верю, что это событие всего лишь подразумевает конец завоевания Ирландии. Потому что завоевание Ирландии было завоеванием ирландских земель, отнятием ирландских земель у ирландских владельцев, завоеванием ирландцев иностранцами, державшими владения от иностранного короля. В новом законе заметен видимый признак и символ победы гэлльцев над галлами, победы потомков людей кланов... Я верю, что эта мера представляет честную, и, насколько это возможно, успешную попытку покончить с пережитками аграрных проблем, одного из наихудших последствий британского негодного правления в Ирландии. Я верю, что когда всякая справедливость восторжествует, лендлордам воздастся. Я верю, что

²⁵ Более подробно см.: Dooley T. “The Land for the People”: the Land Question in Independent Ireland. Dublin, 2004.

арендаторы получают по справедливости. Я верю, что это делает честь правоспособности нации, и уже за это я рад поддержать его (акт)»²⁶.

В обществе, в котором перераспределение земли рассматривалось как ключ к финансовой безопасности, большой дом был единственным препятствием, которое требовалось устранить, при необходимости физически. Почти на столетие раньше Томас Дэвис сожалел о мародерстве в исторических местах в Ирландии XIX в.: «Все классы, вероучения и виды политики виновны в этом. Крестьянин уносит столб для своего хлева, фермер для ворот, священник для церкви или церковного участка». То же можно сказать и о сельских домах в XX веке, только фермер теперь использовал конструкции сельских особняков для своего хлева, и Комиссия по землям рекомендовала разрушать их, чтобы использовать материал для строительства хижин для работников. В 1944 г. министр по землям Шон Мойлан (Moylan) (от партии Фианна Фойл) информировал парламент: «Резиденции на землях, перешедших к Комиссии по землям, для раздела, которые непригодны для передачи их мелким арендаторам, могут быть разрушены для того, чтобы обеспечить материалом строительство маленьких домиков для мелких арендаторов, или могут продаваться на публичных аукционах»²⁷. Тремя годами раньше Мойлан при обращении к тому же парламенту выразил свою позицию гораздо более жестко: «В целом, подавляющая часть больших домов, которые я знаю, а я хорошо с этим знаком, небезупречно конструктивно, не имеют художественной ценности и не представляют исторического интереса. С моей неизменяемой точки зрения я бы сказал, что это надгробные памятники ушедшего владычества, и чем быстрее их не будет, тем лучше. Они бесполезны»²⁸.

В основе ответа Мойлана лежал тип культурного отчуждения, характерный для отношения националистов к сельским

²⁶ Dail Debates. Vol. 3. 28 May, 1923. P. 1164-1165.

²⁷ Dail Debates. Vol. 92. 23 February, 1944; www.oireachtas-debates.gov.ie/plweb/cgi/fastweb?stae_id=1227534811&view (Дата обращения - 24 Nov. 2008).

²⁸ Dail Debates. Vol. 93. 2 May, 1944. P. 1852.

домам на протяжении поколений. Сами бывшие владельцы осознавали, с чем они столкнулись. Л. П. Куртис - младший (L. P. Curtis Jr) назвал это «тяжелым выбором между наложенной на себя эмиграцией и проживанием рядом с новыми хозяевами»²⁹. Многие предпочли проживать постоянно в другом месте, другие приезжали только от случая к случаю, ибо, как Эндрю Девоншир (Devonshire) из Лисмор Каствл (Lismore Castle), чувствовали, что их отделили от нации: «Даже проживая там (в Лисморе) в течение некоторого времени каждый год на протяжении пятидесяти лет и считая многих ирландцев друзьями, я не чувствую себя частью ирландского сообщества. Правда в том, что любой англичанин, даже если его семья владела в Ирландии собственностью веками, воспринимается как англичанин... Но для меня республика – это скорее любовница, которую посещают, чем жена, с которой живут».³⁰

Сельские дома как часть ирландского наследия

Архитектурное наследие, в сущности, может интерпретироваться как «материальное наследие прошлого, принадлежащее гражданам в настоящее время, благодаря своему важному вкладу в национальную историю»³¹. Наследие может и включать, и исключать, и в первые годы независимости культурные артефакты прежней власти не считались приемлемой частью «нарратива о достижениях нации»³². Таким образом, на протяжении десятилетий широко сохранялось восприятие архитектурного величия XVIII и начала XIX вв. как символа доминирующей элиты – лендлордов – воздвигнутого за счет обнищания

²⁹ Curtis L. P. Jr. The Last Gasp of Southern Unionism: Lord Ashtown of Woodlawn // Eire-Ireland. 2005. Vol. 40. N 3&4. P. 140.

³⁰ Devonshire A. Accidents of Fortune. Norwich. 2004. P. 108-109.

³¹ Mandler. The Fall and Rise of Stately Home. P. 7.

³² Comerford. Op. cit. P. 46, 249. Конечно, следует помнить, что и в Британии отношение мало чем отличалось: «На сельские особняки слишком легко нападают – в них видят основу для воспитания и воодушевления паразитического общества, существующего за счет эксплуатации рабочего класса, образ жизни для удовольствия, достигаемый за счет труда других» (Teggin H. Domus Britannicus: What Future for the Country House? // The Architect's Journal. 1979. 24 Jan. P. 166.

ирландского народа. Исторические ассоциации превзошли архитектурное значение.

Типичным примером полной апатии к сохранению сельских домов является случай с Макрос Хаус (Muckross House) в Киларни (Killarney), переданном в дар государству в 1932 г. Тогдашний президент Исполнительного комитета приветствовал Борн Винцентов (Bourn Vincents) «за великую щедрость и прекрасный пример общественного духа, который они продемонстрировали», а У. Т. Косгрейв рассматривал их поступок как «замечательный, очень щедрый и ценный дар»³³. Но правительства одно за другим ничего не делали с этим домом (только освободили его от многих предметов, чтобы обставить президентскую резиденцию Áras an Uachtaráin в Дублине). Наконец, в какой-то момент, в 1950-х гг. в «Айриш Таймс» появился печальный доклад: «Макросс Хаус остается молчаливым и одиноким стражем на побережье озера Среднего. Поскольку правительства не решили, как его использовать, кажется, что вскоре он неизбежно разрушится»³⁴. Только в 1964 г. дом был открыт для публики; сегодня это одна из главных туристических достопримечательностей в юго-западной Ирландии.

В первые десятилетия независимости правительства просто не формулировали какой-то политики по отношению к домам, ставшим государственной собственностью. До введения законов о правильном планировании работы во многих принадлежавших государству домах велись почти без учета требований консервации. Структура строений значительно пострадала, когда их превращали из резиденций в исследовательские центры (Джонстаун Каствл, графство Уэксфорд), (Johnstown Castle, County Wexford), сельскохозяйственные колледжи (Бэллхейз, графство Кэйвэн) (Ballyhaise, County Cavan), тюрьмы (Шелтон Эбби, графство Уиклоу), (Shelton Abbey, County Wicklow) и так далее³⁵.

³³ Dail Debates. Vol. 45. 7 December. 1932. P. 947-948.

³⁴ Irish Times. 1954. 29 June.

³⁵ См.: Dooley T. A Future for Irish Historical Houses: A Study of Fifty Houses. Dublin, 2003. P. 23.

В отличие от ландшафтов большие дома не воспринимались как часть национального наследия – тогда как в Британии стало возможным «распространение идеи о том, что аристократическая собственность каким-то магическим и неуловимым образом становится и собственностью народа»³⁶. Таким образом, правительство очень медленно ступало на путь заботы и траты средств на их сохранение. Такая ситуация сохранялась приблизительно до 1970-х гг., когда туристическая индустрия осознает потенциал сельских домов, но даже тогда это коснулось тех зданий (Макросс, Киларни Хаус, Гленвах в Донегале) (Glenveagh in Donegal), вокруг которых были привлекательные сады и большие парки. После принятия Акта о национальных монументах в 1929 г.³⁷, который, в общем-то, провозглашал, что руины предпочтительнее нетронутых зданий, Тимоти Шихи (Timothy Sheehy) из Западного Корка акцентировал важность сохранения того, что осталось от замка О'Салливан Бира (O'Sullivan Beare) в Каствлхавене (Castlehaven): «Это был замок, из которого О'Салливан Бир после последнего великого сражения за ирландскую свободу отплыл в Испанию. Сейчас от него остались только руины, но они священны для страны; этот билль, внесенный правительством, позволит их сохранить; они будут стоять монументом, напоминаям молодому поколению о том, что делалось в старые добрые времена, чтобы спасти нашу независимость и победить»³⁸.

Он благодарил Бога за то, что «нация теперь в наших собственных руках» и что «памятники героизма наших предков» будут сохранены. «Наши руки» очевидным образом исключали бывший правящий землевладельческий класс, а под «нашими предками» подразумевались представители старого гэльского правящего класса, такие как О'Салливан Бир, после поражения гэльских вождей при Кинсейле (Kinsale) в 1601 г. совершивший

³⁶ См.: Colley L. Britons: Forging the Nation, 1707-1837. New Haven, L., 1992. P. 174-177.

³⁷ An Act to make provision for the protection and preservation of national monuments..., no. 2/1930 [26 February, 1930].

³⁸ Dail Debates. Vol. 32. 24 October, 1929. P. 251.

героический поход с тысячью своих сторонников из Корка в Лейтрим (Leitrim).

Господствующее отношение к сохранению сельских домов, конечно, может быть понято в контексте политической атмосферы, которая продолжала оставаться остро напряженной. Настроение ума и идеология тех, кто находился у власти, по-прежнему в большой мере диктовались эмоциональными воспоминаниями о земельных войнах и британском угнетении, выдвигавшимися на первый план тем или иным депутатом почти всякий раз, когда в центре дебатов оказывались вопросы, связанные с землей или установлением Ирландской республики. Также немаловажно, что в течение десятилетий после завоевания независимости правительство в финансовых вопросах носило смиренную рубашку. Оно не могло тратить на сохранение сельских домов тогда, когда надо было решать другие социальные проблемы. Когда во время дебатов по земельному вопросу в 1948 г. независимый депутат от Лонгфорд-Вестмита (Longford-Westmeath) Чарльз Фейган (Fagan) допустил редкое в парламенте высказывание, что «кричащий позор последних 15 или 20 лет состоит в том, чтобы видеть, как разрушаются особняки и большие дома», он был прерван представителем юго-центральной части Дублина Коном Леханом (Con Lehane): «Нам нужны не особняки, а дома для народа»³⁹.

Социальный приоритет совершенно явно артикулировался в 1970 г. в палатах парламента Кевинем Боландом (Boland), тогда министром местного управления от партии Фианна Фойл⁴⁰. Эту речь часто цитировали как атаку на Ирландское Георгианское общество и его сторонников, и ее лучше всего понять в контексте того времени. Боланд заявлял: «Желатель-

³⁹ Dail Debates. Vol. 111. 3 June. 1948. P. 400.

⁴⁰ Надо понимать, что Боланд был одним из самых крайних националистов в партии Шинн Фейн (Sinn Féin). Его отец, Геральд, был одним из основателей партии, а дядя, Гарри, видная революционная фигура, был убит в гражданской войне. Позднее в 1970 г. Кевин Боланд ушел в отставку в знак солидарности с Нейлом Блени (Neil Blaney) и Чарлзом Хохи (Charles Haughey) в связи с их исключением из правительства за предполагаемую вовлеченность в снабжение временной ИРА оружием.

но сохранить, насколько это возможно, георгианский район моего родного города»⁴¹. Я также согласен с тем, что и за пределами Дублина много примеров георгианской архитектуры, которая, если это возможно, достойна сохранения; я также откровенно признаю, что это часть нашего национального наследия, но только лишь часть»⁴². Это было явно сказано для видимости, в самом деле Боланд был раздражен тем, что «фиглярство» кучки эстетов и студентов вызвало медиа-налет за сохранение георгианского Дублина. Он воспринимал эту группу как меньшинство и заявлял в парламенте от имени предполагаемого большинства: «Я думаю, что внушительные фасады георгианских домов, широкие лестницы, прекрасная лепнина, каминные, сделанные Робертом Адамом, и так далее вполне достойны сохранения, но я думаю, что не вредно напомнить людям, для которых все это фетиш, и которые томятся от безделья после дня роскошной жизни, что каждый пример, ими обозначенный, так же имеет темный и мрачный подвал и грязную лачугу на задней аллее»⁴³. Он ясно утверждал, что социальная забота перевешивает сохранение (зданий): «Я ничуть не извиняюсь, говоря: физические нужды народа имеют приоритет перед эстетическими потребностями лорда и леди Гиннесс (Guinness) и депутатов доктора Фитцджеральда (FitzGerald), доктора Брауна (Browne) и Десмонда (Desmond) и других депутатов и докторов, которые у нас есть. Я ничуть не извиняюсь, говоря: пока я министр местного управления и пока потребности людей в жилье, воде и канализации остаются неудовлетворенными, ни один пенни, переданный в мое министерство, не будет израсходован на сохранение (зданий), сколь бы желательным это ни было»⁴⁴.

Последующие годы характеризовались растущей инфляцией, нехваткой энергии и недостатком уверенности в экономическом развитии. Общественное финансирование было ограни-

⁴¹ Георгианская архитектура (англ. Georgian architecture) - широко распространенное в англоязычных странах обозначение архитектуры, характерной для XVIII в.

⁴² Dail Debates. Vol. 245. 11 March. 1970. P. 167.

⁴³ Ibid. P. 168-169.

⁴⁴ Ibid. P. 168.

чено продолжавшейся рецессией, поэтому правительство уделяло мало внимания лобби, добивавшемуся сохранения особняков. Сельские дома разрушались, так как налоговые правила делали более выгодным разваливать их (по крайней мере, сносить с них крыши), чем платить непомерно высокие местные сборы. К началу 1970-х гг. сотни больших домов в Ирландии исчезли: Туденхэм (Tudenhams) в Вестмите (Westmeath), Дартри (Dartrey) в Монагеме (Monaghan), Дунсэндль (Dunsandle) в Голуэй (Galway), Френчпарк (Frenchpark) в Роскоммоне (Roscommon), Дромор (Dromore) в Лимерике, если назвать только некоторые⁴⁵. В 1970-е гг. Малахайд (Malahide) с имуществом был предложен государству семьей Тэлбот де Малахайд (Talbot de Malahide) в обмен на долги по налогам, но по указанию министра финансов Ричи Райана (Richie Ryan) дом и движимое имущество были выставлены на аукцион. Райан и правительство не были озабочены им как национальным владением и достоянием, сохранившимся со средневековья, а хотели путем распродажи имущества получить средства для образования, социальной помощи и т.д. В такой ситуации трудно возлагать на собственников ответственность за неспособность лоббировать в правительстве защиту своих домов.

Представления в Ирландии меняются

Итак, когда все изменилось? Как Ирландия пришла к тому, что в 2003 г. премьер-министр Берти Ахерн (Bertie Ahern) провозгласил: «Большой Дом занимает особое место в истории ирландской архитектуры. Когда-то не рассматривавшиеся как часть нашего национального наследия, эти удивительные здания XVIII и XIX вв., построенные ирландскими строителями, сегодня все больше ценятся за их архитектурное значение и за богатое великолепие внутреннего убранства, созданного ирландскими ремесленниками. Сохранение этой важной части материального наследия Ирландии – важнейшая забота правительства?»⁴⁶

⁴⁵ Более полный, но отнюдь не исчерпывающий список см.: The Knight of Glin, Griffin D.J., Robinson N.K. Vanishing Country Houses of Ireland. P. 2.

⁴⁶ Ahern B. Foreword // Dooley T. A Future for Irish Historic Houses. P. 2.

Ключ к пониманию изменений в политическом (и общественном) отношении в большой степени лежит в использовании Ахерном слова «ирландский» в вышеприведенной цитате; он подчеркивал, что они были построены «ирландскими строителями», украшены «ирландскими ремесленниками», занимают «особое место в истории ирландской архитектуры». Меньше чем за полвека до того, как защитники домов впервые осознали, что может служить ключом, открывающим политические убеждения (и правительственные сундуки), большому дому предстояло быть переосмысленным в качестве части национального достояния. В 1957 г., когда Десмонд Гиннес в письме в «Айриш Таймс» предложил восстановить Ирландское Георгианское общество, он утверждал, что задача новой организации, среди прочих, заключалась в том, чтобы «пробудить интерес к наследию георгианской архитектуры в Ирландии»⁴⁷. Чтобы вызвать изменения, надо было сформулировать аргумент (а в отношении ряда частных домов его изобрести), что сельские дома в той же степени результат ирландского влияния, что и английского.

Это создавало трудности и внутри, и вне сельского дома. Внутри (т.е. у владельцев особняков) сохранялось предпочтение ко всему английскому. Многие не сумели, а другие сознательно избегали интеграции в ирландское общество, несмотря на попытки таких, как Элизабет Боуэн (Bowen) убеждать их в том, что «у барьера две стороны»⁴⁸. Для большинства из них Британия оставалась духовным домом, а в практическом смысле местом, где в привилегированных частных учебных заведениях (public schools) обучали сыновей и откуда начинались их карьерные амбиции.

Вне дома идея, будто сельский дом должен считаться частью национального достояния, никогда не продавалась легко. Единственное, что могли выдвигать в поддержку своей позиции сторонники этой идеологии – то, что 1960-е гг. принесли и другие изменения в Ирландию. Это было время относительного

⁴⁷ См.: O'Byrne R. The Irish Georgian Society: A Celebration. Dublin, 2008.

⁴⁸ Bowen E. "The Big House" // Lee H. (ed.). The Mulberry Tree: Writing of Elizabeth Bowen. L., 1986. P. 30.

экономического процветания и растущего оптимизма. Ирландия все больше становилась городской страной и все меньше мучилась земельным вопросом (последний важный земельный акт был принят в 1965 г.) Общество становилось менее религиозным. Это началось с того, что католическая церковь теряла влияние на культуру общества; в период республики религия и национальность более не были синонимами. Как разъяснял Винсент Комерфорд, «в расчет надо принимать и большую мягкость в политико-историческом отношении к прежней власти»⁴⁹. Улучшения в образовании и особенно введение всеобщего бесплатного начального и среднего образования в 1967 г. привели к постепенному расширению поддержки со стороны лучше образованной аудитории. Хотя Кевин Боланд произнес свою речь в 1970 г., поток начал медленно менять направление.

Ирландия вступила в Европейское Экономическое Сообщество через три года после речи Боланда. Это имело решающее значение, потому что теперь сельские дома страны следовало рассматривать в гораздо более широком европейском контексте. Отныне можно было сказать, что Ирландия, в противовес Британии, «принадлежит» к Европе, и эта новая связь не была оскверненной исторически. Более того, и в общей, и в частной перспективе европейские деньги были слишком важны, чтобы игнорировать международные хартии и соглашения, направленные на информирование, определение правительственной политики и законодательство по вопросам сохранения архитектурного наследия⁵⁰. В некоторых случаях Ирландия затягивала подписание таких хартий (почти на двадцать лет в случае с документом ЮНЕСКО «Конвенция о защите мирового культурного и национального наследия»; в 1976 г. Ирландия была единственным членом ЕЭС, у которого отсутствовал официальный

⁴⁹ Comerford V. Op. cit. P. 118, 249.

⁵⁰ DoEHLG (Department on Environment, Heritage and Local Government). Architectural Heritage Protection: guidelines for planning authorities. Dublin, 2004. P. 14.

национальный реестр зданий)⁵¹. Однако к 1991 г. правительство постепенно приняло идею, что «каждая государственная партия соглашается признать: обязанность по обеспечению идентификации, защиты, консервации, сохранения и передачи этого наследия будущим поколениям лежит, главным образом, на государстве»⁵².

Тем временем ирландское правительство в ответ на возрастающее давление со стороны защитников исторического наследия действительно осуществило разные меры, которые давали владельцам сельских домов передышку. Через центральные и местные власти, правительственные учреждения, такие как Bord Failte (Ирландское управление для развития туризма), что иллюстрирует: новый взгляд предполагал признание ценности сельских домов для развития туризма, доступными стали гранты. В то же время фонды для офиса общественных работ (Office of Public Works) на консервацию старинных зданий, имеющих историческую и архитектурную ценность, выросли с 580 000 ф.ст. в 1973-74 гг. до 1,7 миллиона ф.ст. в 1976 г.⁵³

Но одновременно с увеличением поддержки росло число домов, требовавших помощи. В феврале 1974 г. ставки душевого налога, введенного под предлогом перераспределения богатств, тяжело ударили по историческим домам, имуществу в них и садам. К 1977 г. по меньшей мере пятнадцать домов были выставлены на продажу или брошены, а 1976 г. стал «годом, когда художественные коллекции больших домов вынужденно выставлялись на аукцион»⁵⁴. Отвечая на этот кризис, Ирландский национальный фонд (The National Trust for Ireland) «An Taisce» опубликовал в 1977 г. под редакцией Эдварда Мак Парланда и

⁵¹ Knight of Glin et al. Vanishing Country Houses. P. 8. В том же году учреждение Э. Мак Парландом и Н. Робинсоном Ирландского Архитектурного Архива помогло восполнить этот пробел.

⁵² DoEHLG. Architectural heritage protection. P. 14.

⁵³ Heritage at Risk: A Digest of An Taisce's Report on the Future of Historical Houses, Gardens and Collections in the Republic of Ireland / Ed. by E. McParland and N. Robinson. Dublin. 1977, P. 30.

⁵⁴ Gabrielle Williams to editor in "Irish Times", 8 January, 1977. Цит. по: McParland E., Robinson N. Op. cit. P. 16.

Николаса Робинсона доклад «Наследие в опасности» (Heritage at Risk), в котором подчеркивал, что «архитектурное наследие, представленное сохранившимися в стране сельскими домами, имеет не только национальное, но и европейское значение». В докладе большие дома приветствовались как «творения ирландских и других архитекторов огромного художественного значения»⁵⁵.

Последующие правительства отреагировали на некоторые рекомендации доклада «Наследие в опасности» налоговыми уступками в бюджете 1978 г. и позднее в разделе 19 Закона о финансах 1982 г. (в дальнейшем раздел 482 Закона о консолидированном налогообложении 1997 г.), которые позволяли собственникам компенсировать стоимость восстановления исторических зданий и получить налоговые льготы при условии, если публика на разумных основаниях имеет доступ в них⁵⁶. К 2005 г. двести собственников (не только сельских домов) извлекали выгоду из раздела 482⁵⁷. Последовали другие доклады и влиятельные публикации, и все они выдвигали на первый план необходимость защитить будущее сельских домов, в особенности находящихся в собственности семей потомков первоначальных владельцев, обладающих сохранившимися важными коллекциями.

В 1987 г. премьер-министром д-ром Гарретом Фитцджеральдом (Garret FitzGerald) (от партии Фине Гэл), был основан Совещательный Комитет по наследию «для выработки рекомендаций правительству по сохранению архитектурного наследия Ирландии и осуществлению расходов по сохранению и ремонту исторических зданий, находящихся во владении частных лиц, из средств Национальной лотереи»⁵⁸. Его преемник Чарльз Хоги (Hougey) (от партии Фианна Фойл) основал Национальный Со-

⁵⁵ McParland E., Robinson N. Op. cit. P. 9.

⁵⁶ Здесь нельзя игнорировать того, что происходило в Англии: См. чрезвычайно важный доклад Джона Корнфорта “Country Houses in Britain: Can They Survive” (1974), а также его же: The Country Houses of England 1948-1998. L., 1998. P. 6.

⁵⁷ Irish Independent. 2006. 22 March.

⁵⁸ Knight of Glin et al. Vanishing Country Houses. P. 7.

вет по наследию с более широкими функциями, включавшими археологию, сады, ландшафт и дикую природу как исторические приоритеты. Внимание правительства к архитектурному наследию за последние пятнадцать лет существенно возросло, но еще оставалось не до конца определенным: лоббисты полагали, что сменявшиеся правительства в течение этого периода «были внимательны, но действовали не всегда одобряюще»⁵⁹. Это было вполне понятно при дефиците в расходах. 1980-е будут вспоминаться и по иным причинам, чем неясность правительственной политики по защите строительного наследия.

В 1988 г. вслед за выставкой «Разрушение сельских домов 1875-1975», проведенной в Лондоне десятью годами ранее, в Дублине была организована выставка, сопровождавшаяся выходом в том же году публикации «Исчезновение сельских домов в Ирландии» (под ред. кавалера Глина, Николаса Робинсона и Дэвида Гриффина). Стоит заметить, что в Ирландии вместо термина «разрушение» использовался термин «исчезновение», возможно, из-за того, что он более политически нейтрален⁶⁰. Высказывалось мнение, что в Ирландии происходит прогресс по той же линии, что и в Англии, где «более широкие, свежие и менее метрополистские основания легли в основу дела сельских домов»⁶¹.

Эти доклады и публикации имели одно общее: все они ссылались на то, что продолжающееся разрушение сельских домов ведет к «потерям национального наследия». Комитет «Ирландская историческая собственность» (The Irish Historic Properties Committee) ставил цель защитить «то небольшое, что осталось от великого национального наследия архитектуры, садов и коллекций», и настаивал в 1985 г., что «мы как нация должны действовать немедленно»⁶². Официальный путеводитель Ассоциации Ирландских туристических домов и садов (The Historic Irish

⁵⁹ Ibid. P. VI.

⁶⁰ Благодарю Кристофера Риджвея (Ridgway) за то, что он поделился мыслями по этому вопросу.

⁶¹ Mandler. Op. cit. P. 406.

⁶² Report of the Irish Historic Properties Committee: Safeguarding Heritage Houses (1985). P. 3, 5.

Tourists Houses and Gardens Association) заявлял, что она «служит национальным целям, помогая обеспечить доступ к живой истории»⁶³. Как и другие организации и авторы докладов, она осторожно не упоминала о колониальном прошлом. Вместо этого Ассоциация утверждала: ирландские дома дают уникальный доступ к истории Ирландии. Такие дома, как Клоналис (Clonalis), продвигались как «дома потомков последних королей Ирландии, О'Конор Дона (O'Conor Don), ирландских рукописей и книг, восходящих к XIII в. Лиссадел (Lissadell) рекламировался как дом ирландских революционеров графини Маркевич (Markievicz) и Евы Гор Бут (Eva Gore Booth)⁶⁴. В 1988 г. кавалер Глин выхолостил колониальное прошлое, когда писал в «Исчезновении сельских домов в Ирландии»: «Даже если рассматривать высший класс как иностранцев, ремесленники и строители были ирландцами. Наивному представлению, что эти дома - в основном памятники ушедшему колониализму, надо сопротивляться, фактически это дома сокровищ ирландских умений»⁶⁵. В 1992 г. в докладе Совета по национальному наследию говорилось, что многие мастера и архитекторы, которые строили дома в Ирландии, были иностранцами, но «их умения скоро перешли к ирландским ремесленникам, добавившим ирландское измерение, еще больше обогатившее наше наследие»⁶⁶.

Так к концу 1980-х гг. переосмысление значения сельских домов в Ирландии шло полным ходом, и их владельцы почувствовали оптимизм, что «политическое отношение к собственникам исторического наследия изменилось и, по крайней мере, есть желание принять во внимание их проблемы»⁶⁷. К весне 1991 г. один из самых влиятельных собственников Десмонд

⁶³ НТНА. Castles, Houses and Gardens of Ireland open to the Public (n.d.) P. 1.

⁶⁴ Ibid. P. 2, 78.

⁶⁵ Knight of Glin et al. Vanishing Country Houses. P. 28.

⁶⁶ National Heritage Council. Report of Sub Committee (Heritage Properties) on Legislative Provisions Designed to Assist the Maintenance and Succession to Heritage Properties. Dublin, 1992. P. 3.

⁶⁷ Susan Kellet to Lord Henry Mount Charles, 7 November 1991 (in private possession).

Фитцджеральд, кавалер Глин, был ободрен тем, что премьер-министр Чарльз Хоги «озаботился будущим наследия, находящегося в частной собственности, и предложил Комитету по национальному наследию начать диалог для обсуждения проблемы собственности в историческом наследии, налогов, проявив особый интерес к тем домам, которые остаются у семей прежних владельцев, и сохранившимся в них предметам»⁶⁸. Его дом, Глин Каствл (Glin Castle) в Лимерике, был одним из очень немногих сельских домов, оставшихся во владении потомков первых владельцев, в то время, когда в Британии звучали увещания, что «с точки зрения национальной политики самым эффективным с точки зрения экономии способом сохранения исторических домов, их окрестностей и сохранившегося в них имущества в нетронутым виде является поощрение семей к тому, чтобы дома оставались под их опекой и в их владении»⁶⁹.

Четверть века спустя после присоединения к Европе и подписания различных хартий и манифестов для политиков было важно представить ирландское правительство не просто как поборника ирландского, но также и европейского наследия. В 2003 г., ровно через 80 лет после окончания гражданской войны в Ирландии, кульминацией лоббизма стало решение правительства страны создать Ирландский фонд наследия (Irish Heritage Trust), благотворительную организацию для заботы об исторической собственности, домах и садах по всей Ирландии. Это решение вытекало из рекомендаций, содержащихся в докладе совместной комиссии правительства и Ирландского Георгианского общества, опубликованного в 2003 г.⁷⁰ Это стало возможным, потому что имело место совмещение ряда факторов, в том числе переосмысление роли сельского дома; растущая урбанизация и одновременное смягчение аграрной проблемы; подкрепляющее лоббирование со стороны различных заинтересованных структур; рост общественного признания и оценок архитектурного

⁶⁸ Desmond FitzGerald to Susan Kellet, 13 April 1991 (in private possession).

⁶⁹ Nicholas Prins to Lord Killanin (председатель Комитета по национальному наследию), 9 January 1991 (in private possession).

⁷⁰ Doodley T. A Future for Irish Historic Houses? Dublin, 2003.

наследия вследствие успехов в образовании; и, в частности, создание Центра по изучению исторических домов и поместий Ирландии в Национальном университете Ирландии Мэйнут (Maynooth) в 2004 г. Тогда это было единственное частно-государственное предприятие в Ирландии и Соединенном королевстве, созданное при поддержке Департамента общественных работ. Кроме этого, драматический рост числа публикаций, пробивавших брешь в академическом и общественном мнении; попытки многих образованных чиновников в Департаменте общественных работ и Департаменте защиты среды, наследия и местного управления, которые направляли правительственную политику и разрабатывали соответствующее законодательство – имели решающее значение для защиты сохранившихся домов ⁷¹. Наконец, добавим к этому воздействие экономики Кельтского тигра (Celtic Tiger), сделавшей модным делом для новой богатой элиты покупку и реставрацию сельских домов с тем, чтобы придать им первоначальное величие. Так были спасены Эбби Лиисе (Abbey Leix) в Лиисе (Laois), Стэкален (Stackallen) в Мите, Кастл хайд (Castle Hyde) в Корке, Кастлтаун Кокс (Castle Town Cox) в графстве Килкени (Kilkenny). Другие выиграли, став гостевыми домами или частью иных коммерческих предприятий, особо отметим с чувством восстановленный Картон Хаус (Carton House) в Килдаре (Kildare) ⁷². Одним из интересных и важных частных приобретений был Строкстаун (Strokestown Park House) в Роскоммоне (Roscommon). В 1979 г. местный бизнесмен Джим Кэллэри (Callery) купил его с намерением разрушить и расширить свой гаражный бизнес, но обнаружение в доме архива *in situ* изменило его планы ⁷³. Сегодня роль дома иная: в нем раз-

⁷¹ Особенно важными были: Закон об архитектурном наследии и исторических памятниках 1999 г.; Закон о планировании и развитии 2000 г.

⁷² См о Картоне: Ridgway Chr. Country Life. 18 February. 2009; Lumley Parklands and Gardens // An Taisce. 2007. Summer; Howley J. Carton: From ducal mansion to country house hotel // Irish Arts Review. 2007. Spring; о приспособленных зданиях: www.hidden-ireland.com; а также: Bord Failte. Tourism Development Plan. 1976-80.

⁷³ Выступление Джима Гэллэри на второй ежегодной конференции по историческим домам Ирландии, NUI Maynooth, 11 September 2004.

местились Музей истории великого национального голода 1845-51 гг. и экспозиция по истории большого дома.

Если в прошлом дома, которые перешли во владение государства, такие как Макросс, в течение десятилетий не использовались, или перестраивались для других нужд, таких как колледжи, школы, тюрьмы и т.д., с 1990-х гг. началось восстановление сельских домов для получения доходов государством и удовольствия публики. Два наиболее знаменательных примера из 1990-х гг. и начала XXI века – это Фармлех (Farmleigh) и Кастлтаун (Castletown). На восстановление обоих Департаментом общественных работ (OPW) были затрачены огромные (даже небесспорные) суммы. В то время как в 2005 г. правительство предоставило 10,6 миллиона евро в виде грантов и других форм поддержки частным лицам и еще 32 миллиона OPW израсходовал на исторические достопримечательности, находящиеся под его защитой, государство оказалось просто не в состоянии выкупить другие важные дома, появившиеся на рынке. Тем более в 2003 г. продажа Лиссадела (Lissadel) в графстве Слиго (Sligo) в частные руки произошла на фоне широких призывов к государству со стороны общественности выкупить его.

3 июля 2006 г. министр по делам окружающей среды, наследия и местного управления, находясь в Расборо Хаусе (Russborough House), графство Уиклоу (Wicklow), официально объявил Ирландский фонд по наследию (Irish Heritage Trust) ограниченной компанией с благотворительными целями, управляемой независимым советом и получающей государственную поддержку в первые годы. В декабре 2007 г. Фонд приступил к охране своей первой собственности Фота Хаус (Fota House) графстве Корк. Остаются серьезные вопросы о двоякой политике партии Фианна Фойл в области сохранения памятников. С одной стороны, правительство хвалили за его возмраставшую щедрость (в законодательном и финансовом смысле), с другой, высмеивали за провал в ограничении опасных тенденций ⁷⁴. В экономическом климате сегодняшнего дня Фонд столкнется со многими вызовами, однако можно предположить, что не про-

⁷⁴ McDonald F. Taoiseach's Espousal of the Big House Is at Odds with Government Record // Irish Times. 2005. 5 December.

изойдет отказа считать сельский особняк в Ирландии частью национального достояния, даже если приять во внимание тот факт, что нация – что-то вроде хамелеона.

*Россия*⁷⁵

На первый взгляд, есть удивительные параллели между историями англо-ирландского и российского дворянства и в судьбе культуры «большого дома» в конце XIX – XX в. Можно утверждать, что в обоих случаях в начале XIX в. наблюдался расцвет культуры усадьбы в русском случае и его продолжение в ирландском, в основном, за счет политической, социальной и экономической деградации низшего класса – крестьянства. В России и Ирландии дворянство и крестьянство были резко разделены в социальном отношении, даже если они были тесно связаны жизнью в поместье. Политический и экономический статус русского *мужика* как крепостного был даже ниже, чем у ирландского арендатора. Тем не менее, за исключением периферии Российской империи дворянство и крестьянство не были разделены религией. На многих отрезках границы империи не русское по происхождению дворянство ассимилировалось к православии и русской культуре, тогда как крестьянство сохраняло во многих отношениях местную культуру⁷⁶. Так или иначе, разрыв между вестернизированным дворянством, с одной стороны, и традиционным миром крестьянства, с другой, по крайней мере, сравним с протестантским джентри и его арендаторами-католиками в Ирландии. Как и большинство националистически настроенных ирландских арендаторов, крепостные в Российской империи смотрели на дворян как на иностранных самозванцев, захвативших однажды землю у их предков. Они надеялись, что

⁷⁵ Некоторые идеи, изложенные в этом разделе, взяты из: Noack Chr. Imperiale Geschichte und nationales Erbe. Zur Aneignung von Adelsitzen und Adelskultur in Russland und Irland // G. Hausmann und A. Rustemeyer (eds). Wege zum Imperienvergleich. Ansätze und Beispiele aus osteuropäischer Perspektive. Festschrift für Professor Andreas Kappeler zum 65 Geburtstag. Berlin, 2009. P. 339-362.

⁷⁶ Это, однако, не относится к балтийским провинциям и прежним польским землям.

добрый и справедливый царь когда-нибудь восстановит их права⁷⁷.

Сельский дом (или, по-русски, усадьба⁷⁸) сильно отличался в размерах в зависимости от финансовых возможностей отдельного владельца. Как и в Ирландии, он был центром экономической и социальной жизни дворянина. Во второй половине XVIII в. магнаты, начиная с представителей княжеских фамилий или фаворитов царей и цариц, копировали дворцы императоров. Они выстраивали в поместьях огромные дома в классическом стиле или стиле нео-барокко с большими боковыми фасадами, богато украшенными впечатляющими интерьерами, особенно лестницами, устраивали парки с великолепными дорожками, спроектированные для охоты, и часто имели собственные церкви. Поскольку усадебный дом был центром поместья, амбары, конюшни и другие отдельные здания для слуг и сельскохозяйственных нужд закрывались им. Многие владельцы меньших по размерам поместий имитировали роскошный стиль жизни патриархальных магнатов. Хотя их дома были намного меньше, часто одно и двухэтажные деревянные строения, они имитировали ансамбли магнатов в более скромном виде. Интерьер домов и окружающих парков предназначался, чтобы в качестве хозяев встречать приезжающих с визитом соседей-дворян и впечатлять их великолепием и вкусом. В первой половине XIX в. усадьба стала символом дворянской роскоши. Возможно, в большей степени, чем в Ирландии, даже в самых непритязательных владениях, везде были слуги-крестьяне⁷⁹. Была ли усадьба самопровозглашенным островком западной культуры в море крестьянского

⁷⁷ Goehrke C. Russischer Alltag. V. II. Auf dem Weg in die Moderne. Zurich. 2003. P. 255-257. О крепостной зависимости: Moon D. The Russian Peasantry 1600-1930. The World the Peasants Made. Harlow, 1999. P. 66-117.

⁷⁸ Об истории этого термина см.: Randolph. Old Mansion. P. 732; Pushkareva I. M. The Rural Noble Country House in Postreform Russia // Russian Studies in History. 2003. Vol. 42. N 1. P. 52-86.

⁷⁹ Field D. The End of Serfdom. Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855-1861. Cambridge (Mass.), 1976. P. 8-35; Goehrke. Op. cit. P. 41-44, 116-117, 120-121, 130; Roosevelt Pr. Op. cit. Passim.

невежества, стало в последнее время предметом интенсивных дебатов среди историков. Критика направлена на современное происхождение этого клише и предполагает взаимное насыщение западной «высокой» и русской «низкой» культур⁸⁰.

Упадок

Крымская война и последовавшие за ней реформы, включая освобождение крепостных в 1860-е гг., представляли важный водораздел в истории российского поместья. В ходе этих реформ дворянство передало почти половину земель крестьянам, получив за это щедрую денежную компенсацию от государства. Новые землевладельцы-крестьяне компенсировали государство путем выплаты ежегодной ренты практически так же, как ирландские фермеры-арендаторы по различным законам, регулировавшим продажу земель. Как и в Ирландии, значительная часть капитала, полученного дворянами, пошла на выкуп закладов, сделанных еще прежними поколениями. Значительное меньшинство дворянства быстро адаптировалось к новому экономическому стилю жизни и развивало сельское хозяйство, например, специализируясь на выращивании сельскохозяйственных товаров, идущих на экспорт. Однако менталитет дворян, стремившихся к эксплуатации неоплаченного труда, сохранялся, и некоторые не смогли адаптироваться к изменившимся обстоятельствам. Такие землевладельцы или продавали землю, или сдавали ее в аренду крестьянам; многие из них уехали в города и поступили на гражданскую и военную службу⁸¹.

⁸⁰ Hughes M. The Russian Nobility and the Russian Countryside: Ambivalence and Orientations // Journal of European Studies. 2006. Vol. 36. N2. P. 115-137. О критике психологической интерпретации, предложенной, кроме прочих, Марком Раэфом (Raeff) и подхода Юрия Лотмана к поместной культуре см.: Marrese M. Lamarche. 'The Poetics of Everyday Behaviour' Revised: Lotman, Gender and the Evolution of Russian Noble Identity // Kritika. 2010. Vol. 11. N 4. P. 701-739.

⁸¹ Becker S. Nobility and Privilege in Late Imperial Russia. DeKalb, 1985. P. 7-14; Hildermeier M. Der Russische Adel von 1700 bis 1917 // Europäischer Adel 1700-1950. Göttingen, 1990. P. 191-193. Классические советские исследования о помещичьей экономике включают: Анфилов А. М. Крупное помещичье хозяйство европейской России. М., 1969; Дружинин М. Н. Русская деревня на переломе. М., 1978.

От выбора, сделанного дворянином, зависело дальнейшее развитие усадьбы как центрального пункта дворянской цивилизации: тогда как первая группа включалась в размеренную деловую деятельность и избегала роскошеств и лишних трат; вторая группа становилась все более неспособной поддерживать прежний образ жизни (чеховский «Вишневый сад» и многие другие рассказы и пьесы конца XIX в. дают достаточные доказательства этому). Как и в Ирландии, в конце XIX в. в России многие дома и парки покидались и затем приходили в запустение и упадок⁸².

Культура поместья сохраняла жизнеспособность только в домах, принадлежавших магнатам или – здесь мы затрагиваем важное различие между Ирландией и Россией – кругах промышленников и интеллектуалов, которые приобрели заброшенные поместья в последней трети XIX в. Эти усиливавшиеся мобильные группы мало походили на викторианских бизнесменов в Англии, происходивших из среднего класса и покупавших дома в деревне с ростом своего богатства. Напротив, удачливые российские капиталисты, такие как Морозовы и Третьяковы, в основном происходили из крестьян; начинали приобретать поместья не раньше, чем во втором поколении, выросшем в городах и получившем блестящее образование⁸³.

В самом деле, образование было важным фактором в трансформации культуры поместья в России, происходившей в последние десятилетия XIX в. и в начале XX в. В XVIII в. и на протяжении большей части XIX в. дворянство было единственной социальной группой, имевшей, по меньшей мере, доступ к рудиментарному образованию (являвшемуся, между прочим,

⁸² Roosevelt Pr. Op. cit. P. 320. Пушкарева пишет, что количество поместий, принадлежавших дворянам, сократилось с 59 000 в 1877 г. до 39 000 в 1915 г. Самый высокий уровень упадка отмечался после революции 1905 г. Pushkareva. The Rural Noble Country House. P. 81, note 1. О поджогах поместий см. также: Victoir L. Creating and Preserving a Myth: Changing Attitudes About Country Estates in Late Imperial Russia // Revolutionary Russia. 2012. Vol. 25. N1. P. 61-85.

⁸³ Pushkareva. The Rural Noble Country House. P. 56, 61; Victoir L. Op. cit. P. 69.

обязательным для чиновников). Развитие системы образования, бюрократизация империи, а более всего, процессы модернизации на волне великих реформ 1860-70-х гг. создали новую образованную элиту, интеллигенцию. Эта элита переступила границы традиционного дворянства и бюрократической касты и скоро начала презирать их как столпы старого порядка. Как и новое поколение ирландских националистов последней трети XIX в., интеллигенция создала устойчивый стереотип ленивого и некомпетентного помещика, готового эксплуатировать бедных угнетенных крестьян⁸⁴.

С другой стороны, интеллигенты, выросшие в *культурной идиллии* поместий, скорее чаще, чем нет, сохранили восхищение некоторыми важнейшими элементами образа жизни дворян. В самом деле, русская интеллигенция вела образ жизни, в котором смешались западные буржуазные привычки и аристократическое мировоззрение. Проводить жизнь в привычках, свойственных дворянству, было привлекательно даже для тех интеллигентов, происхождение которых не было аристократическим. Здесь уместно вспомнить Чехова и хорошо известный факт, что он рассматривал приобретение им скромного имения как пик своей карьеры⁸⁵.

Художники, писатели, журналисты и другие представители интеллигенции старались купить дома в разоряющихся имениях, особенно располагавшихся в близости крупных городов, чтобы проводить в них летние месяцы. Независимо от индивидуального социального происхождения «многие владельцы в то время с энтузиазмом строили библиотеки, собирали коллекции и основывали то, что можно буквально назвать «музейными зонами». В конце XIX - начале XX в. члены финансовой и культурной элиты смотрели на усадьбу как на центральный пункт за-

⁸⁴ Haumann H. Lebenswelten im Zarenreich: Ursachen der Revolution // The Russian Revolution 1917 / Ed. By H. Haumann. Köln, 2007. P. 26.

⁸⁵ Чехов купил имение Мелехово в 80 км к югу от Москвы в 1892 г. В письме к своему другу Щеглову он шутил: «Хорошо быть лордом». <http://feb-web.ru/feb/chekhov/texts/sp0/pi5/pi5-020-.htm> (Дата обращения - 16 Aug 2013).

ново созданной русской высокой культуры, от литературы до музыки и живописи⁸⁶.

Представители городского среднего класса копировали эту тенденцию, арендуя крестьянские дома или строя *дачи* в окрестностях Петербурга или Москвы. По мере того, как деревенская жизнь становилась все более модной в кругах ниже дворянства, образ жизни в имении соответственно менялся. Дворянские обычаи вытеснялись новыми, неформальными способами социального взаимодействия, предпочитаемыми буржуазией⁸⁷.

Таким образом, интеллигенция оказала влияние двойного характера: с одной стороны, писатели и публицисты представили интерпретационные модели, которые, в конечном счете, подорвут традиционный социальный порядок и нанесут смертельный удар по культурному доминированию дворянства в имениях. С другой стороны, та же интеллигенция постепенно опробовала и трансформировала главные элементы дворянской культуры и наполнила их новым значением. Как мы попытаемся показать в следующем разделе, эта частичная трансформация, произведенная интеллигенцией, обеспечила основу для принятия этих культурных форм и привычек в грядущем советском контексте.

Революция и после: 1917 г. – примерно 1930 г.

Можно утверждать, что вспышка насилия и разрушений в русской деревне в 1917-1921 гг. была гораздо более драматичной, чем в Ирландии. В то время как недавно была установлена более-менее достоверная статистика о количестве усадеб до революции, количество домов, уничтоженных в 1917-21 гг., может быть подсчитано только приблизительно. Любые квантитативные подсчеты осложнены тем, что уровень разрушений разли-

⁸⁶ Дмитриева Е., Купцова О. Жизнь усадебного мифа. Утраченный и обретенный рай. М., 2004. С. 3-6. См. также: Pushkareva. The Rural Noble Country House. P. 53-56. Основываясь на тех же источниках, Vicoir слишком узко интерпретирует эти культурные проекты как попытку строительства русской нации.

⁸⁷ Lovell St. Between Arcadia and Suburbia. Dachas in Late Imperial Russia // Slavic Review. 2002. Vol. 61. P. 66-87.

чался по регионам⁸⁸. Центральные губернии России, характеризовавшиеся наибольшей насыщенностью дворянского землевладения и крестьянских общин бывших крепостных, без сомнения пострадали более всего⁸⁹. Возьмем пример Пензенской губернии: пятая часть всех усадеб была сожжена в конце осени и зимой 1917-18 гг.; и почти все усадьбы в отдаленных районах были уничтожены к 1919 г.⁹⁰

И в Ирландии, и в России нарушения земельных и собственностиских прав дворянства оправдывались как возмещение предполагаемой «кражи», совершенной землевладельческим классом. Как правило, крестьянские общины коллективно организовывали захват земель в поместьях, чтобы вернуть их «тем, кто их обрабатывает». Подобные нападения, организованные растущей партией Шинн Фейн, происходили в Ирландии после февраля 1917 г. Интересно, что жизнь и собственность землевладельческих классов оказывалась под большей угрозой там, где отношения между дворянами и крестьянами были напряженными и в прошлом, например, во время революции 1905-1907 гг.⁹¹ Крестьяне действовали, в основном, самостоятельно, но новое большевистское правительство поторопилось легализовать захват земель «Декретом о земле», одним из пер-

⁸⁸ Данные Пушкаревой за 1877-1915 гг. см. в примечании 81. О разрушениях см.: Roosevelt Pr. Op. cit. P. 329-330; Victoir L. The Russian Country Estate Today. A Case Study of Cultural Politics in Post-Soviet Russia. Stuttgart, 2006. P. 39-41.

⁸⁹ Chanon J. The Peasantry in the Revolution of 1917 // Revolution in Russia: Reassessments of 1917 / Ed. by E. Frankel. Cambridge, 1992. P. 110-12, 117-118, 121-124; Perrie M. The Peasants // Society and Politics in the Russian Revolution / Ed. by R. Service. N.Y., 1992. P. 15-19, 26-27, 30.

⁹⁰ Figes O. Peasant Russia, Civil War. The Volga Countryside in the Revolution (1917-1921). L. 2001 (1st ed. 1989). P. 52-53.

⁹¹ Figes O. Op. cit. P. 50-51; Perrie M. Op. cit. P. 21-24. О роли поджогов в сельских конфликтах в предреволюционной России см.: Frierson C. A. All Russia Is Burning! A Cultural History of Fire and Arson in Late Imperial Russia. Seattle, 2002. Было бы интересно проследить, до какой степени поджоги больших домов в Ирландии с географией деятельности Земельной Лиги или с планом ей кампании в 1880-х гг.

вых декретов, появившихся после Октябрьской революции. 10 ноября 1917 г. последовал декрет «Об отмене сословий и званий», отменявший все дворянские привилегии. Многие имения были сожжены во время гражданской войны, поскольку крестьяне опасались возвращения землевладельцев. Возможно, это было важной причиной уничтожения больших домов и в Ирландии. Наоборот, военные и стратегические причины, игравшие роль в войне за независимость в Ирландии, кажется, имели несущественное значение в России.

Но действительно ли русская *жакерия* 1917-1921 гг. равнялась кончине дворянской культуры поместья? Была ли она на самом деле более резкой и решительной цензурой, чем «ирландский костер поколений»?⁹² Ретроспективный взгляд позволяет полагать, что в этом и было дело, особенно если сравнивать текущую ситуацию в Ирландии и России. Переоценка большого дома как части национального достояния произошла только недавно, тем не менее, ее результатом было восстановление некоторых больших домов в Ирландии. В России число недавно восстановленных сельских усадебных домов значительно меньше, и многие сохранившиеся здания находятся в скверном состоянии. Ирония, однако, в том, что в начале, в революционной России, будущее сохранения усадебных домов выглядело лучше, чем в только что получившей независимость Ирландии.

В первые годы Советской власти русская революция стерла дворянство как класс, а аристократическое поведение и образ жизни постоянно публично высмеивалась. Однако новый режим был относительно открыт в том, что касалось сохранившихся остатков материальной культуры усадеб. Тогда как церкви намеренно осквернялись и переделывались в кинотеатры, театры или магазины, многие усадебные дома стали музеями, исследовательскими институтами или санаториями⁹³. Для сравнения: в то время как в Ирландии дома разрушались, становясь руинами, выжившие семьи владельцев могли вернуть хотя бы

⁹² Названия глав из книг О. Файджеса «Peasant Russia» и Дули «Decline...».

⁹³ Roosevelt Pr. Op. cit. P. 300-301; Victoir L. Russian Country Estate Today. P. 44-45.

некоторую часть предметов культуры, в России стены оставались нетронутыми, но сам дом подвергался опустошению. По крайней мере, в большинстве случаев, в зависимости от того, для чего здание намеревались использовать. Например, некоторые украшения могли быть сохранены, если здание предполагалось превратить в престижный санаторий⁹⁴.

Когда императорские дворцы в Петрограде и Москве были открыты для публики, в повестке дня стояло продемонстрировать широким массам антиобщественный характер старого режима и легитимировать политический разрыв с прошлым. Превращение усадеб в музеи, кажется, вытекало из несколько иной логики. Во многих случаях усадьбы в провинциях сохранялись, потому что принадлежали писателям и художникам, рассматривавшимся как «прогрессивные» в пантеоне советской культуры. С интеллигенцией, имевшей глубокие корни в дворянстве, с усадебной культурой, принимавшейся многими интеллектуалами даже не аристократического происхождения, экспонирование этих домов неизбежно означало выставление на показ главных элементов образа жизни дворянства в XIX в. Фактически, усадьба как музей, будь то созданный до или после революций, в конечном счете выставлял мир, хорошо знакомый читателям русской классики. В самом деле, сельская усадьба была местом действия бесконечного числа рассказов и пьес XIX в. Многие из них в напечатанном виде были доступны на протяжении советского времени⁹⁵.

Некоторые ведущие революционеры, включая Ленина, имели дворянские корни и придерживались весьма традиционного понимания высокой культуры. Они открыто предпочитали

⁹⁴ Например, советский курорт сохранял черты аристократической европейской культуры курортов с минеральными водами, но под предлогом открытия для низших классов. О декрете об оздоровительных курортах: Козлов И. Ленин и развитие санаторно-курортного дела в СССР. М., 1982; Noack Chr. Building Tourism in One Country?: The Sovietization of Vacationing, 1917-41 // Connecting Places and People: A Transnational Approach to European Tourism History / Ed. by E. G. Zuelov. Farnham, 2010. P. 171-195.

⁹⁵ Pushkareva. The Rural Noble Country House. P. 58-59.

дореволюционную литературу и искусство современным радикальным экспериментам. Ленин и многие другие большевики продолжили практику выезжать в деревню в сезон. Ленин проживал в поместье промышленника Морозова (сегодня Ленинские Горки), тогда как Луначарский, народный комиссар просвещения, предпочитал поместье Остафьево, когда-то принадлежавшее графам Шереметевым. Последний пример особенно показателен, поскольку Луначарский поддерживал деятельность «Ассоциации изучения русского поместья», в которую входили как потомки прежних владельцев, так и те, кто проектировал интерьеры (Павел Шереметев и братья Поленовы). Ассоциация издавала регулярный бюллетень, организовывала экскурсии в усадебные дома в окрестностях Москвы и высоко ценила культурные и эстетические достоинства архитектуры и ландшафта поместий. Во время сталинской «культурной революции» конца 1920-х гг. это молчаливое согласие закончилось, ассоциация была распущена, а ее видные члены арестованы или высланы⁹⁶.

С 1930-х гг. начался двадцатилетний период игнорирования культуры дворянской усадьбы в науке. Точнее, музей-усадьбы почти не тронули, но ни хрущевская оттепель, ни появление русского националистического крыла в Коммунистической партии в 1960-е гг. не привели к возрождению интереса к дворянской культуре или к архитектурному наследию усадебных домов, усадеб и парков на прежнем уровне. В 1950-е гг. произошла переоценка русской крестьянской культуры, которая была уничтожена почти полностью путем раскулачивания и насильственной коллективизации в 1930-х гг. Также руссофилия 1960-70-х гг. проявляла только периферийный интерес к усадьбам. Правда, что были проведены исторические исследования по социокультурному значению и архитектурной ценности некоторых усадеб, но наследие средневековой России, особенно церкви и монастыри Золотого Кольца, находились в центре русского возрождения. Интересно, что проблемы сохранения [исторического наследия] часто обсуждали в связи с охраной окружающей

⁹⁶ Roosevelt Pr. Op. cit. P. 330-332; Victoir L. Op. cit. P. 23-24; Pushkareva. The Rural Noble Country House. P. 57-58.

среды, что подчас находило выражение в указаниях на исчезновение усадебных садов и парков⁹⁷.

Наконец, в сталинский период связи, существовавшие между дворянской жизнью и дореволюционной дачной культурой, ослабли. Жизнь на даче была модернизирована в том смысле, что «полезная» деятельность, такая как самообразование и спорт, все больше вытесняли культуру праздности и неформального общения. Проводимая Сталиным и его преемниками политика также сделала дачу важным инструментом экономики выживания в условиях постоянных перебоев в снабжении продовольствием. Другими словами, крестьянская *изба*, а не дворянская *усадьба* стали ролевой моделью для дачи советской эпохи⁹⁸.

Таким образом, после материальных потерь лет революции и гражданской войны 1930-е гг. стали важным водоразделом в переоценке дворянской усадебной культуры. В лице старой интеллигенции сталинская революция сверху в основном уничтожила социальную группу, которая конституировала связь между дореволюционным дворянством и советским настоящим. В то же время сталинский поворот к русской культуре в 1930-е гг. подразумевал (хотя и выборочно) присвоение заново русской художественной и литературной культуры XIX в., в которую глубоко проникли идеи «красивой жизни» в усадьбе. Это имело долговременные последствия. Необходимо отметить, что самая важная научная попытка заново обосновать значение аристократического прошлого для русской национальной культуры была осуществлена Юрием Лотманом с конца 1970-х гг. Исследования Лотмана о дворянстве и усадебной культуре были почти

⁹⁷ Kochanek H. Die Russisch-nationale Rechte von 1968 zum Ende der Sowjetunion. Eine Discursanalyse. Stuttgart, 1999. P. 21-67. О Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), основанном в 1965 г., см.: Victoir L. Op. cit. P. 48-49. Среди книг о садах бывших усадеб: Лихачев Д. К поэзии садов. К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982.

⁹⁸ Lovell St. The Making of the Stalin-Era Dacha // Journal of Modern History. 2002. N 74. P. 253-288; Idem., Summerfolk. A History of the Dacha, 1710-2000. Ithaca, 2003. P. 136-145, 235.

полностью основаны на канонических русских классических литературных текстах⁹⁹. Понятно, что образ дворянской культуры, созданный по литературным канонам, нес черты свойственного интеллигенции презрительного отношения к действительному или мнимому декадансу XIX в., но он никогда не подразумевал ее полного отрицания или неприятия, характерного для советского политического и исторического дискурсов. Наоборот, именно изображения жизни в усадьбе, сочиненные литераторами XIX в., сформировали восприятие русской культуры более чем у одного поколения. Лелеемое в разного рода культурных артефактах и особенно в образовании советское прочтение русской культуры становится понятным как часть процесса строительства национального наследия¹⁰⁰. После революции популярность усадебного дома как сцены для литературных произведений, возможно, исчезла, но очевидно, что она еще сохраняется как глубокий отпечаток в коллективной памяти. Однако что произошло с материальными остатками дворянской культуры?

От советского к постсоветскому [времени]

К рубежу тысячелетия, пережив советское время, только 20% от установленных 50 000 дореволюционных усадеб сохранилось. Большинство из них расположено в районе 150-200 км вокруг столицы Москвы. Эта цифра может впечатлить, но она могла быть значительно выше, если бы многие усадебные дома не исчезли в более позднее время. Одной из причин было недофинансирование государственных учреждений, расположенных в них, в 1980-90-х гг. Поскольку их бюджеты сокращались, это

⁹⁹ Лотман обобщил свои находки в «Беседах о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2006. (1-е изд. 1994). О хорошо обоснованной критике использования Лотманом исключительно художественных источников см.: Marrese. The Poetics of Everyday Behaviour. P. 702-713.

¹⁰⁰ Вестстейн В. Помещичья усадьба в русской литературе XIX–XX вв. // Русская провинция. Миф – текст – реальность. М.-СПб., 2000. С. 186-195; Victoir L. Op. cit. P. 125. Referring to K. Parthe “Russian Unreal Estate: Cognitive Mapping and National Identity // Kennan Institute Paper. N 265. Washington, 1997. P. 2-7.

вело к сокращению расходов на дома и флигели, которые просто оставляли разрушаться¹⁰¹.

Дела пошли еще хуже с разрушением советского государства в начале 1990-х гг. В первое постсоветское десятилетие различные финансовые и культурные учреждения ревностно защищали то, что они считали объектом своей исключительной ответственности и руководства, в то же время не предоставляя необходимых инвестиций для сохранения усадеб, парков и домов. Даже если они были готовы отдать ответственность, новых владельцев было не просто найти. Российская Федерация, как другие постсоветские государства, избегала (и продолжает избегать) создания сильных неправительственных или добровольных организаций, чтобы поддерживать правительственные структуры (или хотя бы не поставить под вопрос их монополию)¹⁰². Можно обнаружить, что даже восстановление «Ассоциации по изучению русской усадьбы» (ОИРУ) в 1992 г. не изменило ситуации сколько-нибудь существенно¹⁰³. Хотя существует небольшое лобби специалистов и любителей, которые высоко активны и являются энтузиастами, они не оказывают влияния в

¹⁰¹ См. подсчеты российского историка архитектуры Дм. Швидковско-го, цитируемого в предисловии Пр. Рузвельт к книге Victoir "Russian Country House Today". P. 15. Victoir насчитал 500 сохранившихся усадеб вокруг Москвы и 250 в других частях европейской России. Она подсчитала, что не менее ста ежегодно обречены на гибель в связи с отсутствием внимания. Victoir L. Op. cit. P. 34.

¹⁰² Victoir L. Op. cit. P. 26-27, 53-68, 82-88. Стоит, однако, заметить, что сохранение исторических памятников (в том числе церквей) никогда не было приоритетом в имперской России: см. Victoir. *Creating and Preserving a Myth*. P. 69-72.

¹⁰³ Как и ее предшественница, ассоциация рассматривает себя как платформу для научного изучения и популяризации усадебной культуры и, как правило, не вмешивается в обсуждение вопросов наследия. Randolph. *Old Mansion*. P. 740-743; Victoir L. *Russian Country Estate Today*. P. 116-117. Как пишет Пушкарева, многие ученые и журналисты, проводившие исследования в позднесоветский период, являются активными членами общества. (Pushkareva. *The Rural Noble Country House*. P. 59-61. См. также сайт организации: <http://www.oiru.org/> (Дата обращения - 15 August 2010).

свете государственного противодействия их усилиям. Существующее положение с сохранившимися усадебными домами фактически является мораторием: исторические монументы не субсидируются должным образом ни местной, ни центральной властью, но и не продаются нуворишам¹⁰⁴. Бесхозные, без отопления и текущего обслуживания, они быстро ветшают. Более того, неопределенная политическая ситуация дала возможность незаконному захвату бывших усадебных земель, парков и садов, создав новые проблемы для сохранения архитектурных ансамблей¹⁰⁵.

С начала XXI в. наблюдаются новые тенденции. В-первых, и это, вероятно, особенно важно, российское государство выздоровело в экономическом отношении, позволив тем, кто несет ответственность за сохранение культурного наследия, защищать свои требования с восстановленной кредитоспособностью. Фактически несколько выставочных мест выиграли от интенсивной реставрации, но остается много работы. К сожалению, не приходится сомневаться, что бюрократы от культуры будут еще меньше, чем когда-либо, мириться с тем, что считают вмешательством в область своих имущественных интересов и экспертизы. Кроме того, линия раздела между сторонниками государственных форм защиты памятников и сторонниками частных вложений была замарана в последние годы. Тому есть много причин, но главной является то, что в постсоветской российской политической культуре возникла особость: в годы Путина ветви государственной администрации создают собственные НГО или вступают в прямой конфликт с настоящими негосударственными организациями за внешнее финансирование. Таким образом подлинные НГО вытесняются, что имеет важный «побочный ущерб» - сближение бизнеса и государства в сфере социального и культурного спонсорства.

В-третьих, кроме Ассоциации по изучению русской усадьбы (АИРУ) появляются другие лоббисты. Их меньше инте-

¹⁰⁴ Victoir L. *Russian Country Estate Today*. P. 62.

¹⁰⁵ Roosevelt Pr. Introduction // Victoir L. *Russian Country Estate Today*. P. 15-17; Victoir L. *Russian Country Estate Today*. P. 26-27, 75-78, 127-128.

решает ретроспектива, но они более восприимчивы к международным тенденциям. В большинстве они рассматривают английский Национальный фонд (National Trust) как лучшую возможную модель защиты памятников. Это не только влечет за собой признание успешных инициатив Национального фонда в сфере рынка наследия и туризма, но также ведет к большей восприимчивости взаимодействия между обществом и частным интересом. Среди таких лоббистов Российский фонд усадьбы, руководимый Ассамблеей российского дворянства, играет наименьшую роль, потому что вопрос о реституции усадеб бывшим владельцам никогда не рассматривалась в России всерьез¹⁰⁶. Два других конкурирующих фонда, названия которых почти не различаются, кажется, связаны с новым постсоветским истеблишментом гораздо крепче.

«Фонд возрождения русской усадьбы», основанный в 2000 г., сотрудничает с АИРУ, с одной стороны, и с государственными органами, такими как Московский городской совет и Российская Государственная Дума, с другой. Последняя организовывала выставки, посвященные культуре усадьбы. В настоящее время фонд создает базу данных об утраченных или сохранившихся усадьбах. Фонд описывает свои цели как «создание многосторонних соглашений между местными фондами, контролирующими собственностью, и комитетами по культуре или иными государственными органами, занимающимися сохранением памятников». Это должно содействовать доступу к информации о юридическом статусе усадеб и относившимся к ним землям. Что касается приватизации, то фонд рассматривает себя как посредника между государством и потенциальными инвесторами, предлагая юридическую и практическую помощь в процессе приобретения¹⁰⁷.

«Фонд возрождения русской усадьбы», действующий с 2005 г., преследует такие же задачи, но более активен в средствах массовой информации. Он публикует глянцевого журнала «Жизнь в усадьбе», посвященный сельской жизни аристократии

¹⁰⁶ Victoir L. Russian Country Estate Today. P. 117; о реституции: P. 88-95.

¹⁰⁷ Ibid. P. 117-119. Сайт: <http://www.fovrus.ru/> недоступен после 2008 г.

в Европе и России. Кроме того, он организует ежегодные конкурсы по сохранению русской усадьбы, финансируемые при поддержке Министерства культуры. Фонд также стремится усилить сотрудничество между публичными и частными инвесторами в деле сохранения памятников, описывая наиболее удачные примеры в своем журнале¹⁰⁸.

Что это означает для будущего русских усадеб и усадебных домов? Во-первых, экономическое оздоровление страны открывает перспективу дальнейшей реставрационной работы. Можно предположить, что львиная доля инвестиций будет направлена на сохранения наследия, а именно императорских дворцов и зданий, связанных с работой и трудами знаменитых художников и писателей, в городах-столицах. В географическом плане это означает предпочтение памятникам в центральной России и в окрестностях Петербурга, где многие из них занесены в список памятников «федерального значения». Важно, что реституция церковной собственности (той, которая прежде не находилась в частном владении) означает, что государство уже не единолично несет ответственность за сохранение церковных зданий, что ведет к сильным протестам со стороны архитекторов и историков, как и лиц, ответственных за охрану памятников.

Вероятно, показателем растущего значения культурного наследия в России является тот факт, что потомки бывших владельцев исторической собственности назначались директорами музеев-усадьб: Толстой в Ясной Поляне возле Тулы, Лермонтов в Средняковке недалеко от Москвы, возможно, в близком будущем в Выре вблизи Петербурга директором назначат Набокова. Такая практика «непрямой реституции» отражает особое почтение к писателям и художникам, характерное для советского и постсоветского периодов. В этом контексте стоит отметить, что попытки реституции, предпринятые некоторыми потомками

¹⁰⁸ Интервью с председателем, В. Алявердиным (Aliaverdin), Москва, 13.10.2007; Victoir L. Russian Country Estate Today. P. 118-119. Сайт: <http://www.fondus.ru> (Дата обращения - 15 August 2010). В виде глянцевого журнала «Столица и усадьба», издававшегося в Петербурге в 1913-1917 гг., «Жизнь в усадьбе» имела уже предреволюционного предшественника. Victoir L. Creating and Preserving a Myth. P. 79-80.

знатных семейств, не внесших особого вклада в литературу, неизменно терпели крах ¹⁰⁹.

Приватизация не рассматривалась как предпочтительный выбор даже в тех случаях, когда государство определено не хотело или не могло выделить средства для сохранения определенных усадеб. Хотя проект сотрудничества государственного и частного секторов широко поддерживался «Национальным фондом», представляется, что по разным причинам существует глубокое недоверие в плане привлечения частных владельцев. Например, чиновники от культуры ожидают нарушения своих прерогатив, защитники исторического наследия и историки искусства совершенно не верят вкусу и ответственности потенциальных инвесторов. Жизнеспособным вариантом преодоления этого на грядущие годы может быть долговременная аренда, поскольку это позволило бы администрации и защитникам наследия внимательно следить за выполнением арендаторами условий контрактов ¹¹⁰.

Как ни считать, число потенциальных инвесторов представляется весьма скромным. Это совершенно понятно на фоне налагающихся друг на друга видов ответственности и неспособности (или нежелания) государства создать и поддерживать надежную законодательную базу для приватизации. В настоящее время неясно, можно ли получить достаточный доход от вложенных больших инвестиций на перестройку сельских домов в гостиницы или курорты ¹¹¹.

¹⁰⁹ Victoir L. Russian Country Estate Today. P. 88-95. В 1997 г. о правах на остатки усадьбы Алабино (Alabino) вблизи Москвы было заявлено князем Александром Мещерским. Бывший инженер захватил сохранившуюся сторожку, удерживал ее пару лет и был изгнан в 2001 г.: Ibid. P. 90-91.

¹¹⁰ Victoir L. Russian Country Estate Today. P. 26, 58, 79-82, 85-89; В ожидании инвесторов // Жизнь в усадьбе. 2007. №1. С. 5. См. примеры, описанные О. Троицкой-Миркович. Этот день изменил нашу жизнь // Жизнь в усадьбе. 2006. №3. С. 48-53; Павловская Т. На графских развалинах // Жизнь в усадьбе. 2007. №1. С. 40-48.

¹¹¹ Ойнас Д. Усадьба из-под земли // Жизнь в усадьбе. 2006. №1. С. 51-54.

Лишь немногие усадебные дома в сельской местности превращены в резиденции для проживания, хотя, кажется, что представители политической элиты с недавнего времени начали приобретать их ¹¹². Очевидно, что высокая цена реставрации и довлеющий контроль со стороны чиновников от культуры и защитников исторических памятников отпугивают потенциальных инвесторов. Для богатых русских построить эклектичные копии в окрестностях Москвы дешевле и менее проблематично ¹¹³. Даже если твердо установлен факт «усадьбы как текста русской литературы» ¹¹⁴, это не означает, что финансовые вложения обеспечат достаточно высокий уровень возврата инвесторам культурного и социального капитала. Если усадьба определено принадлежала писателю или художнику, то это делает практически невозможной любую приватизацию или аренду для инвесторов, не связанных прямо семейными узами с бывшими владельцами.

В таких условиях можно скорее ожидать, что крупнейшие государственные корпорации России установят контроль над «жемчужинами» из числа сохранившихся сельских усадеб. Для этого в их распоряжении имеются финансовые возможности и институциональные связи. Остается только наблюдать, захотят ли они в широких объемах вкладываться в сохранение русской дворянской культуры усадьбы и откроют ли они эти дома для широкой публики ¹¹⁵.

Заключение

Работа над данной статьей привела авторов к пониманию того, насколько сильны параллели в историях сельских усадеб-

¹¹² Ходят слухи, что Дмитрий Медведев купил бывшее поместье возле Костромы незадолго перед тем, как поменялся местами в Путиным в 2012 г.

¹¹³ О ежегодной московской ярмарке современных сельских домов см.: <http://www.expostroy.ru/ru/su/> (Дата обращения - 15 August 2010).

¹¹⁴ Pushkareva. The Rural Noble Country House. P. 69 – цитирование польского филолога Vasilij Szcukin.

¹¹⁵ Об инвестициях в Московском и Тверском регионах Минатома, Юкоса, Вымпелкома и др. см.: Victoir L. Russian Country Estate Today. P. 86-87.

ных домов в Ирландии и России, однако необходимо подчеркнуть, что у нас фокус направлен в меньшей степени на историю этих домов, а больше на те средства, с помощью которых они (ре)интерпретировались как «историческое наследие».

В первые десятилетия XX в. и Ирландия, и Россия пережили социальные и политические беспорядки. Жестокие революции и гражданские войны положили конец господству дворянства в политике, обществе и культуре. Одно из очевидных различий между двумя странами заключается в том, что в Ирландии *культурная* конструкция землевладельческого класса как «чужого» в национальном отношении заменила социальный конфликт между землевладельцами и арендаторами. В этом убеждает наложение понятий *арендатор, католик, ирландец* в противовес понятиям *лендлорд, протестант, англичанин*. На протяжении длительного времени такого рода уравнивания мешали разумному включению большого дома в существующий канон ирландской национальной культуры. Потребовалось значительное время демографических и экономических изменений, прежде чем произошла переоценка места сельского дома в культурной истории Ирландии. В большой мере это происходило благодаря расширявшемуся с начала 1970-х гг. участию Ирландии в делах, связанных с европейской культурой, и возникшими требованиями туристической отрасли. Сельские особняки продвигались как часть общего наследия, ценимого за ту роль (иногда выдуманную), которую в строительстве и украшении их сыграли ирландские архитекторы, строители, ремесленники. Переоценка сельского особняка была необходима, чтобы открыть частные и общественные инвестиции для их сохранения.

В России, где социальный конфликт нашел проявление в отношениях между землевладельцами и крестьянами, также существовали степени отчуждения. В балтийских регионах империи или в Украине социальные различия между землевладельцами и крестьянством использовались, чтобы отделить «нас», зарождавшиеся крестьянские нации, от «них» - польских и немецких помещиков с их господствующей культурой. Эти границы, однако, в данной статье не исследовались. В сердцевине русских земель дворянство было инструментом в поиске государством путей к вестернизации в XVIII – начале XIX в. образо-

вание, следовательно, вестернизация были почти исключительно привилегией дворянства, что создало расширявшийся культурный зазор между русским православным дворянством и русским православным крестьянством. Ирония в том, что образованные отпрыски русских дворян, породив интеллигенцию, в XIX в. с успехом поставили под вопрос господство дворянской культуры и образа жизни. Будучи в большинстве выходцами из аристократии, *интеллигенты* заявили, что говорят от имени угнетенного крестьянского большинства, и сумели подорвать основания политической и социальной системы поздне-имперской России. Тем не менее, обличение дворянства и его образа жизни было в каком-то отношении двусмысленным: писатели и художники «золотого века» русской культуры защищали привлекательный образ дворянской культуры, и многие представители русской интеллигенции в течение долгого времени сохраняли аристократические привычки в своей жизни. Одной из них было проживание части года в «культурной идиллии» сельского дома.

Вопреки этому атака на дворянство как класс во время революций и гражданской войны в России не была равнозначна «смерти» культуры усадебного дома, как полагает Рузвельт. Многие видные большевики, включая Ленина, продолжали придерживаться «дворянских» по виду привычек интеллигенции. Потребовалась вторая культурная революция при Сталине и уничтожение старой интеллигенции, чтобы полностью порвались связи с дореволюционной эпохой. В то же время возврат при Сталине к русской культуре может интерпретироваться как осознанный акт конструирования исторического наследия средствами селективной деконтекстуализации. Парадокс в том, что сталинская идентификация классической русской литературы как части канонического свода советской культуры потенциально повлекла за собой переоценку культуры аристократического сельского дома. Усадебный дом и его обитатели продолжали жить в воображении советских читателей.

Правда и в том, что в советское время националистов внутри и вне партии больше привлекли элементы средневекового и православного наследия, чем аристократическое прошлое. Со времени падения Советского Союза российское государство все больше примеряло имперские традиции и их материальные

следы, но усадьбы все ждут открытия. Возможно, почитание мест, связанных с интеллигенцией, и развивалось в XX в., но масштабное и утвердительное принятие дворянской культуры не выглядит близким делом. Кажется, что дворянская культура все еще несет клеймо «чуждой». Представляется, что дискурсивное напряжение между Россией и Западом, характеризующее постсоветское развитие после краткого флирта с западным либерализмом в начале 1990-х гг., является препятствием для более широкого принятия дворянской культуры, заявившей когда-то о себе как о культуре прозападной и продвинутой.

(Перевод А. Б. Соколова)

Ходнев А. С.

Формирование британской политики в отношении Лиги Наций, 1914-1919 гг.

Кровопролитные сражения Первой мировой войны, произошедшие в Европе и словно предсказывавшие: «Прекрасная эпоха закончилась навсегда!», заставили многих политиков уже в 1915 г. задуматься о новой конфигурации международных отношений и инструментах внешней политики, которые могли бы послужить гарантией от повторения трагических событий. Необходимо было как-то откликнуться на набиравший силу с конца 1914 г. в общественном мнении лозунг «Война, чтобы покончить с войной», и провозгласить перспективу нового мирового порядка, в котором были бы заложены серьезные преграды повторению военной катастрофы в Европе. Один из популярных и обсуждаемых путей, который предлагали, – ввести в систему международных отношений принцип коллективной безопасности, дававший всем государствам некие гарантии от нападения агрессора, и, следовательно, препятствовавший развязыванию нового крупного конфликта. Много идей высказывалось в связи активизацией международного суда по урегулированию различных споров между государствами. В общественном мнении укоренилась точка зрения о том, что снижение уровня вооружений также может помочь сохранить прочный мир в Европе и мире. Вместе с тем, и британские политики, и большинство активистов левых антивоенных движений высказывались за сохранение и укрепление Британской империи, британского флота, охранявшего мореплавание, соединявшего рассеянные по всему миру имперские периферии. Все эти разнородные и, порой, противоречившие друг другу принципы предлагалось реализовать в рамках международной организации – Лиги Наций (ЛН), создание которой представлялось некоторым политикам как необхо-

димое средство укрепления империи, а другим - как па-нацея от агрессии и военного катаклизма.

Хорошо известно, что ЛН со многими возлагавшимися на нее надеждами не справилась. Тем не менее, в последние два десятилетия начала утверждаться новая, «мягкая» интерпретация истории ЛН, акцентирующая внимание читателей на том, что первая международная организация появилась буквально из ничего, у нее не было серьезных предпосылок, и потому она стала новацией в области международных отношений¹. Главным в этом объяснении истории Лиги был акцент на трудностях, вытекавших из контекста ее деятельности, а также удачах и новой организационной структуре, которая была полностью унаследована ООН.

Тем не менее, у историков осталось еще много вопросов о деятельности ЛН, и, прежде всего, несмотря на, казалось бы, большое количество публикаций, мало исследованным представляется процесс обсуждения создания организации. Была ли Лига творением общественного мнения, философских концепций или плодом реализма в политике? Общим и частным дискуссиям о создании и деятельности ЛН в первый период, до Локкарнских соглашений, посвятил свою книгу П. Йервуд². Он исследует действия британских политиков в 1914-1924 гг., которые свидетельствовали, что в центре внимания были проблемы устраивания мирового порядка XX века, с ключевой ролью Лиги Наций, однако не обязательно сформированном на основе принципа коллективной безопасности. В Лондоне считали Лигу Наций инструментом решения практических проблем, а не воплощением какой-то новой теоретической парадигмы международных отношений³. П. Йервуд показал, что Лига Наций для многих политиков в Лондоне выглядела ни чем иным как рамками политики «антлантизма». Эти взгляды еще более укрепились после вступления на последнем этапе в Первую мировую войну

¹ См.: Van Ginneken A. H. M. Historical Dictionary of the League of Nations. Oxford, 2006. P. XI-XIV.

² Yearwood P. J. Guarantee of Peace: The League of Nations in British Policy, 1914-1925. Oxford, 2009.

³ Ibid. P. 2-3.

США. Британские политики настойчиво искали возможности обсудить более точные контуры универсальной международной организации, строительство которой по старым дипломатическим критериям никого уже не устраивало. По мнению британского, правительства, недостаточно было помещать Лигу Наций в узкие рамки института, гарантировавшего безопасность. Они видели в новой организации более широкие перспективы сотрудничества. В заявлениях британских государственных деятелей о Лиге Наций после 1920 г. появилась новая тема: положение Франции в Европе. Некоторые заявляли, что Франция играет дестабилизирующую роль в Европе, и ее нужно контролировать в рамках Лиги Наций. Другие говорили о Франции в контексте необходимости разоружения и налаживания стабильности на континенте. Третьи предупреждали, что слишком тесные отношения и поддержка Британией Франции подтолкнет Германию к сближению с Советской Россией, и это нарушит баланс сил в Европе. Приглашение Германии в Лигу Наций помогло бы, по их мнению, изменить эту ситуацию и построить на континенте новый политический порядок⁴. Следовательно, П. Йервуд существенно изменил направленность традиционной интерпретации вопроса о происхождении Лиги Наций и формирования британской политики в отношении первой международной организации. Дело в том, что историки настойчиво искали предпосылки ее возникновения в сфере идей, пацифизма и дискуссий в обществе. Вследствие этого они несколько преувеличивали роль обсуждения проблемы предотвращения войны и внедрения в международные отношения принципа коллективной безопасности. Книга П. Йервуда повернула поиски истолкования проблемы появления Лиги Наций и формирования британской политической линии по этому вопросу в область реальной политики и интересов государства. Это закономерный поворот в современной историографии международных отношений, связанный с прочтением нового комплекса источников, открытых исследователям в 1980-1990-х гг.

Однако, на наш взгляд, не следует недооценивать и дискуссии о Лиге, имевшее большое влияние на британское обще-

⁴ Ibid. P. 3-5.

ственное мнение. К тому же существует много свидетельств о том, что представления, укоренившиеся в общественном мнении, использовали политики и дипломаты. Иными словами, действовали, вернее сказать, взаимодействовали при выковывании новой политики Британии в отношении ЛН обе тенденции: с одной стороны, опора на реализм и интересы Британской империи, а с другой, философское обоснование миротворчества в разумных границах и поддержка его общественным мнением.

Идеи создания международной организации начали высказывать в Британии либералы, умеренные лейбористы и консервативные политики. Кроме того, когда эти принципы поддержал президент США В. Вильсон, внимание к этим предложениям резко повысилось. Либералы, отмечал канадский историк А. Торнтон, еще «в последние годы викторианской эры обрели идею» о том, что роль Британской империи заключается в лидерстве «в искусстве цивилизации». Они верили, что именно империя несет свет просвещения, учит передовым методам политического управления, должна была действовать как «добрый опекун для слабых», «представлять собой высшие цели человеческого общества»⁵.

Важную роль в формулировании лейбористского проекта международной организации в начале XX в. играло Фабианское общество, возникшее еще в 80-е гг. XIX в. Фабианцы прославились как основоположники идеи постепенного перехода к социализму без революционных потрясений. Фабианские предложения стали важным компонентом лейбористской идеологии. Наиболее выдающиеся члены общества снабжали Лейбористскую партию научными разработками и подготовили для нее ряд программ⁶. Это объяснялось тем, что в состав общества входили такие известные интеллектуалы своего времени, как супруги Уэбб, писатели Дж. Бернард Шоу и Г. Уэллс, известные ученые-публицисты Г. Брэйлсфорд и Л. Вулф. Словом, эта группа была

⁵ Thornton A. P. *The Imperial Idea and Its Enemies. A Study in British Power.* L., 1985. P. XXIX-XXX.

⁶ Hobsbawm E. *The Lesser Fabians // Our History Pamphlet.* L., 1962. P. 1; Галкина Л. А. К критике идеологии фабианства. М., 1984. С. 3.

заметной и сыграла немаловажную роль в формировании общественного мнения в Великобритании в 1910-1920 гг.

Фабианцы предвидели окончательный раздел мира между великими державами и всячески его приветствовали. Они рассматривали образование колониальных империй как процесс, аналогичный концентрации промышленности, приводящей к образованию монополий. Как первое, так и второе представлялось им материальной предпосылкой прогресса и поступательного движения. По мнению фабианцев, колониальные захваты, разрушавшие границы национальных государств, были подготовкой к интернациональному государству будущего. Иными словами, фабианские социалисты отстаивали свой вариант идеи мирового государства и мирового правительства. Они считали, что народам отсталых стран улыбнулась фортуна. Они попали в колониальную зависимость не рядового государства, а величайшей и самой прогрессивной страны мира. Метрополия и вся Британская империя поможет им быстрее достигнуть цивилизованного состояния и миновать начальную фазу развития капитализма с ее острыми противоречиями⁷. Указанная выше концепция фабианского общества была сформулирована в связи с событиями англо-бурской войны (1899-1902 гг.) и изложена в известном памфлете Дж. Бернарда Шоу⁸.

Ведущие интеллектуалы фабианских социалистов не могли не откликнуться на новые настроения в стране, возникшие после начала мировой войны. Создавать проекты, направленные на исправление кризисов и выход из конфликтов – это был типичный для фабианцев начала XX в. стиль деятельности. В английском обществе, как уже говорилось, начались дискуссии о возможных вариантах выхода из войны и контурах будущего мирового порядка. В конце 1915 г. признанный идейный лидер фабианцев Сидней Уэбб обсудил эту проблему с Дж. Бернардом Шоу. Было решено предложить Леонарду Вулфу подготовку специального доклада по вопросу о создании международной организации, способной стать гарантией устойчиво-

⁷ См.: Галкина Л. А. Указ. соч. С. 70-71.

⁸ *Fabianism and the Empire: A Manifesto by the Fabian Society / Ed. by G. Bernard Shaw.* L., 1900.

сти нового миропорядка. Дж. Бернард Шоу нашел спонсора проекта. Пацифист, квакер, Дж. Роунтри согласился заплатить Л. Вулфу 100 фунтов, неплохой по тем временам гонорар за памфлеты такого рода ⁹.

Текст доклада был подготовлен быстро. Исходя из традиционного фабианского прагматизма, С. Уэбб считал, что если война уже началась, она должна быть доведена до победного конца. Симпатии фабианцев были, разумеется, на стороне союзных держав Антанты. Памфлет Вулфа был выдержан в антигерманской и антиавстрийской тональности. Фабианцы не требовали в 1915 г. от правительства немедленных переговоров о мире, а предложили своим лидерам план будущего мирного урегулирования. В соответствии с испытанной временем фабианской традицией план был построен на анализе истории международных отношений. Общие выводы Вулфа звучали довольно оптимистично. Он подчеркивал, что количество международных конференций в XIX в. росло, а их роль в предотвращении войн и решении спорных вопросов была все более действенной. Следовательно, - делал вывод Л. Вулф, - пришло время создать новую постоянную международную структуру, напоминающую успешные конференции XIX в., в которой будет господствовать арбитраж, основанный на международном праве. Международное право развивалось, по мнению Вулфа, по мере расширения контактов между государствами и создания прецедентов решения тех или иных споров.

Л. Вулф не ограничился заказанным коротким памфлетом и продолжил в 1915–1916 гг. изучение проблемы. В результате он написал еще две части работы: о существовавших формах международной кооперации (под заглавием «Международное правительство») и, в соавторстве с С. Уэббом, – «Проект договора о создании наднациональной власти». Все тексты Л. Вулфа были опубликованы в книге под одной обложкой в 1916 г. под названием «Международное правительство» ¹⁰.

⁹ Woolf L. Beginning again: An Autobiography of Years 1911 – 1918. L., 1964. P. 183.

¹⁰ Woolf L. The International Government: Two Reports. L., 1916.

1916 г. оказался богатым на события как на фронтах войны, так и в политической жизни Британии. Еще в 1915 г. выяснилось, что в позиционной войне союзники не имели превосходства над Германией и Австро-Венгрией. Теперь все засело от правильного расходования ресурсов, снабжения армий, организации финансовой системы и промышленного производства. Однако в тылу росло недовольство разных слоев населения усилившимися тяготами войны, отсутствием побед и каких-либо перспектив ее окончания. Это в свою очередь усиливало определенное давление на всех британских политиков независимо от их партийной принадлежности. Главным рецептом сохранения репутации был популизм и желание, обращаясь к обществу, говорить то, что оно хотело услышать: обещание скорой победы, вменяемые сроки окончания войны и опора на новые ресурсы, которые помогут завершить бойню. В этих обстоятельствах практически все политики обсуждали необходимость обращения к США за поддержкой. Вступление в войну США должно было помочь союзникам склонить Германию к капитуляции.

Как подчеркивали многие историки, власть в Великобритании была разделена во время войны между либералами, связанными с интересами финансовых кругов и Лондонского Сити, грезивших о сохранении ведущей роль Британии в мировых финансах, и консерваторами, опиравшимися больше на поддержку промышленности. Обе группировки были настроены на продолжение войны, на победу, несмотря на то, что это могло означать послевоенное финансовое партнерство с Соединенными Штатами и ослабление роли как британского финансового сектора, так и промышленного производства. Хотя это описание групп интересов Великобритании выглядит достаточно упрощенным, но все-таки оно верно отображает ситуацию осени 1916 г. Например, Д. Ллойд Джорджа историки причисляли к группировке, выражавшей в политике интересы финансовых кругов Лондонского Сити ¹¹.

К 1916 г. все проблемы образования Лиги, обсуждавшиеся в Британии, были так или иначе связаны с вопросом о

¹¹ Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970. С. 182-183; Yearwood P. J. Guarantee of Peace. P. 29.

вступлении США в войну на стороне союзников. Примечателен в этом отношении случай Д. Ллойд Джорджа, который не только вышел за рамки своих полномочий министра вооружений военного кабинета, но и ослабил позиции министра иностранных дел Э. Грея. 28 сентября 1916 года Ллойд Джордж дал интервью американскому корреспонденту, которое стало известным под наименованием «Удар нокаутом». Текст был напечатан на следующий день в «Таймс». Название за этой публикацией закрепилось в обществе потому, что Ллойд Джордж использовал простую уличную лексику и спортивные выражения, принятые среди любителей бокса. По его словам, Британия могла и дальше продолжать войну одна. Она «не склонна останавливаться из-за визга немцев или всего произносимого в пользу немцев, вероятно из лучших, но ошибочных побуждений их сторонниками и гуманистами». Однако, президент Вильсон, по мнению Ллойд Джорджа, должен «врезать», чтобы остановить войну. «Среди союзников нет предателей». Война не будет продолжаться двадцать лет, как наполеоновские войны, однако, сколько она потребует времени, столько и будет потрачено для победы. «Никогда снова» стало общественным девизом, а это требует создания Лиги¹². Э. Грейю пришлось на следующий день выступить с заявлением и дезавуировать слова Д. Ллойд Джорджа.

Однако министру иностранных дел необходимо было дать более подробные объяснения и по вопросу переговоров о вступлении США в войну, и по проблеме создания Лиги Наций. 23 октября 1916 г. Э. Грей встретился с представителями зарубежной прессы в Лондоне. В своей речи Грей попытался объяснить свою позицию по вопросам мирного урегулирования и гарантий неповторения большой войны в Европе. По мнению Грея, «лучшая работа, которую могут сделать нейтральные государства в данный момент – выработка условий заключения такого соглашения между нациями, которое будет предотвращать подобную войну, каковая идет сейчас... Если бы нации были объединены заранее договором, и решительно настаивали в июле 1914 г. на том, что конфликт должен быть передан на решение международной Конференции или в Гаагу (Междуна-

¹² The Times. 1916. 29 September.

родный суд), войны бы не было»¹³. Грей подчеркивал, что в Соединенных Штатах поддержка различными уважаемыми людьми идеи Лиги действительно выросла. Однако создание Лиги было необходимо, по мнению Грея, не с целью вмешательства в отношения воюющих стран, а с целью получать готовую Международную ассоциацию после этой войны, и которая должна сыграть свою роль в обеспечения мира в будущем. Э. Грей подчеркнул: несмотря на то, что у британцев мало времени, чтобы самим выдвигать подобные идеи, в то время как они ведут борьбу на фронте, на такую работу в нейтральных странах все должны смотреть с надеждой¹⁴. Иными словами, министр иностранных дел Великобритании подтвердил еще раз позицию большей части правительства: сначала необходимо добиться победы, а все дискуссии о Лиге Наций отложить до заключения мира. По мнению Э. Грея, только после победы можно создать организацию, которая смогла бы воспрепятствовать развязыванию новой войны.

Э. Грей не совсем точно описал положение с отсутствием времени у британцев, чтобы поразмышлять о создании Лиги. Время было не только у фабианских активистов, но и у высокопоставленных правительственных чиновников. Влиятельный консервативный политик, заместитель министра иностранных дел Р. Сесил написал в 1916 г. специальную памятную записку о ЛН. В этом документе он поддержал мнение Э. Грея по вопросу о времени создания ЛН. Р. Сесил утверждал, что организация может быть построена только после окончания войны. Но он отошел от общей позиции с Э. Греем в одном важном аспекте. В то время как министр иностранных дел настаивал на приверженности силе и стремлении довести войну до победы даже в одиночку, Сесил хотел облегчить участие Соединенных Штатов в войне. Вместе с тем, он не хотел, чтобы в будущей Лиге США занимали слишком большое место и заслоняли собой Британ-

¹³ A Speech by The Rt. Hon. Viscount Grey of Fallodon, Secretary of State for Foreign Affairs, Addressed to the Representatives of the Foreign Press in London, on the 23rd October, 1916. L., 1916. P. 12.

¹⁴ Ibid. P. 13.

скую империю¹⁵. Сесил подчеркивал, что лишь немногие страны будут участвовать в наведении порядка в мире после войны и наказывать применением оружия другие государства за отказ передать конфликт на международную конференцию. Он предложил вместо этой, по его мнению, сложной схемы, использовать средство финансовой блокады, поддержанное мощью военно-морского флота (нет нужды говорить, что британского). Эти меры «будут оказывать значительное давление на непокорную страну без риска чрезмерных полномочий, используемых державами». В частности, Сесил, который был ответственным за применение различных методов блокады в военном кабинете, хорошо понимал значение экономических интересов государства, и подчеркивал, что Америка не будет «воевать в европейском конфликте, если ее непосредственные интересы не затрагиваются, однако, она не отказалась бы присоединиться к организации, которая применяла бы экономические меры для сохранения мира»¹⁶. Высказываясь в другом контексте, Сесил указывал на великую силу коммерческой блокады и предлагал, независимо от условий будущего мира, продолжать «эти коммерческие методы» до тех пор, пока «все не придет в хорошее состояние» это «будет очень эффективным»¹⁷. Очевидно, он имел в виду послевоенную мировую экономику.

Меморандум Р. Сесила был известен в министерстве иностранных дел, однако непосредственное влияние этого текста, как представляется, было крайне незначительным. Фактически, шеф Р. Сэсила Э. Грей не обращал на него внимания до весны 1917 г., то есть за несколько месяцев до того, как он покинул свою должность. Единственный чиновник, который познакомился с текстом, был сотрудник министерства, известный дипломат Айра Кроу. Правда, репутация А. Кроу с началом войны была сильно подмочена, поскольку его мать и жена были уроженками Германии, и его в 1914-1915 гг. подозревали в нелояльности, но все же должности не лишили.

¹⁵ Yearwood P. J. *Guarantee of Peace*. P. 25.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

Сильной стороной А. Кроу была подготовка больших и качественных служебных записок. В министерстве иностранных дел он отвечал за экономический отдел, который расширил во время войны полномочия за счет включения департамента блокады, а этой же областью деятельности, как уже говорилось, занимался и Р. Сесил.

А. Кроу в ответной записке на меморандум Р. Сесила согласился, что некоторое значение в Лиге имеется. Она гарантировала бы, по его мнению, послевоенный территориальный статус-кво и требовала передачи споров на международную конференцию¹⁸. Суждения Сесила и Кроу сходились в том, что Лига будет уменьшать вероятность войны, но не сможет полностью предотвратить ее. Сесил был очень доволен реакцией коллеги на его текст и написал на полях записки А. Кроу, что он не мог бы «требовать больше, чем это».

Тем не менее, между А. Кроу и Р. Сесилем были разногласия. Р. Сесил считал, что, независимо от условий мирного урегулирования, любой мир будет содержать возможные семена будущего конфликта. Решение этой проблемы возможно лишь путем тщательной корректировки территорий и границ, это могло быть важной функцией Лиги, и действительно основной причиной, говорившей в пользу ее создания. А. Кроу придерживался мнения, что Лига будет лучше функционировать в качестве системы гарантий, с консервативным уклоном в сторону политики реализма, а не «как двигатель развития и целенаправленных усилий к достижению прогресса». Поэтому Лиге пришлось бы основываться на том территориальном урегулировании, которое уже существовало, а не на организации *ad hoc*. А. Кроу сомневался, что все участники международных отношений могли признать новое пограничное размежевание как справедливое, а Лига не сможет достичь много там, где присутствовали жизненно важные интересы и противоположные позиции, защищаемые сильными странами против слабых¹⁹.

Неудивительно, что в контексте этих разногласий между ответственными чиновниками министерства Э. Грей занял в

¹⁸ Ibid. P. 26.

¹⁹ См.: Yearwood P. J. *Guarantee of Peace*. P. 26-27.

1916 г. позицию, которую описывали словами: «Министр иностранных дел тянет время перед лицом главных решений»²⁰. Вместе с другими факторами это предопределило падение в декабре 1916 г. кабинета Г. Асквита. Новым премьер-министром становится Д. Ллойд Джордж.

Следовательно, взгляды правительства и различных обществ и партий, пропагандировавших создание Лиги, существенно разошлись в 1916-1917 гг. Последние требовали создать международный орган немедленно, или как часть структуры мирного урегулирования. В правительстве Великобритании видели совершенно иную перспективу международной организации, но признавали ее создание необходимым для вовлечения в войну США и укрепления трансатлантического союза.

Хотя Л. Вулф и другие лейбористские мыслители не имели значительного влияния на правительство, тем не менее, работа, проделанная фабианским обществом, была встречена со вниманием всеми, кто размышлял над этими проблемами. Общественные деятели и чиновники правительства действовали параллельно, но в общем направлении. Один из исследовательских центров, группа под руководством либерального политика лорда Брайса, профессора права в Оксфордском университете, и бывшего посла Великобритании в США, обнародовала в 1917 г. свой план создания международной организации. По отзывам специалистов, многие положения этого документа были очень близки проекту Л. Вулфа²¹. Идеи Л. Вулфа встречались в памфлетах, опубликованных другой известной организацией, «Обществом Лиги Наций»²².

Президент В. Вильсон еще раз официально поддержал концепцию Лиги Наций после вступления США в войну в апреле 1917 г. Правительство Великобритании вынуждено было показать свое позитивное отношение к идее создания Лиги.

Тем временем в Лондоне многие политики чаще стали связывать создание Лиги Наций с победой в войне. Например, лорд Керзон заявил в марте 1918 г. в частном разговоре, что все

²⁰ Ibid. P. 29.

²¹ Wilson D. Leonard Woolf: A Political Biography. L., 1978. P. 83.

²² Ibid. P. 86.

будет зависеть от того, как закончится война, если «предполагается создание Лиги Наций, то мы являемся победоносной стороной»²³.

Однако, в действиях британских официальных лиц в последние месяцы войны в 1918 г. стал заметным некоторый перепад в обсуждении проблемы ЛН и выработки политической линии по этому вопросу. По свидетельству историка Дж. Игертона, приближение конца войны и мирных переговоров в 1918 г. ставило в тупик сотрудников министерства иностранных дел Великобритании. Как в любом бюрократическом институте, чиновники не хотели обременять себя новой работой, а создание ЛН обещало принести слишком большие новшества в международные отношения. Английские дипломаты всегда подчеркивали, что верны традиционной политике реализма. Кроме того, министерство иностранных дел Великобритании не получало никаких прямых указаний от правительства по этому вопросу. Тревога сотрудников министерства была выражена в письме от 22 ноября 1918 г., направленном генералу Я. Х. Смэтсу, члену военного кабинета от Южно-Африканского Союза²⁴. Я. Х. Смэтс был сторонником укрепления позиций Британской империи после войны по всем направлениям, включая создание Лиги. Он постарался восполнить пробел в политических наставлениях дипломатам и написал в декабре 1918 г. свой знаменитый памфлет «Лига Наций. Практическое предложение»²⁵. К этому моменту Я. Х. Смэтса уже включили в состав делегации Британии по мирному урегулированию, и его текст воспринимался не только как личное мнение члена правительства. Позднее на Версальской мирной конференции лорду Р. Сесилу и Я. Х. Смэтсу и было поручено представлять интересы Британской империи по вопросу о ЛН.

В предисловии к брошюре Я. Х. Смэтс отмечал, что дискуссия о Лиге проходила в основном среди ученых. Это замечание стало косвенным подтверждением того, что Я. Х. Смэтс по-

²³ Yearwood P. J. Guarantee of Peace. P. 70.

²⁴ Egerton G. Great Britain and the Creation of the League of Nations. Chapell Hill, 1976. P. 94.

²⁵ Smuts J. C. The League of Nations: A Practical Suggestion. L., 1918.

знакомился с самыми значительными публикациями по вопросу, подготовленными Л. Вулфом и другими авторами. В целом, взгляды Смэтса перекликались с идеями Р. Сесила. Например, Смэтс так же, как и Сесил, настаивал на том, что «Лига не может доказать свою успешность, если в качестве последнего средства для поддержания ее решений не будет применяться сила»²⁶. Некоторые предложения о сокращении вооружений, выдвинутые в меморандуме Смэтса, вызвали споры в военном кабинете. В министерстве иностранных дел их посчитали опасными и слишком амбициозными²⁷. Однако в целом текст записки был признан полезным.

Чиновники Британского министерства иностранных дел обрели, наконец, рекомендации, когда получили брошюру Я. Смэтса, в которой содержался, кроме прочих предложений, план организации нового органа – международного секретариата, также предложенный ранее фабианцами. Кроме того, лорду Р. Сесилу было поручено возглавить специальную правительственную группу по созданию английского плана образования Лиги Наций. При подготовке предложений Британии на мирную конференцию в Париже Р. Сесил опирался на памфлет Я. Смэтса и меморандум о ЛН, написанный сотрудником министерства иностранных дел А. Зиммерном, который в опубликованной позднее книге признавал, что многие аспекты фабианского плана создания международной организации имели практическую важность. Он особенно подчеркивал мастерски выполненный Л. Вулфом анализ деятельности существовавших международных административных агентств²⁸.

Фабианское общество, заложив основы создания Лиги Наций, попыталось оказать помощь своему правительству при решении еще одного деликатного вопроса. Речь идет о судьбе бывших германских колоний в Африке и бассейне Тихого океана, а также ближневосточных владений Османской империи. Англия и Франция в ходе военных действий завоевали при помощи доминионов и Индии германские колонии и владения

²⁶ Ibid. P. 54.

²⁷ Yearwood P. J. Guarantee of Peace. P. 103.

²⁸ Wilson D. Leonard Woolf: A Political Biography. P. 90.

Турции. Известный 5-й пункт программы мира президента В. Вильсона («14 пунктов Вильсона») предлагал решение колониальных споров на основе принципа суверенитета и учета интересов населения колоний там, где это было возможно. Предложение президента США не вызвало энтузиазма у правительства Великобритании, которое, впрочем, ссылалось на позицию правительств своих доминионов, не желавших отдавать завоеванные у Германии территории по соображениям безопасности. Вопрос о бывших германских колониях и арабских провинциях Турции к концу войны приобрел характер международного спора.

В англоязычной мировой прессе в 1918 г. широко обсуждалась декларация Лейбористской партии о целях войны, принятая в декабре 1917 г. Одним из главных предложений лейбористов была передача всех немецких колоний в Тропической Африке и арабских областей Турции под международный контроль «наднациональной» (*supernational*) Лиги Наций. При этом, в декларации предусматривалось, что при передаче власти в колониях новым державам необходимо учитывать интересы народов, проживавших в этих странах, охранять туземное население от эксплуатации, оберегать их племенные традиции, а все налоги и доходы, собранные на подопечной территории, тратить на ее развитие²⁹. Вслед за этой резолюцией были опубликованы трактат Р. Хаукина «Центральная Африка и Лига Наций»³⁰ и книга Г. Уэллса «Четвертый год, в ожидании мира»³¹.

Напомним, что тактика фабианцев заключалась в ожидании постепенных перемен. Не была исключением фабианская линия и в отношении Лиги после создания организации как части Версальской системы. Члены общества избегали прямой критики Лиги, а многие из них активно работали в Союзе Лиги Наций, общественной организации, созданной в Великобритании для поддержки женевого эксперимента. Ее долгое время воз-

²⁹ League of Nations. A. 25. 1945. VI.A. 1. The Mandates System. Origin – Principles – Application. Geneva, 1945. P. 14-15.

³⁰ Hawkin R. C. Central Africa and the League of Nations // Fabian Tract No186. L., 1918.

³¹ Wells H. G. In the Fourth Year: Anticipation of a World Peace. L., 1918.

главлял Р. Сесил. Фабианские теоретики в своих работах о Лиге Наций высказали ряд продуктивных идей, однако лишь небольшая часть их предложений была услышана в Женеве. Это лишь один раз показало, что между доктринами пацифизма и реальной политикой лежало немалое пространство, которое не захотели или не смогли пройти политические и государственные деятели, руководившиеся национальным эгоизмом, а не концепцией взаимозависимости стран мира и коллективной безопасности, которую пропагандировали фабианцы.

Итак, формирование британской политики в отношении Лиги Наций в 1914-1919 гг. протекало в достаточно интенсивных дискуссиях, которые шли как в обществе, так и в правительстве. Общественные деятели, публицисты и правительственные чиновники во многих вопросах обсуждения планов, связанных с Лигой, действовали параллельно и высказывали сходные идеи и предложения для проведения реальной политики. Это позволило в итоге выработать достаточно гибкий рабочий проект создания Лиги, с каковым британская делегация приехала на Парижскую мирную конференцию. Детали этого проекта зависели от дальнейшей многосторонней дипломатии и нуждались в существенной доработке в практическом плане. Однако главные приоритеты были сформулированы достаточно ясно: при создании международной организации придерживаться реальной политической линии, защищать интересы всей Британской империи, поддерживать трансатлантический союз, выкованный с таким трудом в годы войны, опираться в ходе конструирования нового мирового порядка на США, сдерживать Францию в слишком больших амбициях, связанных с созданием Лиги, и ее попытках использования ЛН для возведения «карфагенского мира» для Германии. Ход конференции и последовавшие за ней события показали, что не все эти цели были полностью реализованы.

Ньюитт М.

**Наполеоновские войны
и эволюция стратегии Великобритании
на Пиренейском полуострове
во время Второй мировой войны**

Во время Второй мировой войны стратегическое мышление в Великобритании в том, что касалось Пиренейского полуострова, имело глубокие корни в эпохе наполеоновских войн.

В 1940 г. над Британией нависла угроза с европейского континента, оккупированного Германией, в числе союзников которой, по крайней мере, номинально, был и Советский Союз. В такой ситуации позиция Испании и Португалии приобретала огромное стратегическое значение. Если бы две пиренейские державы вступили в войну на стороне Германии, британские позиции в Средиземноморье становились беззащитными, а атлантическое побережье Португалии и стратегически важные Азорские острова и острова Зеленого Мыса давали Германии решающее, возможно, неоспоримое преимущество в ведении военных действий в Атлантике.

Ситуация, с которой Британия столкнулась в 1940 г., очень напоминала то, что произошло в июле 1807 г., когда царь Александр I и Наполеон подписали Тильзитский договор, а британские дипломаты и политики хорошо знали историю. В марте 1940 г. английский посол в Лиссабоне сэр Уолфорд Селби (Selby) писал государственному секретарю по иностранным делам: «Я полагаю: было бы полезно, если бы я попытался рассмотреть ситуацию, в которой мы теперь оказались в Португалии, и которая, по моему мнению, имеет разительное сходство с событиями, предшествующими Аустерлицу и заключению Тильзитского мира»¹. События начала XIX века на протяжении

© М. Ньюитт, 2013

¹ National Archives (London), далее: NA. FO 371/24490 C5365/379/36 Sir W. Selby to Lord Halifax, Lisbon 25 March 1940.

всей Второй мировой войны постоянно служили Британии ориентиром в ее очень болезненных отношениях с Испанией и Португалией.

В начале войны Португалия и Испания объявили о своем нейтралитете. В Испании сильной была позиция тех, кто был настроен про-германски и помнил о той очень значительной помощи, которую Германия предоставила националистам во время гражданской войны. Тем не менее Франко проявлял осторожность в вопросе о союзе с Германией. В Испании его позиция не была безусловной и подвергалась опасности со стороны усилившейся про-германской группировки. Кроме того, испанская экономика была истощена. Испания зависела от импорта продовольствия и топлива и опасалась последствий британской морской блокады. Дэвид Экклс (Eccles), специальный посланник по вопросам военной экономики, в письме в Лондон сформулировал это грубо: «Немыслимого шанса, что полуостров выдержит блокаду достаточно долгое время и избежит от самой унижительной и трагичной капитуляции перед нашей морской силой», и добавлял: Франко рискует «погрузить свой народ в такую степень нищеты и отчаяния, что его имя будет вызывать в истории отвращение»².

Позицию Португалии лучше понять в сравнении с ситуацией 1807 г. Португалия владела большой богатой колониальной империей, из которой извлекала огромные доходы, но которая была очень слабо защищена и крайне уязвима для вторжения Испании. Безопасность Португалии и ее империи, начиная с 1662 г., базировалась на англо-португальском союзе, по условиям которого Британия обязалась защищать Португалию от нападения.

В марте 1939 г. Португалия и Испания подписали Пиренейский пакт, обязывающий каждую страну прийти на помощь другой в случае, если она подвергнется нападению. Подписав этот пакт, Салазар смог объявить, что Португалия в предстоящей войне сохранит нейтралитет.

² NA FO 371/24490 C6527 David Eccles to S. N. Stirling. Lisbon. 2 May 1940.

Британские военные аналитики не были уверены, какую позицию в отношении Пиренейского полуострова принять. Британский посол отмечал в марте 1940 г.: «Положение Португалии на выходе их Средиземноморья представляется мне столь же важным для нас в нынешний момент, как в тот час, когда сэр Артур Уэллсли (Wellesley) убедил кабинет в Лондоне послать дополнительные силы в Португалию»³. Многие говорили за то, чтобы рекомендовать Португалии нейтралитет. В Британии помнили катастрофические последствия решения Португалии вступить в Первую мировую войну на стороне союзников и ценили преимущества того, что Лиссабон останется открытым городом, где можно собирать информацию⁴. Более того, британцы полагали (как оказалось, правильно), что на Португалию можно давить, добиваясь предоставления преимуществ союзникам и в рамках ее нейтралитета – преимуществ, которые постепенно сделали возможным лизинг воздушной базы на Азорах в 1943 г.

Тем не менее внимательные к истории британские стратеги помнили, что последовало за португальской попыткой сохранить нейтралитет в 1805-1807 гг. В отчаянном торге за то, чтобы остаться вне войны, дон Жоао VI (тогда еще принц-регент) делал Франции уступку за уступкой и в конце концов согласился на требование закрыть лиссабонский порт для британских товаров. Тем временем Испания, управляемая Мануэлем Годоем, была вынуждена войти в союз с Францией, и летом 1807 г. это привело к возникновению плана аннексии Португалии и раздела ее между французами и испанцами.

В 1940 г. британцам было хорошо известно о тесных дипломатических контактах между Гитлером и Франко, кульминацией чего стала встреча в Хендае (Hendaye), во время которой

³ NA FO 37124490 C 5365/379/36 Sir W. Selby to Lord Halifax, Lisbon 25 March 1940.

⁴ NA FO 371/24489 C2261 Sir W. Selby to FO 6 February 1940. Содержит длинное описание отношений Британии с Португалией во время Первой мировой войны, подготовленное архивистом британского посольства Г. Б. Тэйлором (G. B. Taylor). Селби предупреждал: «Полезно, однако, помнить о различии мнений в правящих классах Португалии, когда Жано (Junot) занял Лиссабон в 1807 г.».

Гитлер пытался склонить Франко к вступлению в войну на стороне держав оси. Поступит ли Франко, как Мануэль Годой, и присоединится к немцам, и каковы будут последствия для Португалии, если он это сделает? В сентябре 1940 г. любопытное частное письмо поступило в Форейн Оффис; в нем было сообщено об информации, будто бы совет министров Франко обсуждал такую возможность, но отверг ее, потому что «присутствие немцев на испанской земле опасно и напоминает о предлоге для завоевания французами Португалии при Наполеоне»⁵.

В Лондоне обсуждались разные сценарии. Один из них включал давление на Салазара с тем, чтобы он вступил в войну на британской стороне прежде, чем произойдет любое нападение со стороны Испании, вызванном вступлением в войну Италии. В феврале 1940 г. Селби рассуждал, какие последствия это может иметь для Португалии: «Если правительство Его Величества решит ускорить дело... это вполне может... привести к падению доктора Салазара и его режима, но, смотря на историю наших отношений с Португалией и на основе нашего прежнего опыта, прежде всего в Пиренейской войне, у меня есть серьезные сомнения, что Португалия сможет сохранить стабильность, а ее правительство управлять страной без вооруженной интервенции Британии. Если это случится, то у меня мало сомнения в том, что многие в Португалии снова поддержат наше дело, и Португалии в 1940 г. придется повторить услугу, которую она, несомненно, оказала британскому союзнику в трудные дни 1807 г., когда, используя Португалию как базу, Великобритания удалось восстановить свои позиции в Европе. Возможно, при определенной перспективе британской военной помощи на местах возникнут органы власти, которые призовут к британскому вмешательству, как это было, я полагаю, с правительством мистера Каннинга в вопросе высадки сэра Артура Уэллсли. Португальский посол в Лондоне может быть вынужден

⁵ NA FO 371/24494 C11168 Mrs A. L. Amato Pace to John Bartlett (solicitors) Praia da Rocha 16 September 1940.

повторить то, что сделал его предшественник в дни Наполеона»⁶.

В мае Дэвид Эклс пояснял, что в Лиссабоне боятся близкого переворота против Салазара и что «испанских экстремистов (мобилизованных на границе в вооруженных автомобилях) могут «попросить» о помощи». Он добавлял: «Лиссабон охвачен парализующим страхом. Спокойствия нет ни в посольстве, ни за его стенами; единственное исключение – бюст герцога Веллингтона. Его спокойный образ стал моим лучшим другом». Он утверждал: «У португальцев нет вооружения и (возможно, за исключением Салазара) мужества. За какое-то время мы сможем снабдить Португалию оружием; это не меняет того, что в ближайшем будущем ей надо позаимствовать мужество у других. Наша очевидная обязанность, основанная на традиции и собственном интересе, состоит в том, что мы должны передать ей храбрость, в которой она нуждается... Герцогу Веллингтону – он смотрит на нас с заразительной уверенностью – потребовалось долгое время, чтобы убедить правительство Его Величества начать пиренейскую кампанию. Он твердо знал, что нам не следует спрашивать португальцев, а навязать им наше решение»⁷. Все это дополняло аргументы за начало, скорее рано, чем поздно, военной интервенции в Португалию. Преимущества такого решения были изложены Селби, который считал, что пяти дивизий будет достаточно, чтобы обезопасить Португалию от внезапного нападения. Действия британской армии за пределами Португалии заставят Франко воздержаться от присоединения к оси и обеспечат альтернативные базы в случае, если Гибралтар не удастся защитить⁸.

Тем не менее, долгое время принималось во внимание, что Салазар никогда не вступит в войну до тех пор, пока Брита-

⁶ NA FO 371/24489 C3045 Sir W. Selby to Sir O. Sargent, Lisbon 20 February 1940. Португальским послом в Лондоне во время Пиренейской войны был Домингос де Соа Каутинхо (Domingos de Sousa Coutinho).

⁷ NO FO 371/24490 C6527 David Eccles to C. N. Stirling, Lisbon. 2 May 1940.

⁸ NA FO 371/24490 C6527 Sir W. Selby to Lord Halifax, Lisbon 2 May 1940.

ния не предпримет шаги к перевооружению португальской армии и не примет на себя защиту континентальной Португалии. В 1938 г., как и в 1805 г., британская военная миссия уже находилась в Португалии и пришла к выводу, что оборона территории страны со стороны континента невозможна. Как объяснял Селби, это и было основным препятствием к англо-португальскому сотрудничеству: «Португальцы выразились совершенно ясно, не оставив никакой возможности для недопонимания, что они не только ожидают со стороны правительства Его Величества защиты Португалии со стороны суши, но и обещания прислать определенное количество британских дивизий при возникновении любой угрозы для нее».⁹ В 1808 г., в начале Пиренейской войны, британцы расхотелись с португальцами по тому же вопросу: «Мы нашли жалобы [сэра Артура Уэллсли] на отношение португальского главнокомандующего, что [он] должен обеспечить португальские войска хлебом средствами своего интендантства, от чего он отказался, но выделил португальскому главнокомандующему “вооружение на 5 000 солдат с амуницией”. Но и это не обеспечило полного взаимодействия с португальцами, поскольку португальский главнокомандующий отказался принять ответственность за план военной кампании сэра А. Уэллсли»¹⁰. В мае 1940 г. Селби повторял, что «его твердое убеждение, сформированное не только аналогичным отношением португальцев во время Пиренейской войны, состоит в том, что мы не можем ждать сколько-нибудь значительного сотрудничества с португальцами до тех пор, пока не убедим их, что сможем обеспечить их защиту на земле, в море и особенно с воздуха, с португальских воздушных баз»¹¹.

⁹ NA FO 371/24490 C5365/379/36 Sir W. Selby to Lord Halifax, Lisbon 25 March 1940.

¹⁰ NA FO 371/24490 C5365/379/36 Sir W. Selby to Lord Halifax, Lisbon 25 March 1940. Проблема снова возникла в 1810 г., когда регенты Португалии потребовали, чтобы союзная армия приняла участие в военных действиях против французов на португальской границе, тогда как Уэллсли считал, что Португалию защитить нельзя, но можно защитить Лиссабон по линии Торрас Ведрас (Torres Vedras).

¹¹ NA FO 371/24490 C6527 Sir W. Selby telegram, Lisbon 6 May 1940.

Другой сценарий, казавшийся в то время более реалистичным, состоял в том, что немцы оккупируют Испанию и, как это было в Норвегии, устроят свержение Франко. В таких обстоятельствах нейтралитет Португалии не удержать. Что в этих обстоятельствах делать Британии? Снова потребовался опыт 1808 г. За союзом Наполеона с Испанией быстро последовало свержение с престола королевской династии Бурбонов и возведение на него в качестве короля Испании Жозефа Бонапарта. Восстание в Испании и намерение сопротивляться французам предоставило Британии возможность открыть фронт против Наполеона в 1808 г. В 1940-1941 гг. британские дипломаты не были уверены, что испанцы окажут немцам сопротивление, но если этого не будет, то и британское военное вмешательство будет невозможным. В декабре 1940 г. сэр Самюэл Хор, британский посол в Мадриде, писал: «Что касается вопроса об испанском сопротивлении в целом, и вероятности того, что они обратятся к нам, я несколько раз выражал мнение, что, как и в 1808 г., для получения поддержки испанцев, должно начаться испанское сопротивление, и мы должны вмешаться только по просьбе испанских сил сопротивления»¹².

Тем не менее, следовало ли Британии ждать завоевания немцами Испании? Германская атака на Лиссабон через Испанию затрудняла Британии своевременные действия. Так начали обсуждать идею, что Британия должна заранее получить во владение Азорские острова и острова Зеленого мыса. Это было то же, что решил сделать Каннинг в 1807 г., когда он направил войска, чтобы захватить контроль над Мадейрой (которую тогда рассматривали как стратегически более важное место, чем Азоры или острова Зеленого мыса), прежде чем началось завоевание Португалии французами. Такой упреждающий удар должен был предотвратить захват островов немцами. Даже предлагалось принудить Салазара согласиться с необходимостью этого и убедить перевезти португальское правительство на Мадейру или в одну из африканских колоний, как это сделал дон Жоао VI, пе-

¹² NA FO 371/24494 C13107 Sir Samuel Hoare to FO, Madrid, 3 December 1940.

ребравшийся в Бразилию в ноябре 1807 г.¹³ Однако против этого выдвигался аргумент, что любая британская атака на острова будет рассматриваться как агрессия и, без сомнения, подтолкнет Испанию к войне на стороне Гитлера.

В конце концов, британцы прислушались к Салазару, полагавшему, что он может убедить Франко сохранить нейтралитет, и что Германия не начнет интервенцию до тех пор, пока будет продолжаться снабжение ее вольфрамом из шахт Испании и Португалии. Это весьма беспокоило союзников, и США в особенности хотели осуществить сильное давление на страны Пиренейского полуострова, чтобы остановить поставки вольфрама. Тем не менее, вольфрам продолжал идти на экспорт почти до конца войны.

Салазар был прежде всего озабочен сохранением независимости Португалии и целостности ее колониальной империи. Его дипломатические маневры обнаруживают степень его озабоченности тем, что британская интервенция, будь то для защиты Португалии от испанского вторжения или предотвращения нападения немцев, станет предвестником введения парламентской демократии¹⁴ и потери независимости. И не без основания.

¹³ Британский посол в Лиссабоне в секретном меморандуме, отправленном в Лондон в декабре 1940 г., высказывал мысль, что Салазар готовится отправиться на Мадейру. NA FO371/24494 C13107. Sir W. Selby to FO. Lisbon 8 December 1940. В апреле 1941 г. новый британский посол в Лиссабоне сэр Роналд Кэмпбелл (Campbell) полагал, что это будут Азорские острова или «более вероятно, Ангола»; неделю спустя он сообщал, что правительство приняло решение не отправляться на острова, но посланник будет направлен для координации сопротивления в колониях. NA FO371/26793 C4244 Sir R. Campbell to FO. 24 April and 3 May 1941.

¹⁴ Лорд Харлеч (Harlech), в скором времени британский Верховный комиссар в Южной Африке, в марте 1940 г. после поездки в Португалию излагал как свою точку зрения, что в случае устранения Салазара «Португалия не обратится к демократии, а просто получит другого диктатора, возможно, не такого хорошего, как этот. Они испытывают тошноту [sic] к демократии, они католики, средневековые люди и 70% из них неграмотны. Монархисты не находят поддержки и не имеют шансов. 90% населения желает победы Британии, но не хочет демокра-

В памятной записке Форин Офис военному кабинету в апреле 1941 г. читаем: «Если предположить, что мы сможем захватить острова в Атлантике, отказ португальского правительства продолжить борьбу может в будущем не быть невыгодным для нас. Потому что этот отказ позволит нам распорядиться португальскими островами в Атлантике, как нам будет удобным; это также упростит нам ответ на пожелания правительства Содружества в отношении португальских колоний»¹⁵.

Салазар также высказывал крайнюю сдержанность по поводу идеи Черчилля о том, что послевоенное устройство должно подразумевать долю контроля над суверенными странами Европы, а США или Британия могут получить контроль над островами в Атлантике. По этой причине он противился посылке Британией гуманитарной помощи на острова Зеленого мыса во время голода 1941-1942 гг., полагая, что это завуалированная попытка аннексии. Именно чтобы обезопасить позиции Португалии, он предложил вступить в войну против Японии в ее финальные дни в 1945 г. Озабоченность Салазара, конечно, происходила из памяти о том, что случилось после наполеоновских войн. Тогда Португалии не был возвращен потерянный ею город Оливенца (Olivenca), а торговый договор заставил ее открыть порты Бразилии в качестве цены за британскую помощь, и прямо вел к независимости Бразилии и потере Португалией заморской империи.

(Перевод А. Б. Соколова)

тии и парламентского правительства и оно никогда не простит французов за пиренейскую войну или за поддержку красных в Испании». NA FO371/24490 C4441. Lord Harlech to Lord Lloyd 14 March 1940.

¹⁵ NA FO371/26793. Minute by Williams to War Cabinet 18 April 1941.

Ермаков А. М.

Образ Великобритании в нацистской пропаганде в годы Второй мировой войны

В исследовательской литературе высказывается мнение о том, что со времени основания империи Гогенцоллернов отношение немцев к Великобритании определялось комплексом «ненависть – любовь». Утвердившееся в Германии представление об Англии как образцовой стране было унаследовано национал-социалистами. Гитлер открыто восхищался Великобританией, призывал своих сторонников учиться у нее и «до самой смерти сохранял расположенность к англичанам»¹. В 1933-1939 гг. официальный образ Англии соответствовал действительным взглядам нацистского вождя, но после начала Второй мировой войны гитлеровскому правительству потребовалось сформировать образ англичанина как врага немецкого народа и Рейха. В настоящей статье предпринята попытка деконструкции образа Великобритании, создававшегося нацистской пропагандой в военные годы.

Как показывает анализ доминирующих пропагандистских лозунгов, конструирование образа британского противника прошло три этапа. Летом 1939 г. официальный Берлин упрекал Англию в «окружении» Германии и подстрекательстве к войне, а после начала вооруженного конфликта обвинил англичан в преступных способах ведения войны. Второй этап можно датировать летними месяцами 1940 г., когда после капитуляции Франции Великобритания превратилась в главного врага Рейха и немецкая пропаганда стала уделять особое внимание бомбардировкам немецких городов, осуществлявшихся британской авиацией. Третий этап наступил летом 1941 г. и характеризовался акцентом на сотрудничество Англии с Советским Союзом и ее

© А. М. Ермаков, 2013

¹ Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма. От британской к австро-баварской «расе господ». СПб., 2003. С. 30.

ответственности за проникновение большевизма в Европу. На фоне этой динамики в официальном нацистском образе Великобритании прослеживаются несколько констант, сохранявшихся в течение всей войны, - заявления о господстве в Англии plutократии и еврейства, об антагонизме между британским правящим классом и трудящимися, об исконной враждебности Великобритании к Германии и немецкому народу, о скверном национальном характере англичан.

Немецкая пропаганда обвиняла «английских поджигателей войны» и «еврейско-плутократический господствующий слой» Великобритании в *развязывании нового мирового конфликта*. Эта мысль содержалась в обращениях Гитлера к народу, партии и военнослужащим вермахта от 3 сентября 1939 г.² Уже 20 сентября американский корреспондент в Берлине У. Ширер записал в своем дневнике, что немецкий народ «в бешеном количестве» напичкан пропагандой, «утверждающей, что Англия - единственный виновник войны»³. Немцам внушали, что английские гарантии Польше, Румынии, Греции и Турции были проявлениями политики окружения Германии враждебными государствами, создания вокруг нее «железного кольца»⁴. Вступление Англии в новую мировую войну являлось «не только триумфом стародавней английской политики, в соответствии с которой надо было “нокаутировать” каждую конкурирующую великую державу на континенте, но и личным триумфом несокрушимого демагога Уинстона Черчилля»⁵. По словам министра народного просвещения и пропаганды Й. Геббельса, истинной целью Англии была не защита Польши, а «уничтожение гитлеризма», то есть Германского государства, возвращение

² См.: Der Großdeutsche Freiheitskampf. Reden Adolf Hitlers vom 1. September 1939 bis 10. März 1940. München, 1940. S. 31-39.

³ Ширер У. Берлинский дневник. М., 2012. С. 203.

⁴ Musch-Osten E. Einkreisung. Im Schatten König Eduards VII. Herrsching bei München, 1939. S. 46.

⁵ См.: Ziegler W. Wie kam es zum Kriege 1939? Leipzig, 1939. S. 53, 76.

Германии к тому состоянию, в каком она была после Вестфальского мира 1648 г.⁶

Нацистские пропагандисты доказывали, что обе мировые войны начались из-за экономических интересов Англии и что «конечная цель британской политики – диктаторское положение Великобритании над всеми народами Земли, британское мировое господство»⁷. Англия всегда вела только «грабительские и захватнические войны. Они постоянно ведутся с целью обогащения и отличаются непревзойденной жестокостью... Англия постоянно вела только грабительские и захватнические войны, она всегда была неразборчивой и беззастенчивой в выборе своих союзников. Англия шла и идет вместе с любым, кто поможет ей добиться победы, то есть добычи и приращения богатства»⁸. Обманутые союзники - поляки, норвежцы, французы, балканские народы - «служат ломовыми извозчиками для английской плутократии, капиталистического мирового порядка»⁹.

Еще до начала войны немецкая пропаганда была сориентирована на *демонизацию* Великобритании. 14 июля 1939 г. была опубликована статья Геббельса «Ответ Англии», в которой говорилось, что английская колониальная история дает множество примеров зверств Британской империи против беззащитных народов, работорговли, бомбардировок мирных городов. В ходе англо-бурской войны в концентрационных лагерях погибли 27 000 женщин и детей, а во время Первой мировой войны англичане осуществляли голодную блокаду Германии, жертвами которой стали сотни тысяч человек¹⁰. Английской голодной блокаде была посвящена отдельная брошюра Вернера Шеффера с характерным названием «Война против женщин и детей». Ав-

⁶ Goebbels J. Zeit ohne Beispiel. Reden und Aufsätze aus den Jahren 1939/40/41. München, 1941. S. 282.

⁷ Bähr H. Britische Propaganda. Berlin, 1940. S. 6-7, 22.

⁸ См.: Lehmann O. Die Psychologie des britischen Feindes // Offiziere des Führers. Die nationalsozialistische Monatsschrift der Wehrmacht für Politik, Weltanschauung, Geschichte und Kultur. 1944. H. 2.

⁹ Rein A. Die Wahrheit über Hitler aus englischem Munde. Berlin, 1940. S. 57.

¹⁰ Goebbels J. Zeit ohne Beispiel. S. 193-194.

тор доказывал, что это «неприкрытое преступление» было направлено на «уничтожение германской расы» и что «голодная блокада убила ¾ млн детей, женщин, стариков и помешала более 4 млн детей появиться на свет»¹¹.

Когда 3 сентября 1939 г. в Атлантическом океане был торпедирован и затонул английский лайнер «Атения», Геббельс выдвинул версию о том, что англичане сами пожертвовали «Атенией» с целью представить немцев преступниками в глазах всего мира. В инструктивных письмах нацистского министерства пропаганды утверждалось, будто «мысль потопить лайнер “Атения” пришла в голову Черчиллю, чтобы втянуть в водоворот войны и Соединенные Штаты». Германские пресса и радио на протяжении нескольких недель распространяли эту версию: «Совершенно исключено, чтобы немцы имели хотя бы косвенное отношение к гибели “Атении” по той простой причине, что фюрер категорически запретил любые нападения на пассажирские корабли». Гитлер лично распорядился поместить в «Фелькишер беобахтер» статью, в которой Черчилль был назван главным виновником трагедии¹².

В ноябре 1939 г. нацистская пресса обвинила Чемберлена и британскую разведку в покушении на Гитлера, совершенном немецким антифашистом Георгом Эльзером. «Попытка “покушения”, несомненно, настроит общественное мнение в пользу Гитлера и возбудит ненависть к Англии», - предсказывал американский корреспондент в Берлине У. Ширер результат этой пропагандистской шумихи¹³.

В еще большей мере для формирования образа британцев как кровожадных убийц нацистская пропаганда использовала бомбардировки немецких городов английской авиацией. Дневные и ночные налеты лишали людей покоя и душевного равновесия, отрицательно сказывались на работоспособности и настроениях населения. Жертвами английского, а с 1943 г. – англо-американского воздушного наступления пали, по разным

¹¹ Schaeffer W. Krieg gegen Frauen und Kinder. Englands Hungerblockade gegen Deutschland 1914-1920. Stuttgart, Berlin, 1940. S. 45.

¹² Рисс К. Геббельс. Адвокат дьявола. М., 2000. С. 234-235, 239.

¹³ Ширер У. Указ. соч. С. 229.

подсчетах, от 420 тысяч 1,1 млн человек. 7,5 млн немцев остались без крова, были разрушены уникальные старинные кварталы во многих немецких городах, уничтожены замечательные памятники архитектуры. Крайне негативный образ Великобритании, который стихийно складывался у немцев под воздействием бомбовых атак, умело подстегивался усилиями пропагандистов.

Немецкие города подвергались воздушным налетам с мая 1940 г., но сначала немецкие СМИ по указанию Геббельса хранили об этом молчание. Только 23 июля, после того как министр иностранных дел Великобритании лорд Галифакс отказался принять предложение Гитлера о заключении мира, в газетах Третьего рейха появились заголовки «Ответ Черчилля – трусливое убийство беззащитного населения!» Немцам сообщалось, что англичане ответили на мирное предложение фюрера усилением ночных бомбардировок по ни в чем не повинному гражданскому населению. Только теперь вся Германия узнала, что британские ВВС бомбят Бремен, Гамбург, Падерборн, Аахен и Бохум. От бомбардировок, согласно пропагандистской версии, пострадали одни только женщины и дети ¹⁴.

В ночь с 28 на 29 августа 1940 г. небольшое английское авиационное подразделение совершило воздушный налет на столицу Рейха, и Геббельс распорядился, чтобы пресса сообщала о «жестокости» английских летчиков, нападающих на беззащитных берлинских женщин и детей. В тот день все газеты вышли под одним заголовком: «Трусливое британское нападение». С тех пор такие статьи, как «Английские воздушные бандиты над Берлином», «Преступление британцев над Берлином», «Убийство детей в Бетеле - отвратительное преступление», «Умышленное убийство – это не война, господин Уинстон Черчилль!», «Британский остров убийц ощутит последствия своих преступных бомбардировок», «Новый акт ночного пиратства» и т.д., не исчезали из газет. В пропагандистском лексиконе Третьего рейха заняли прочное место понятия «воздушный террор», «бомбовый террор», «летчик-террорист», «террористические бомбовые атаки», «террористический воздушный налет», «убий-

¹⁴ Там же. С. 415.

ственный террор по отношению к немецкому народу», «террористические самолеты», «терроризирование гражданского населения», «бомбардировщик-террорист» ¹⁵.

Седьмого сентября 1940 г. было сделано официальное заявление Верховного главнокомандования вермахта, в котором говорилось, что «в ответ на британские налеты на Берлин сегодня вечером Лондон *впервые* был атакован крупными силами». В результате этой ответной атаки «одно огромное облако дыма простирается теперь от центра Лондона до устья Темзы». Заявление германского командования положило начало нацистской пропагандистской версии о том, что немецкие бомбардировки Британских островов являются ответом на английские авианалеты, «репрессалиями». «Альбион показал себя кровожадным зверем, которого германский меч уничтожит в интересах не только своего народа, но и всего цивилизованного мира, - писала «Berliner Börsen Zeitung». - Садистские угрозы британских апостолов ненависти сгинут в дыму своих городов». Впрочем, эти постоянно повторявшиеся утверждения быстро наскучили населению, и в немецкой столице получила хождение шутка, что, покупая вечернюю газету за десять пфеннигов, простой берлинец обращается к продавцу: «Дай-ка мне репрессалий на десять пфеннигов» ¹⁶.

Другой тезис официальной немецкой пропаганды гласил, что «Германия ведет войну чистыми средствами и по-рыцарски» - немецкие самолеты бомбят в Англии лишь военные объекты, в то время как «британские бандиты», «варвары» по личному приказу «жестокого преступника» Черчилля «атакуют одни только невоенные цели», убивают стариков, женщин и детей. В одной из берлинских газет говорилось даже о том, будто королевские ВВС получили приказ «истребить население Берлина» ¹⁷.

Британские авианалеты использовались нацистскими пропагандистами как доказательство того, что Англия не только является непримиримым врагом «бессмертной немецкой куль-

¹⁵ См.: Goebbels J. Der steile Aufstieg. Reden und Aufsätze aus den Jahren 1942/43. München, 1944.

¹⁶ Ширер У. Указ. соч. С. 486-487.

¹⁷ Там же. С. 442.

туры», но и «не имеет никакого отношения» к европейской культуре вообще. «Найдется ли в Англии композитор, которого можно сравнить с Бетховеном или Рихардом Вагнером?» – спрашивал Геббельс и продолжал: «Английские самолеты уже разрушили в Германии десятки театров, но в самой Англии нет ни одного настоящего театра»¹⁸.

В тех условиях, когда ни люфтваффе, ни ракеты «фау-1» оказались не в состоянии нанести городам Великобритании существенного урона, английские бомбардировки позволили гитлеровской пропаганде подтолкнуть население к самочинному возмездию пилотам, сбитым над Германией. Геббельс дважды, 28 марта и 4 июня 1944 г., одобрял «народное правосудие» над «англо-американскими убийцами». Летчики бомбардировочной и штурмовой авиации, которые стреляют в безобидных людей, заявил он, «ставят себя вне признанных международным сообществом законов войны». Полиция и вермахт не будут применять силу «против немецкого народа, когда он обращается с детоубийцами так, как они того заслуживают». Если вражеских пилотов не поведут на эшафот, а совершат расправу на месте, то «мы не будем проливать крокодиловы слезы», – говорил министр пропаганды¹⁹.

Одной из главных мишеней пропагандистов Третьего рейха стала *британская экономическая, политическая и культурная элита* – министры и депутаты парламента, крупные землевладельцы и промышленники, финансисты и любые «менеджеры», деятели культуры и журналисты. Кроме того, в соответствии с нацистской расовой теорией в состав правящего класса всех капиталистических стран входили евреи, представленные как банкиры-ростовщики. Гитлеровцы отрицали марксистское учение об общественных классах и избегали пользоваться термином «класс». В качестве обозначения верхушки британского общества, элиты в нацистском лексиконе использовались слова «руководящий верхний слой», «лорды», «джентльмены». Особенно часто в немецкой пропаганде применялся термин «плутократия», под которым в зависимости от контекста подразумева-

лись и форма власти, и политический режим, и сама верхушка британского общества. Термин «плутократия» был насыщен негативными коннотациями, он связывал английских политиков, предпринимательский класс, титулованную знать с еврейством. Статьи, брошюры, плакаты и радиопередачи изобиловали словами «английские плутократы», «лондонская плутократия», «господа плутократы из Лондона», «лондонские евреи и плутократы», «плутодемократия», «господа лорды и плутократы», «плутократическая клика», «британско-плутократический господствующий слой», «ненасытная плутократия». Образ британской элиты, растиражированный нацистской пропагандой в военные годы, строился на нескольких тесно взаимосвязанных тезисах.

Во-первых, именно на «еврейско-плутократический господствующий слой» Великобритании возлагалась вина за развязывание Второй мировой войны. Английская плутократия «хотела войны, она подготавливала ее, объявила и ведет ее сегодня. Никто не заинтересован в этом кроме нее одной. Она была нужна для сохранения безграничного господства капитала, и поэтому она началась», – писал Геббельс. Позднее он добавил, что английские плутократы «так запланировали нападение на Германию, чтобы за короткое время свергнуть национал-социалистический режим с помощью внутренней революции»²⁰. В одной из нацистских пропагандистских брошюр говорилось, что «вину за кровавое вооруженное столкновение несут презренные убийцы из рядов британской плутократии, мировое еврейство и надгосударственные финансовые тузы, образующие единый лагерь». Немцам внушали, что война – это месть английских плутократов «за немецкий социализм, за морские путешествия наших рабочих, право на оплачиваемый отпуск, создание организаций социального вспомоществования, обеспечение всех социальных потребностей, короче говоря, за крушение насильственного еврейско-капиталистического господства и построение государства социальной справедливости в Германии». Глубинной основой войны германская пропаганда называла «инстинктивную ненависть всех расово неполноценных к не-

¹⁸ Goebbels J. Der steile Aufstieg. S. 339, 342.

¹⁹ Цит. по: Peuschel H. Die Männer um Hitler. Düsseldorf, 1982. S. 61.

²⁰ Goebbels J. Zeit ohne Beispiel. S. 346, 257.

мецкому народу, его культурно-созидательному превосходству и его политической миссии»²¹.

Национал-социалисты противопоставляли немецкий «идеализм» и английский «материализм», который преподносился потребителям пропагандистской продукции как идеология «плутократов», навязанная всему британскому обществу. Ганс Бэр утверждал, что «самая низшая ступень, на которую может опуститься человечество, - это состояние, когда добывание денег превращается в главный принцип всей жизни. В политической сфере из этого вырастает плутократия, то есть господство денег. Богатый управляет, а бедный влачит существование без власти... В новейшей истории Англия, несомненно, является самым ярким примером подобной организации общества... Благодаря воле и действиям своего верхнего слоя Англия превратилась в плутократию»²². В журнале Союза немецких девушек говорилось, что на фронтах Второй мировой войны «молодому и созидательному миру» национал-социализма противостоит британский мир, «мир торговца, построенный на море крови»²³. Шестой отдел министерства пропаганды, отвечавший за репертуар театров, распорядился о постановке спектаклей, показывающих «вырождение» англичан, особенно пьес Бернарда Шоу, якобы подтверждавших тезис о том, что «британцы - это отъявленные лицемеры, погрязшие в плутократии»²⁴.

Во-вторых, в соответствии с инструкциями нацистского министерства пропаганды, разработанными в июле 1940 г., следовало вести полемическую кампанию против Великобритании, не подвергая нападкам английский народ, противопоставляя подлинные интересы английского народа «эгоистическим интересам правящего слоя, взвращающего на свою собственную нацию с надменным безразличием... Все разговоры должны сводиться к разоблачению и осуждению плутократов, в то время как сам на-

²¹ Bähr H. Op. cit. S. 85.

²² Ibid. S. 5-6, 12-13.

²³ Versammlungen der Jugend – Bekenntnis und Appel // Das Deutsche Mädel. 1940. Mai. S. 8.

²⁴ Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р. Йозеф Геббельс - Мефистофель усмеяется из прошлого. Ростов н/Д, 2000. С. 124.

род будет представляться в роли жертвы безудержной алчности ее правителей»²⁵. С этого времени немецкие газеты постоянно писали о том, что «английские плутократы не желают мира и разжигают войну, не принимая во внимание интересы своего несчастного народа и не советуясь с ним»²⁶. Английское либеральное и демократическое общество – это «общество, в котором небольшой верхний слой через тресты и концерны беспрятственно использует средние слои, рабочих и крестьян», препятствует продвижению по социальной лестнице одаренных, но небогатых людей. Таков «духовный фон буржуазной плутократии, топкая питательная почва надгосударственных сил еврейства и масонства, превративших Англию в свою резиденцию»²⁷.

Геббельс утверждал, что представители правящего класса Англии «утопают в роскоши» и разыгрывают из себя «великих социальных реформаторов», в то время как английский народ «влачит более убогую жизнь, чем в какой-либо другой стране. Народ каждый вечер спускается в шахты метро, просиживает там по 14 часов в грязи, нужде, навозной жиже, среди эпидемий и ждет чуда, которое обещали ему эти черчилли, либо с плачем блуждает по руинам Ковентри, Бристоля, Бирмингема или Шеффилда, охваченный только одной мыслью: как бы заполучить кусок хлеба и крышу над головой»²⁸. Нацистский министр пропаганды упрекал Черчилля в том, что тот «устраивал пиры в роскошных лондонских ресторанах», в то время как «британские газеты советовали голодающему народу заменять мясо морковью и картофелем в мундире»²⁹.

Постоянной мишенью для насмешек гитлеровской пропаганды служили состоятельные англичанки и англичане – «леды» и «джентльмены», что подчеркивало отличие немецкого народного сообщества от британского общества, расколотого на враждующие классы – простых людей, страдающих от постоянно растущей безработицы и нищеты, и «Society», то есть высший

²⁵ Цит. по: Рисс К. Указ. соч. С. 257.

²⁶ Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р. Указ. соч. С. 266-267.

²⁷ Bähr H. Op. cit. S. 12.

²⁸ Goebbels J. Zeit ohne Beispiel. S. 22-23, 282, 340.

²⁹ Ibid. S. 376.

свет. Тонкий верхний слой может позволить себе делать все, что ему вздумается, «его дети с малых лет окружены всем мыслимым богатством и с десяти лет должны уметь вести себя как маленькие дамы и господа. Для этого они живут во дворцах или крупных поместьях и посещают самые дорогие школы, такие как Итон, Харроу или Винчестер, ежегодная плата за обучение в которых доходит до 10 тысяч марок». Только учеба в таких школах дает право принадлежать к верхушке общества и высокомерно взирать на низшие классы. «Ясно, что эту роскошь может позволить себе менее 1% английского населения», остальные 99% не входят в «Society» и не являются «джентльменами». «Ни один ученик Итона не будет заниматься спортом вместе с мальчиками из этого слоя, ни одна дочь из хорошей семьи не будет играть с девочкой из семьи рабочих». В отличие от Великобритании, в нацистские детские организации принимают всех мальчиков и девочек, независимо от профессии и доходов их отцов³⁰.

Немецкая пропаганда подвергала осмеянию благотворительные начинания богатых британцев и их стремление во что бы то ни стало защитить свою страну: «На ежедневную игру в гольф теперь можно отправляться только с ружьем на плече. Это так хладнокровно, не правда ли? Это ружье прислоняют к какому-нибудь дереву, и если потом парашютист случайно вознамерится приземлиться на это поле для гольфа, то небрежно кивнут прислуге – принеси-ка мне ружье. Пиф-паф, и вот уже одним злым немцем меньше. Вот как джентльмен из Лондона представляет себе войну!», - с сарказмом писал нацистский журнал для девушек³¹.

Автор брошюры «Английский рабочий и его вожди» Альберт Вальтер заявлял, что британские плутократы продолжают войну, «которая уже ввергла миллионы английских рабочих в ужасную нищету». Лейбористские министры во главе с Эрнестом Бевином и не помышляют о том, чтобы отстаивать права рабочих. Их единственное стремление – помочь плутокра-

³⁰ Harms S. Zwischen Palästen und Elendsveierteln // Das Deutsche Mädel. 1940. April. S. 18.

³¹ Das Deutsche Mädel. 1940. Juli. S. 21.

там, которых нищета трудящихся не беспокоит ни в малейшей степени. Английские рабочие влачат свое существование в жалких трущобах, подданные империи в колониях – на Ямайке, в Индии и Африке - голодают. Именно в интересах плутократов, владельцев роскошных яхт осуществляется беспощадная эксплуатация цветных рабочих и детского труда в колониях. В то время как гитлеровская Германия строит «настоящий социализм», английские плутократы «думают только о том, как увеличить свои дивиденды»³².

В-третьих, полемический накал немецкой пропаганды обращался против негативных личностных качеств, которые приписывались английским «лордам», «джентльменам», «плутократам». Геббельс наделял их жестокостью, лживостью, ханжеством, лицемерием, высокомерием, бесчувственностью, цинизмом, пренебрежением к нормам приличия. Он неоднократно заявлял, что «нормальный европеец» не в силах понять их образ мышления. Представители британской элиты «являются евреями среди арийцев и принадлежат к тому сорту людей, которым надо выбить коренные зубы, прежде чем можно рассчитывать на разумный разговор с ними». В свою очередь, лондонские «плутократы» враждебно относятся к континентальной Европе, не понимают ее. «Для этого они слишком высокомерны, слишком необразованны и, пожалуй, слишком интеллектуально ленивы». Господствующий слой Великобритании, продолжал Геббельс, в течение всей своей истории общался только с колониальными народами, вся его политическая мудрость состоит только в том, «чтобы подчинять их... с помощью хитрости, коварства, лжи и насилия, завладеть их богатствами и сделать из этого, так сказать, систему политической морали». Те же мерки, утверждал нацистский министр пропаганды, британская правящая верхушка пытается применить и к европейским странам. Поэтому «мы относимся к британским плутократам с такой ненавистью и презираем их безграничное тупое высокомерие, их инертное мышление, их вызывающую раздражение флегматичность по отношению к заботам и интересам других народов, их ханжескую и

³² Walter A. Der englische Arbeiter und seine Führer. Berlin, 1941. S. 5, 6, 18, 22.

двуличную мораль, их настырность в распространении лжи и клеветы, которая превращена ими в своего рода политическое искусство»³³.

Нападкам пропагандистов Третьего рейха подвергались представители «ожидовевшего британского верхнего слоя» прошлых эпох: Т. Мор, Д. Рикардо, лорд Пальмерстон, Д. Ллойд Джордж, лорд Нортклифф, С. Родс, Г. К. Честертон. Ярлыки «лицемеров, лжецов и шулеров» были наклеены современным английским политическим и общественным деятелям: Г. Никольсону, архиепископу Кентерберийскому, Л. Хор Белиша, Р. Ванситарту, Н. Чемберлену, лорду Галифаксу, Н. Гендерсону, лорду Лотиану, лорду Бивербруку, К. Эттли, С. Криппсу, Д. Куперу. Жгучую ненависть Геббельс испытывал к выдающемуся представителю английской аристократии и политической элиты Уинстону Черчиллю. К концу 1939 г. немецкие газеты называли Черчилля не иначе как по инициалам - W. C. – «буквами, которые написаны на каждом ватерклозете в Германии»³⁴. Геббельс и его пропагандистский аппарат клеймили Черчилля как «подлого преступника», относящегося «к тому сорту ожесточенных и огрубевших плутократов, единственным жизненным идеалом которых являются деньги, сытая жизнь и, в лучшем случае, алкоголь»³⁵. Министр пропаганды Третьего рейха объявил Черчилля «образцовым экземпляром британской плутократии», за которым стоят финансовые дельцы Сити, евреи, «банкроты и авантюристы», вложившие капиталы «в прибыльный военный бизнес»³⁶. В своем дневнике Геббельс называл британского премьер-министра «скотиной»³⁷, а в газетных статьях пользовался эпитетами «друг евреев и покровитель плутократов», «выразитель интересов плутократической касты», «слон в посудной лавке», «толстый циник», «бездарность», «по-

³³ См.: Goebbels J. Zeit ohne Beispiel. S. 301, 304, 346.

³⁴ Ширер У. Указ. соч. С. 239-240.

³⁵ Goebbels J. Das eherne Herz. Reden und Aufsätze aus den Jahren 1941/42. München, 1942. S. 349.

³⁶ Goebbels J. Zeit ohne Beispiel. S. 347-348.

³⁷ Ржевская Е. М. Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 2004. С. 237.

литический и военный дилетант», «мастер лжи», «политический шарлатан», «политический хамелеон», «легкомысленный старый грешник», «поджигатель войны». Образ Черчилля как лжеца нашел отражение даже в кукольных спектаклях гитлеровских детских организаций – одним из часто появлявшихся персонажей наряду с Джоном Булем и Мистером Зонтиком (Н. Чемберленом) был Черчилль - Мистер Враль³⁸.

В-четвертых, на плутократию возлагалась вина за якобы антидемократический характер политической системы Великобритании. Аристократия в Англии, утверждал Герман Треффс, является единственным действующим лицом в политике. И консервативная, и либеральная партия состоят из представителей аристократии. Так как обе партии отстаивают интересы плутократии, то британские политические деятели переходят из одной партии в другую, не испытывая никаких угрызений совести. Только имея связи с правящими слоями, с аристократией, англичанин – будь то преуспевающий предприниматель, ученый или писатель – может добиться успеха на политическом поприще и стать депутатом парламента³⁹.

В статье «Англия и ее плутократы», опубликованной 5 января 1941 г., Геббельс утверждал, что английская система правления – это «плутократия, замаскированная под демократию». Плутократы пытаются создать видимость народовластия, а в действительности в Великобритании «правят деньги в самом широком смысле слова: собственность, земельные магнаты, бароны-шахтовладельцы, Сити и евреи. Они крепко держат в руках страну и всю империю. Для народа с целью маскировки они используют такие демократические правила игры, как парламент, выборы, свободное высказывание мнений, свобода и прессы и т.д. Но применение этих правил определяется только ими. Речь идет о нескольких дюжинах семей, обладающих сказочными богатствами. За ними стоит несколько больший слой буржуа-

³⁸ Kinz G. Der Bund Deutscher Mädels. Ein Beitrag über die außerschulische Mädchenerziehung im Nationalsozialismus. Frankfurt am Main, 1991. S. 255.

³⁹ Treffs H. Winston Churchill. Das Leben des Generalverbrechers der Weltgeschichte. Stuttgart, 1940.

зии, которая живет за счет кусков, брошенных со стола богачей, и широкая масса народа, существующая в неопишуемой бедности»⁴⁰.

В-пятых, еще одной отличительной чертой пропагандистского образа Великобритании военных лет было отождествление английской плутократии и масонства. Немцам сообщали о том, что Англия является родиной масонства – «антигерманского течения», исповедующего идеи Просвещения, толерантности и деизма. Масоны отстаивают «ложные» принципы прав человека, человеческого достоинства, гуманизма. Под влиянием масонских лож находятся английский королевский дом, дворянство, парламент и другие политические институты Великобритании. Масонами являются все ведущие слои нации: государственные деятели, политики и дипломаты, высшие командиры армии и флота, руководители торговли и экономики, капитаны индустрии и крупные коммерсанты, банкиры и биржевики, парламентарии, магнаты прессы, журналисты, адвокаты и духовенство, многие члены королевской семьи. Именно масонские ложи с их религиозной терпимостью несут ответственность за эмансипацию евреев, совершившуюся еще в конце XVIII в. В специальной брошюре говорилось, что в Англии насчитывается 5 000 дочерних лож с 400 тысячами членов, цель которых - мировое господство и уничтожение Германии⁴¹.

В-шестых, нацистская пропаганда внушала, что «руководящий верхний слой» английской нации «столетиями развлекался тем, что попирает ногами другие народы и всеми доступными средствами отнимал у них право на существование». Английская колониальная политика привела к тому, что слова о «европейской миссии» и «бремени белого человека» приобрели дурную репутацию во всем мире⁴². Британский верхний слой подчинил своему господству четвертую часть поверхности Земли не с помощью героических войн, а каперскими захватами кораблей, морским разбоем, треугольной торговлей, режимом ка-

⁴⁰ Goebbels J. Zeit ohne Beispiel. S. 359.

⁴¹ Dreyer S. England und die Freimaurerei. Berlin, 1940. S. 11, 19, 23, 55-56.

⁴² Biehl M. England als Wucherbankier. Berlin, 1940. S. 56.

питуляций, массовыми убийствами беззащитных людей, распространением ядов. Теперь поработанные народы в Ирландии, Индии, Южной Африке «и многих других местах» подвергаются беспощадной эксплуатации, у них отбирают все «до последнего гроша». Жертвами режима капитуляций и «ростовщического кредита» стали Ближний Восток, Турция, Египет, Китай, Индия, Мексика, Бразилия, Греция. В колониях Великобритании царит «немислимая нищета», но плутократия пытается «прикрыть преступления против человечества прекрасными речами и приговорными благородными мотивами»⁴³.

Следствием созданного нацистской пропагандой образа британской элиты была твердая уверенность в том, что правящий класс Великобритании обречен на поражение в борьбе с гитлеровским Рейхом: «Над Сити и его деньгами поднимаются тени краха. Господство денег рушится. Под своими руинами оно похоронит и буржуазную эпоху. Знак созидającego и творческого труда неудержимо, величественно и бурно поднимается на горизонте столетия. За ним следуют все молодые умы Земли. А впереди как знаменосец и передовой отряд идет немецкий народ, вступая в эпоху своих вечных побед»⁴⁴.

На официальный образ Великобритании в Третьем рейхе наложил заметный отпечаток нацистский *антисемитизм*, которым были пропитаны нацистская идеология и пропаганда. Гитлер, Геббельс, другие руководители германского государства и нацистской партии, авторы статей в периодических изданиях, книг и брошюр, художники-карикатуристы стремились убедить немцев в том, что Великобритания является «оплотом и средоточием мирового еврейства». Особенно часто в нацистской пропаганде повторялись несколько положений:

- Черчилль действует по указке евреев, они руководят британским правительством, экономикой, прессой и являются тем материалом, который скрепляет антигитлеровскую коалицию;

⁴³ Schaeffer W. Krieg gegen Frauen und Kinder. Englands Hungerblockade gegen Deutschland 1914-1920. Stuttgart, Berlin, 1940. S. 9-10.

⁴⁴ Bähr H. Op. cit. S. 9-10.

- существует духовная близость между англичанами и евреями: «Англичане, хоть и являются арийцами, но по сути очень близки к евреям», «еврейство, будучи народом торгашей, нашло в лице англичан достойного союзника»;

- евреи господствуют в парламенте, политических партиях, органах управления, судах, экономике, финансах, различных сферах духовной и интеллектуальной жизни Великобритании. Английский парламент – «в действительности не что иное, как еврейская биржа»;

- евреям покровительствуют в Англии видные представители правящего класса Д. Ллойд Джордж, О. Чемберлен, Р. Макдональд, С. Болдуин, С. Хор, Н. Чемберлен, У. Черчилль, лорд Галифакс, Э. Иден, Д. Купер. «В случае сомнения нужно каждого дворянина при отсутствии доказательства противного считать симпатизирующим евреям»;

- именно засильем евреев в Англии объясняется безработица, упадок сельского хозяйства, обнищание масс и рост заболеваемости, повальная увлеченность английской бедноты игровыми автоматами, моральное разложение, распространение левого радикализма и большевизма;

- Великобритании, где на 44 млн англичан приходится 1,7 млн евреев, грозит «расовое вырождение» и дегенерация вследствие смешения крови. «Ежедневно и еженедельно новые толпы иудеев устремляются в страну. Ничего не делается, чтобы воспрепятствовать смешанным бракам. Напротив, дворянство и руководящие круги являются особенно красноречивым свидетельством такого осквернения расы»⁴⁵.

На пропагандистский образ английского народа и национального характера англичан накладывали отпечаток как традиционные стереотипы, так и потребность руководства Третьего рейха в формировании «немецкого народного сообщества». В начале войны немцам внушали, что, во-первых, английский народ политически бесправен, рядовые граждане «имеют лишь свободу и право вместе быть безработными, голодать, существовать в условиях нерегулируемого падения ценных бумаг, восхищаться богатством богачей и молча переносить бедность бед-

⁴⁵ См., напр.: Aldag P. Das Judentum in England. Berlin, 1943.

няков»⁴⁶. Во-вторых, часто говорилось, что «раковой опухолью» Великобритании является пропасть между богатством одних и нищетой других. Для английской цивилизации типичны «ужасающие трущобы крупных городов, каких в Германии не было никогда, даже в ее самые жалкие времена, постоянная нищета крестьян и фабричных рабочих, недостаточное начальное образование, почти полное отсутствие социального обеспечения»⁴⁷.

В первые годы войны Геббельс не раз с некоторой долей симпатии высказывался о «природном упрямстве» и флегматичности британцев, их привычке «выносить удары судьбы»⁴⁸. Одновременно он называл англичан «евреями среди арийцев», трусливыми и помешанными на своем морском владычестве. Геббельс приписывал им «веру и непоколебимое убеждение в том, что господство Великобритании над миром является выражением высшего божественного мирового порядка. Тот, кто стоит на их пути при завоевании и обороне империи, безжалостно сбивается с ног. Если можно - по правилам игры, если же это не получается, то при случае - ударом ниже пояса». В конечном счете, нацистский министр пропаганды пришел к убеждению: «Англичане – вовсе не такой высокоразвитый, политически зрелый народ, каким они хотели бы выглядеть в глазах континента. Только в критические моменты своей истории они демонстрировали известный инстинкт необходимого и данного, но в иных случаях не показывали даже бледного представления о тех проблемах, которые двигают миром... Прославленная английская выносливость – это смесь хладнокровного жестокого цинизма руководящего слоя господ и тупоумной неподвижности широких народных масс»⁴⁹.

Сугубо негативная характеристика национального характера британцев давалась в брошюре Фридриха Хассона «Поли-

⁴⁶ Goebbels J. Zeit ohne Beispiel. S. 395-396.

⁴⁷ Schönemann F. England gegen Amerika. Eine geschichtlich-kritische Betrachtung. Berlin, 1940. S. 8.

⁴⁸ См.: Ржевская Е. М. Указ. соч. С. 238; Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р. Указ. соч. С. 181.

⁴⁹ См.: Goebbels J. Zeit ohne Beispiel; Goebbels J. Der steile Aufstieg.

тическая мораль Англии в свете собственных свидетельств». По мнению автора, для французов характерно тщеславие, для поляков – болезненное самомнение, а для англичан - *sant* (лицемерие, ханжество). «Этот возникший из английского национального характера, пропитавший подобно яду все их существо уродливый национальный порок давно приобрел негативную известность во всем мире. Самые выдающиеся английские умы всегда признавали этот порок и диагностировали его как смертельно опасную для самой Англии болезнь». Хассон обвинял в лицемерии Гладстона и Питта, Пальмерстона и Дизраэли (Хассон следует обычаю, принятому в нацистской пропаганде, и именуется не иначе как «еврей Бенджамен Израиль»), Чемберлена и Черчилля. Среди англичан, разоблачавших «лицемерие», в брошюре названы Р. Прайс, Т. Карлейль, Р. Бернс, лорд Байрон, Б. Шоу. Особенно по душе Хассону пришлись слова теоретика «арийского» превосходства, преклонявшегося перед Германией и немцами, - Хьюстона Стюарта Чемберлена: «Каждому англичанину с малых лет внушают, что его отечеству божьей милостью призвано господствовать над всем миром, и поэтому каждая совершаемая Англией в отношении других стран несправедливость, всякая измена, всякое ограбление, всякое нарушение договора в действительности есть только реализация этого права»⁵⁰.

Таким образом, нацистская пропаганда возлагала на Великобританию вину за развязывание Второй мировой войны, приписывала ей цели мирового господства, уничтожения национального немецкого государства и самого немецкого народа. Демонизации англичан служили многочисленные примеры бесчеловечной практики британского колониального господства, напоминания о голодной блокаде Германии в годы Первой мировой войны, кампании вокруг гибели теплохода «Атения» и покушения на Гитлера. Особенно активно для усиления негативных штрихов в официальном образе Великобритании, воспитания ненависти к ней использовались воздушные атаки английских ВВС на немецкие города. Английское правительство и лет-

⁵⁰ См.: Hussong F. *Englands politische Moral in Selbstzeugnissen*. Berlin, 1940.

чики преподносились как убийцы, немецкие авианалеты на Британские острова оправдывались как ответные меры, «варварские» английские методы ведения войны противопоставлялись «рыцарским» немецким, а линчевание британских пилотов превращало гражданское население в соучастника нацистских преступлений и укрепляло волю немцев сражаться до конца. Нацистская пропаганда формировала у немцев крайне негативные представления об английской элите. Верхушка британского общества обвинялась в беззащитной и беспощадной эксплуатации собственного народа и народов колоний, а парламентская демократия трактовалась как форма политического господства богатого меньшинства. «Плутократы», наделяемые всеми мыслимыми отрицательными личностными качествами, отождествлялись с масонами и евреями – врагами всего человечества. В качестве противника национал-социалистической Германии выступал не только британский «верхний слой», но и весь английский народ, «тупоумный», политически незрелый, наделенный природным лицемерием и помешанный на морском могуществе своей страны. Для гитлеровцев Великобритания была цитаделью «мирового еврейства», которое подчинило себе всю жизнь страны, из-за кулис руководит британской политикой и целенаправленно ведет английский народ к расовому вырождению. Этот образ врага способствовал формированию новой нацистской идентичности: гитлеровский Рейх, в противоположность Британской империи, преподносился как государство, основанное на принципах уважения прав и достоинства других народов, расовой чистоты, социальной справедливости и незыблемых моральных устоях, как оплот всей европейской цивилизации.

Купер Х.

Преподавание истории в британской начальной школе: внутренние противоречия и неразрешимые вопросы

Национальный образовательный стандарт по истории, уровни образования – базовый-1 (5-7 лет) и базовый-2 (7-11 лет), утвержден в 1991 г.

Национальный образовательный стандарт по истории был принят управлением общеобразовательной подготовки (DES – Directorate of Educational Services) в 1991 г.¹ и практически не претерпел изменений за это время, подвергаясь лишь незначительной коррекции. Избранное в 2010 г. коалиционное правительство консерваторов и либеральных демократов сегодня разрабатывает новый образовательный стандарт, утверждение которого должно состояться в 2014 г. Новый стандарт будет иметь иные цели, задачи, ценностные ориентиры, иные основополагающие принципы и иную структуру.

Цели, задачи и ценностные ориентиры

Действующий стандарт нацелен, прежде всего, на развитие личности и творческого потенциала ребенка, которое позволит ему успешно учиться, видеть и решать задачи, стремиться к новым знаниям, анализировать информацию, мыслить, задавать вопросы и делать выводы и - самое важное - делать это самостоятельно. В круг целей и задач стандарта также входит воспитание уверенных в себе и инициативных людей и ответственных граждан, которые способны понимать свою культуру и традиции, уважать традиции и культуру других и ценить преимущества этнокультурного своеобразия (самобытности).

Важность изучения истории при этом не вызывает сомнения: по мере формирования исторического мышления у учащихся появляется способность отвечать на серьезные вопросы, формируются умения оценивать факты, анализировать раз-

личные толкования исторического прошлого, приводить аргументы, дискутировать и высказывать собственные суждения.

Основополагающие принципы

Педагоги сходятся во мнении о том, что в условиях демократического общества абсолютно необходимо использование метода исторического исследования в курсе изучения истории. Это помогает детям осознать, почему не бывает «правильных» оценок исторических событий, а, напротив, есть множество точек зрения (концепций). Понимание этого позволяет, в конечном счете, избежать опасности политического манипулирования.

Структура и содержание

Для развития мыслительных навыков (критического мышления) на ранних стадиях изучения истории (уровни образования – базовый-1 [5-7 лет] и базовый-2 [7-11 лет]), национальный образовательный стандарт предписывает формирование у детей системы знаний, умений и навыков, лежащих в основе исторического мышления. В эту систему входят:

- знание хронологии исторических событий, осознание причинно-следственных связей, приведших к тем или иным изменениям, сходств и различий исторических периодов;
- понимание того, как и почему историческое прошлое получает различные оценки;
- умение задавать исторические вопросы и искать на них ответы, используя различные источники информации (свидетельства очевидцев, картины, фотографии, интернет-сайты, музейные коллекции и др.);
- способность структурировать и представлять результаты своих исследований в различных формах.

У детей младшего возраста (5-7 лет) эти умения и навыки рекомендуется развивать на заданном материале. Им может быть предложено исследовать, как те или иные события затронули их семью и близких, изучить «историческую» биографию известных соотечественников или выдающихся зарубежных деятелей, познакомиться с важными историческими событиями, произошедшими в Великобритании и за ее пределами, изучить особенности культуры и быта людей, живших в их родном краю или стране и т.д.

© Х. Купер, 2013

¹ History in the National Curriculum. L., 1999.

Дети 7-11 лет приобретают знания и умения, занимаясь краеведением, а также изучая отечественную, европейскую и всемирную историю.

В процессе разработки национального образовательного стандарта особое внимание уделяется тем его компонентам, которые позволяют учителям:

- выбирать темы и источники, наиболее соответствующие уровню подготовки и интересам детей;
- планировать занятия и учебные модули (блоки) исходя из конкретных задач по формированию специальных компетенций в области истории;
- осуществлять дифференцированный подход при распределении заданий;
- отслеживать результаты деятельности и оценивать работу учащихся, основываясь на собственных наблюдениях за их работой, опросах и анализе результатов их учебной деятельности. Действующий стандарт предусматривает оценивание учебной деятельности учащихся по широкой восьмилетней шкале, где каждый уровень снабжен своей системой дескрипторов, отражающей знания, умения и степень овладения материалом, включенным в программу.

Преимущества действующего образовательного стандарта

Впервые за все время разработки стандарта пришли к общему пониманию того, чему следует учить и как это нужно делать. Вот лишь несколько проектов, иллюстрирующих это:

- Инвестирование средств в проект непрерывного профессионального образования (подготовки, развития) учителей;
- финансовая поддержка проекта «История для начальной школы» со стороны некоммерческого фонда Наффилд;
- выпуск специальных пособий по истории для школы, в том числе «Преподавание истории» (для среднего звена общеобразовательной школы) и «Основы истории» для начальной школы;

- активное сотрудничество со школами музейных ассоциаций, картинных галерей и библиотек для повышения эффективности планирования и преподавания предмета;
- поддержка образовательных инициатив и индивидуальное консультирование педагогов сотрудниками комиссии и службы « Английское наследие»;
- издание большого числа книг, постеров, копий исторических артефактов и других средств наглядности;
- вовлечение в процесс родителей и представителей местной общественности и др.

Таким образом, успешному внедрению образовательного стандарта способствовала работа очень многих людей, трудившихся по разным направлениям. Научить детей всему, чему позволяет научить их действующий стандарт, невозможно, если они просто сидят за партой.

Оценка эффективности действующего стандарта представлена в ряде публикаций:

- «Дети, их мир, их образование: заключительный отчет и рекомендации по результатам проверки начальных школ экспертами Кембриджского университета»²,
- «История для всех»³,
- «Отчет об инспекционной проверке начальных школ специалистами Английской Исторической Ассоциации»⁴.

Отчет экспертов Кембриджского университета основан на результатах собственной тщательной проверки, отчетах, предоставленных соответствующими организациями, опросе более тысячи респондентов, а также на итогах встреч с учителями, родителями и учащимися. В публикации «История для всех» приведены данные, полученные в ходе инспекционной проверки 83 начальных школ, проводившейся в 2007-2010 гг. Автор публикации указывает на неуклонный рост требований к результатам обучения предмету, наблюдаемый с 2007 г., формулирует ос-

² Alexander R. Children, their World, their Education: final report and recommendations of the Cambridge Review. L., 2010.

³ History for All. L., 2011.

⁴ Historical Association Primary Survey. L., 2011.

новые проблемы, требующие решения, называет главные составляющие успеха в преподавании истории⁵. «Отчет об инспекционной проверке начальных школ специалистами Английской Исторической Ассоциации основан на результатах анкетирования, проведенного среди учителей начальной школы и дошкольных учреждений (foundation stage) (всего в анкетировании приняло участие 344 человека)⁶. Авторы всех трех публикаций приходят к одним и тем же выводам: почему необходимо изучать историю, каковы сильные стороны обучения предмету, какие аспекты преподавания истории еще предстоит совершенствовать и развивать.

Почему необходимо изучать историю?

Согласно отчету экспертов Кембриджского университета, дети любят историю, поскольку предмет дает им возможность активно включаться в учебный процесс⁷. Авторы ссылаются на единодушное мнение о том, что историю следует изучать потому, что она определяет национальную культуру, национальное сознание, самовосприятие. История заставляет извлекать уроки, необходимые настоящему и будущему поколениям⁸. Политическое и общественное признание важности происходящего в определенный момент в определенном месте помогает детям глубже понять, кто они есть, почему мир одновременно постоянен и изменчив, постичь причинно-следственные связи, устройство общества и т.д. Авторы публикации пишут: «Без знания истории не может быть взаимоуважения и взаимодействия, независимости и самодостаточного развития, гражданской позиции, культуры и единения»⁹. В публикации «История для всех» главная мысль состоит в том, что история как наука и как учебный предмет имеет все возможности воспитывать в детях гражданскую ответственность, показывая им разные стороны жизни и позволяя лучше понять самих себя¹⁰.

⁵ History for All. L., 2011.

⁶ Historical Association Primary Survey. L., 2011.

⁷ Alexander R. Op. cit. P. 213.

⁸ Ibid. P. 259.

⁹ Ibid. P. 272.

¹⁰ History for All. L., 2011.

В «Отчете об инспекционной проверке начальных школ специалистами Английской Исторической Ассоциации» подчеркивается, что история занимает центральное место в образовательной программе начальной школы (5–11 лет), отвечая интересам детей, родителей и общества в целом. Историческое образование является главным элементом детского политического, социального и эмоционального образования, особенно в части воспитания национального самосознания, патриотизма, развития критического мышления, в том числе осознания необходимости апеллировать к фактам и доказательствам, - качеств, присущих истинному гражданину многонационального либерально-демократического общества¹¹.

Сильные стороны обучения истории (5-11 лет)

Дети любят уроки истории

Эксперты Кембриджского университета пишут, что дети выделяют историю среди других предметов, поскольку, как отмечалось выше, она дает им возможность активно включаться в учебный процесс, прежде всего, через практические, непосредственно связанные с жизнью, задания¹². Согласно публикации «История для всех», дети продемонстрировали положительное отношение к предмету практически во всех инспектированных школах, мотивация к изучению истории была высокой, дети отвечали, что учить историю интересно и занятно¹³.

Учителям нравится преподавать историю

Ссылаясь на отчет, предоставленный Английской Исторической Ассоциацией, 75-90% учителей, участвовавших в анкетировании, отмечали, что в их школах наилучшим образом решаются такие задачи преподавания истории, как расширение знаний, развитие исторического мышления, умения строить связи между прошлым и настоящим, учиться и познавать, используя в качестве источников информации интернет-сайты и музейные коллекции. Успехом пользуются различные методики преподавания предмета, уроки социальной истории, краеведения¹⁴.

¹¹ Historical Association Primary Survey. L., 2011. P. 5-6.

¹² Alexander R. Op. cit. P. 213.

¹³ History for All. L., 2011. P. 9.

¹⁴ Historical Association Primary Survey. L., 2011.

По мнению автора публикации «История для всех», наибольшую эффективность в преподавании имеют ссылки на конкретные примеры из жизни, в том числе, взаимодействие с представителями местной общественности, исследования на стыке наук, обеспечивающие межпредметные связи, введение в программу дополнительных тем, вызывающих особый интерес у учащихся и позволяющих закрепить хронологию событий и дать им более объемное изложение¹⁵.

История – это большое измерение детского образования

Отчет об инспекционной проверке начальных школ специалистами Английской Исторической Ассоциации: широкий спектр ключевых исторических событий и разные, иногда противоречивые толкования, на которые вынуждены сослаться учителя, преподавая предмет, указывают на то, что взгляд на историческую науку в Британском обществе сегодня изменился. Общество постепенно отказывается от формальной, теоретической истории, уходящей корнями в национальную идею прогресса цивилизации, и обращает взор на историю и исторические судьбы каждого и всех членов общества¹⁶. Это отражает произошедшие за последние 20 лет перемены в оценке роли женщины и рост числа и многообразия этнических групп, вошедших в британское общество.

Успехи в истории имеют положительную связь с успехами в чтении и математике

Результаты критического анализа программы по граждановедению и этнокультурологии, проведенного в 2007 г., показали, что стремление соответствовать исключительно стандартам в чтении и математике не имеет под собой оснований. Успехи в истории имеют положительную связь с успехами по основным предметам¹⁷.

Отчет об инспекционной проверке начальных школ специалистами Английской исторической ассоциации: «карта знаний», разработанная Национальным департаментом образования для учителей школ, выступает общим многомерным ориентиром

¹⁵ History for All. L., 2011.

¹⁶ Ibid. P. 16.

¹⁷ Diversity and Citizenship Curriculum Review. L., 2007. P. 439.

и для учащихся. Проверка показала, что в школах преподается отечественная, европейская и мировая история, и что дети хорошо усваивают материал.

Хорошая успеваемость по истории

«История для всех»: показатели успеваемости по истории оказались хорошими и отличными в 63 из 83 инспектированных в 2007–2010 гг. школ, в девяти из этих школ успеваемость была отличной, ни в одной из школ не было неудовлетворительных показателей. В тех школах, где история преподавалась на высоком методическом уровне, дети прекрасно владели материалом, разбирались в мельчайших подробностях исторических событий, умели задавать вопросы, работать с первоисточниками, делать выводы, представлять результаты исследований и имели разумные суждения¹⁸.

Что необходимо совершенствовать и развивать?

Подготовка учителей в области педагогики и методики, овладение методом исторического исследования

Отчет об инспекционной проверке начальных школ специалистами Английской Исторической Ассоциации: только 54% респондентов отметили заметный прогресс в развитии у детей исторического мышления; эксперты Кембриджского университета подчеркивают особую важность овладения методикой исторического исследования, лежащей в основе изучения предмета¹⁹.

Хронология событий

«История для всех»: дети хорошо знают темы и подробности исторических событий и гораздо хуже ориентируются в их хронологии. Кроме того, далеко не все умеют связывать пройденный материал в единое целое.

Образовательный стандарт

Отчет об инспекционной проверке начальных школ специалистами Английской Исторической Ассоциации: по мнению многих учителей, стандарт нужно модифицировать, в частности, внести материал о политических, культурных и социальных преобразованиях, происходивших в обществе с 1999 года. Мно-

¹⁸ History for All. L., 2011. P. 9.

¹⁹ Alexander R. Op. cit. P. 257.

гие учителя также считают необходимым введение в программу таких тем, как «Многонациональная Британия», «Гендерный аспект истории», «Национально-культурное своеобразие», расширить программу по мировой истории и т.д.

Эксперты Кембриджского университета считают, что самый заметный урон образовательному стандарту по истории наносит отсутствие обобщающих, сквозных тем, заставляющих думать, обсуждать, учиться решать поставленные задачи, проводить глубокие исторические изыскания, т.е. делать то, что наполняет учебные процесс истинным смыслом и приносит как результат, так и удовлетворение. Таким образом, образовательный стандарт по музыке, живописи, истории, географии и театральной деятельности нуждается в тщательном пересмотре.

Новый образовательный стандарт (утверждение планируется на 2014 г.)

Тем не менее, Майкл Гоув, госсекретарь по образованию в коалиционном правительстве консерваторов и либеральных демократов, избранном в мае 2010 г., предлагает новый национальный образовательный стандарт по истории, который преследует иные цели, имеет иные ценностные ориентиры и иную структуру по сравнению с действующим стандартом.

Цели и ценностные ориентиры

По мнению Гоува, уроки истории должны представлять Британию как светоч свободы, и особый акцент следует делать на выдающейся роли Британских островов в истории человечества. На съезде Консервативной партии (5 сентября 2010 г.) он заявил о том, что величайшей трагедией современности является отделение британского общества от его прошлого: «Дети вырастают, не узнав самой вдохновенной истории, которая была известна моему поколению – истории нашего Соединенного Королевства». По мнению Гоува, современный подход к преподаванию предмета лишает детей возможности по-настоящему узнать историю Британских островов, и поэтому в аудиторию должна быть возвращена традиционная повествовательно-описательная методика. Новый стандарт должен воспитывать в детях чувство национальной британской идентичности (принадлежности), в связи с чем школам необходимо вернуться к рассказам, создающим коллективную память народа, событиям и историям, связы-

вающим поколения. Гоув добавил, что родители в большинстве своем предпочли бы, чтобы их дети получили традиционное образование и, сидя за партами стройными рядами, повторяли имена английских королей и королев. Это лучшая тренировка ума.

Структура и содержание

По мнению Госсекретаря, овладение методом исторического исследования не так важно, как заучивание фактов и биографий выдающихся личностей. Кроме того, он отметил, что в последние годы слишком много времени уделяется методике преподавания истории, а не содержанию предмета.

Историк Саймон Шама согласился показать, как история Великобритании может стать центральным местом национального образовательного стандарта. Шама отмечает, что сегодня, когда над обществом нависла угроза социальной и культурной разобщенности, Британии нужны граждане, которых вновь сможет объединить общая память, граждане, наделенные живым умом и обладающие актуальными знаниями.

Что дальше?

Дэвид Каннадин, дожд профессор истории Принстонского университета, внимательно изучил особенности преподавания истории в британских школах в прошлом веке и пришел к выводу, что структура образовательного стандарта в полной мере соответствует поставленным целям. Проблема заключается в нехватке учебного времени, поскольку стандарт перегружен содержанием. Он также подчеркнул, что подход к преподаванию предмета всегда вызывал споры и разногласия, но это абсолютно нормально в условиях открытого демократического общества²⁰. Королевский профессор истории Кембриджского университета Ричард Эванс также признает, что стандарт требует от детей усвоения большого числа фактов и имен (это составляет приблизительно 70% вопросов, предлагаемых на контрольных мероприятиях) и охватывает весь курс истории Великобритании²¹. На

²⁰ Cannadine D., Keating J., Sheldon N. The Right Kind of History, Teaching the past in Twentieth Century England. Basingstoke, 2011.

²¹ Evans R. The Wonderfulness of Us: the Tory interpretation of history // The London Review of Books. 2011. Vol. 33. No. 6. P. 9-12.

состоявшихся в сентябре 2011 г. дебатах в Палате лордов общие принципы действующего стандарта получили одобрение и поддержку. Отчет о результатах анализа действующего стандарта, подготовленный специально созданной комиссией, в состав которой вошли именитые британские педагоги, содержит рекомендации о сохранении структуры действующего стандарта. Члены Национальной ассоциации директоров средних школ, Ассоциации руководителей школ и колледжей и крупных профсоюзных объединений объявили о том, что новый образовательный стандарт по истории не нужен.

Выводы

Подавляющее большинство педагогов выступает за внесение некоторых преобразований в действующий стандарт по истории и против утверждения нового стандарта, выдвигающего другие цели, принципы и ценностные ориентиры. В то же время Госсекретарь Департамента Образования обращается к родителям, руководству частных компаний и других организаций с инициативой создания «академий», которые будут выведены из-под государственного контроля и смогут работать без учета образовательного стандарта. Существует и вероятность того, что в новом образовательном стандарте по истории для общеобразовательной школы не будет предписанного содержательного минимума, и все решения будут принимать учителя. Таким образом, жаркая дискуссия по вопросу, волнующему многих, затянется еще на пару лет. Хотя, может быть, через эту самую пару лет у нас сменится правительство? Время покажет!

(Перевод И. А. Воронцовой)

Никол Дж., Харнетт П.

Особенности преподавания истории в Великобритании и английский национальный образовательный стандарт: прошлое, настоящее, будущее

Введение

В Великобритании образование является обязательным для детей в возрасте 5-16 лет.

Обязательное образование проходит в несколько этапов:

- Раннее и основное дошкольное образование: 3-5
- Основное образование, этап 1: 5-7
- Основное образование, этап 2: 7-11
- Основное образование, этап 3: 11-14
- Основное образование, этап 4: 14-16

С 1990 г. общеобразовательные школы Великобритании обязаны выполнять требования национального образовательного стандарта при обучении детей в возрасте 5-14 лет. История входит в группу предметов, преподавание которых регулируется стандартом.

История создания образовательных стандартов 1991–2012 гг.

С 1991 г. история была обязательным предметом для изучения в возрасте 5-14 лет. В 1998 г. ее исключили из списка обязательных предметов, но она осталась компонентом национального образовательного стандарта.

Структура национального образовательного стандарта

Английский национальный образовательный стандарт по истории сочетает в себе два ключевых элемента, т.е. как бы представляет собой спираль с двумя витками:

1. Содержание – знание фактов и понимание предмета
2. Умения и навыки, развиваемы в процессе обучения предмета («делать историю»).

Содержание

Главным компонентом содержания является британская (английская) отечественная история с древних времен вплоть до современности, так сказать, от Платона до НАТО.

Истоки древних цивилизаций – египетской, греческой и римской;

История прогресса:

- создание парламентской демократии, установление правовых норм, христианизация и просвещение английского общества;

- создание милосердной и либеральной империи.

В курс истории также входят отдельные темы европейской и мировой истории.

«Делать историю»: умения и навыки

1. Исследовательская деятельность по истории
2. Интерпретация исторических событий
3. Понимание хронологии
4. Знание и понимание событий, людей и изменений в прошлом
5. Структурирование материала и коммуникативность

Современная ситуация

Предпосылки

В 2009/10 и 2011/12 гг. Британская историческая ассоциация проводила специальные исследования для выяснения текущей ситуации в преподавании предмета.

В процессе работы экспертам удалось собрать данные, которые сегодня являются уникальными в масштабах страны, дополняющие и подтверждающие отчеты, представленные школьными инспекциями при правительстве Великобритании.

Результаты исследований, проведенных в начальной школе (5-11 лет), краткий обзор

1. Объективность результатов подтверждается тем, что национальный образовательный стандарт по истории действительно «встроен» в учебные планы в более чем 320 школах;

2. Числовые показатели и диаграммы, полученные в результате первого исследования: второе исследование пришло к тем же результатам;

3. Анализ результатов в ключевых компонентах образовательного процесса (более подробно они представлены ниже):

- Чему обучают?
- Как обучают истории?
- Чему школа учит хорошо и что еще предстоит совершенствовать?
- Система оценивания
- Система базового педагогического образования и непрерывного повышения профессиональной квалификации
- Подготовка руководителей методических объединений
- Что хотят видеть учителя в новом образовательном стандарте по истории
- Вопрос преемственности начального и среднего образования

- Необходимая помощь

Результаты исследований, проведенных в средней и старшей школе (11-16 лет), краткий обзор

Результаты исследования основаны на ответах (отчетах) более 500 респондентов (участников)

- Основное образование, этап 3: 11-14: изменения в обучении истории
- Основное образование, этап 3: подготовка специалистов по предмету
- Основное образование, этап 3: объем учебного времени, отведенного на изучение дисциплины

Результаты исследований, проведенных в начальной школе (5-11 лет)

1. *Что преподается*

- До 1990 история в начальной школе фактически не преподавалась;
- 1990-1998 история принудительно вводится в учебные планы как обязательный предмет, процесс жестко контролируется;

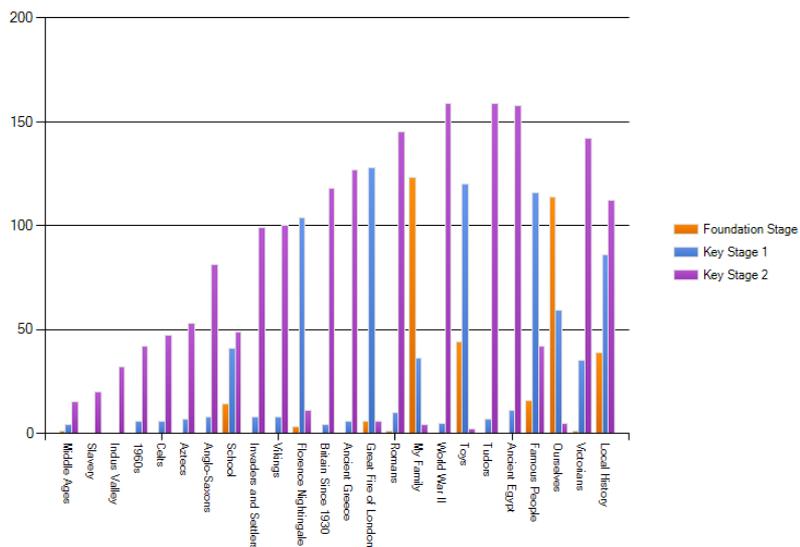
- 1998 – 2012 история в общем становится предметом по выбору;

- Опасения: вытеснение предмета из школьных программ, спровоцированное в буквальном смысле слова острвенелым насаждением правительственными органами математики, чтения, письма, естествознания и постоянного проведения тестов

Ситуация сегодня:

История уцелела и даже процветает: стандарт 1990-1997 гг., как говорится, жив-здоров, и предмет преподается исходя из его требований.

Please indicate which topics are part of the history curriculum in your school: Please indicate all that apply

2. Как обучают истории

- Предмет полностью вписывается в систему обучения в начальной школе (см. диаграмму)

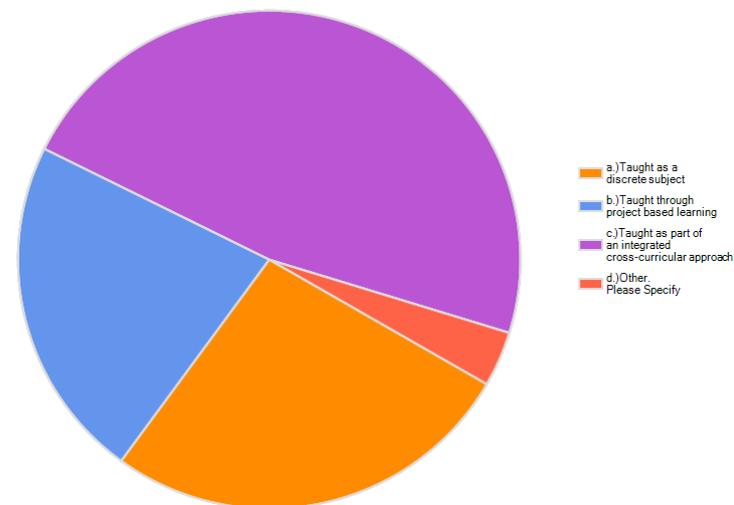
- Предмет способствует формированию грамотности - помогает в овладении умениями чтения и письма, составляющими главные требования государственных органов образования;

- Способствуют достижению школами образовательных целей, что служит основанием для оценки их деятельности;

- Историю изучать занятно и приятно: самые интересные сюжеты, интересные виды деятельности, возможность проявить свои творческие способности – в рисовании, театральной деятельности;

- Преподаватели и учащиеся любят предмет.

Please indicate which best describes the way that history is taught in your school at Key Stage 2

К диаграмме:

Ответьте, как преподается история в вашей школе

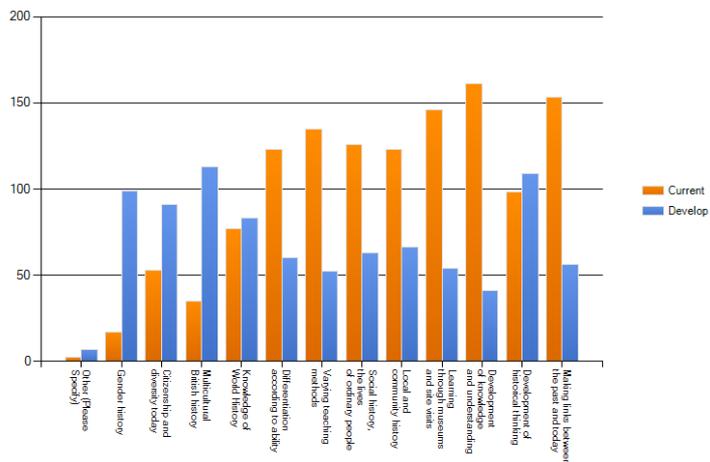
- Как самостоятельный предмет
- Посредством проектных методик
- В рамках общего кросс-культурного подхода
- Иным образом (уточните)

3. Что преподается лучше всего и что требует развития

- Содержание преподносится умело, излагается подробно

- Умения и навыки, развиваемые в системе «Делать историю», возможно, концептуально менее акцентированы, не достаточно детализированы

What aspects of teaching and learning do you feel the history in your school provides? Which aspects would you like to develop? Please tick the relevant box for all of those that apply. If you feel that there are certain aspects that you provide, but would still like to develop, please tick both boxes.

Области, которые, по мнению учителей, требуют развития

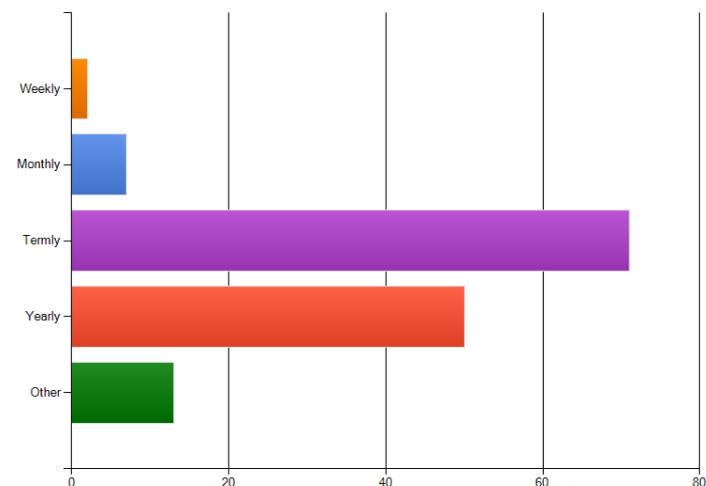
- Развитие знаний и понимания (90%)
- Умение устанавливать связи между прошлым и настоящим (85%)
 - Важность посещения музеев и достопримечательных мест (82%)
 - Многообразие методов обучения (79%)
 - Социальная история и история повседневной жизни простых людей (75%)
 - Учет способностей учащихся (74%)
 - Локальная история и история местных сообществ (75%)
 - Развитие исторического мышления (54%)
 - Всемирная история (52%)
 - Разнообразие сегодняшнего дня (51%)
 - История мультикультурной Британии (34%)

- Гендерная история (15%)

4. Оценивание в обучении истории

- Низкая частота контрольно-аттестационных мероприятий (раз в год или триместр)
- Недостаточная разработанность форм оценивания – фактическое отсутствие пользы

How frequently do you assess attainment in history?

5. Система базового педагогического образования и непрерывного повышения профессиональной квалификации

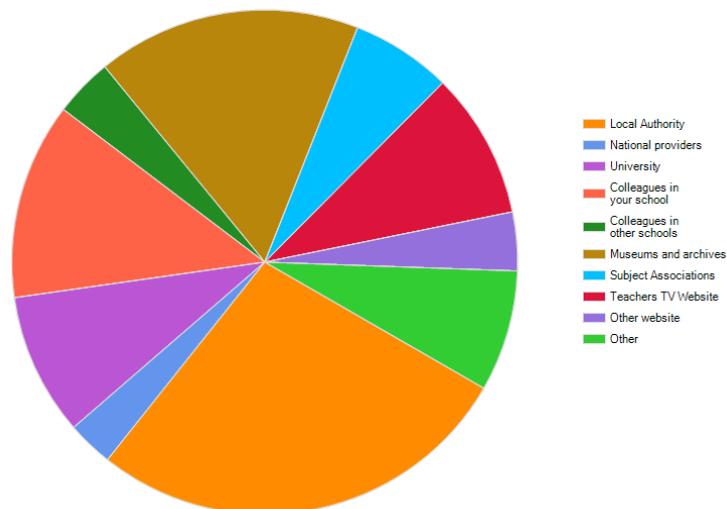
Первоначальная подготовка в колледже или университете:

практически бесполезна, дает лишь азы общей теории педагогики

Профессиональная подготовка и переподготовка учителей:

- В общем отсутствует
- Учителя желают проходить повышение квалификации на местах, за счет местных ресурсов

Who provides your CPD training in history? Please tick all those that apply

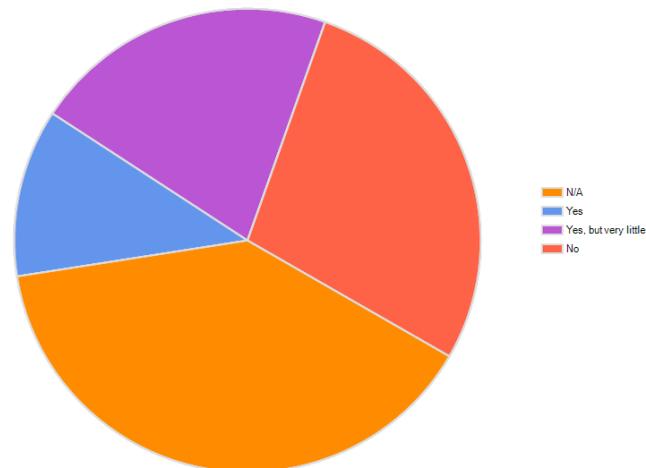
Каким образом Вы осуществляете повышение своей профессиональной квалификации?

- С помощью местных органов образования
- Повышение квалификации осуществляется через государственных организаторов
 - На базе университета
 - Проводят коллеги вашей школы
 - Проводят коллеги других школ
 - Посещение музеев и архивов
 - Проводит методическое объединение
 - Использование сайта ТВ для учителей
 - Использование других сайтов
 - Другое

6. Подготовка руководителя методического объединения

- Практически отсутствует

If you are the history coordinator, have you had training for this role?

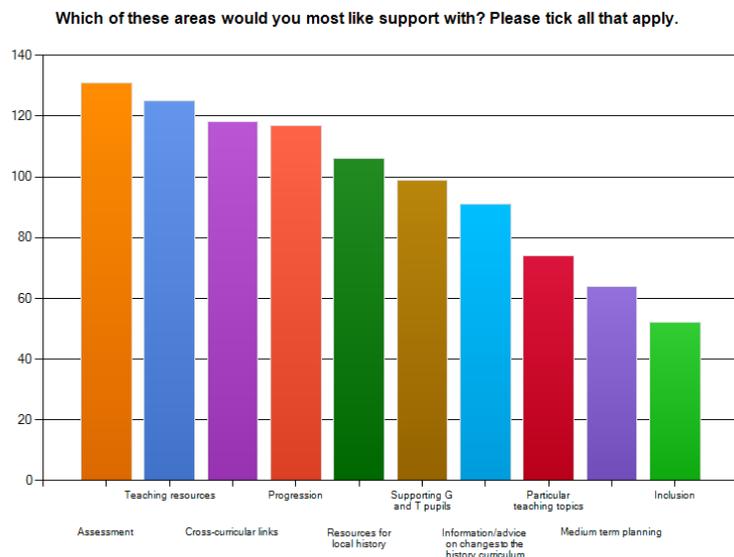
Если Вы являетесь руководителем методического объединения по истории, проходили ли Вы специальную подготовку?

7. Какие изменения в национальном стандарте хотели бы видеть учителя?

Вот ответы учителей на вопрос, каких преобразований они ждут от нового государственного стандарта. Они отражают изменения, произошедшие в британском обществе с 1990 г.

- Мультикультурная Британия (87%)
- Гендерная история (88%)
- Многообразие в обществе (71%)
- Развитие исторического мышления (62%)
- Всемирная история (57%)
- Локальная история и история местных сообществ (40%)
- Социальная история, жизнь простых людей (37%)

8. Преемственность между начальной и средней школой
Практически отсутствует (свыше 90% школ)

9. В каких сферах вашей деятельности вы более всего нуждаетесь в поддержке?

- Система оценивания
- Средства обучения
- Кросс-культурные связи
- Определение прогресса учащихся
- Ресурсы для изучения местной истории
- Поддержка талантливых и одаренных детей
- Информация / обратная связь по вопросам обновления образовательного стандарта
- Отдельные темы исследования
- Среднесрочное планирование
- Инклюзивность, охват

Результаты исследований, проведенных в средней школе (11-14 лет)

1. Кризисное положение истории

- Во многих школах история продолжает исчезать из учебных планов как самостоятельный предмет

- История исчезает из расписания в появляющихся независимых государственных школах – академиях

- В более чем 25% школ история сливается с другими учебными дисциплинами (вдвое больше в частных школах и в отдельных государственных школах)

- Многие учителя ответили, что история исчезает в их школах

2. На основной стадии 3 историю все реже преподают специалисты

- Все более обычным на данном этапе обучения становится преподавание истории не специалистами-предметниками

- В 30% академий в 7 классе свыше 60% предметов преподается не специалистами-предметниками

- Тенденция наблюдается и в других школах

3. Объем часов, выделяемых на учебную дисциплину

- Во многих школах на историю отводится менее одного часа в неделю

- Сокращение часов на историю отмечается во многих школах

- Общее сокращение учебных часов: освоение образовательного стандарта для третьего этапа базового образования проходит не за три года (как предусмотрено), а за два.

4. Ограничение контингента, изучающего историю с последующим выпускным экзаменом на получение аттестата о среднем образовании

- Ограничение в отношении выбора – около 20% в общеобразовательных школах и 30% в академиях

- Ограничение в выборе образовательной траектории для учащихся, готовящихся к сдаче экзамена по истории

- История – сложный предмет, менее одаренные дети практически лишены возможности (не справляются) изучать его после 14 лет

История в старшей школе, 14-16 лет

Около 40% продолжают изучать историю в старшей школе. Основные образовательные программы:

- Современная всемирная история
- Развивающий проект «История в школе» (запущен в 1972 г., предполагает акцент на развитие компетенций, исторического мышления, умения устанавливать связи и т.д.)

Современная всемирная история (заимствовано из материалов одной из трех национальных экзаменационных комиссий)

Три элемента

1. Основы современной всемирной истории

- Истоки Первой мировой войны
- Миротворчество 1918-1919 гг. и образование Лиги

Наций

- Внешняя политика Гитлера и истоки Второй мировой войны

- Истоки холодной войны, 1945-1955 гг.
- Кризисы эпохи холодной войны, 1955-1970 гг.
- Провал политики разрядки и падение коммунистических режимов, 1970-1991 гг.

2. Углубленное изучение

- От царизма к коммунизму: Россия в 1914-1924 гг.
- Веймарская Германия, 1919-1929 гг.
- Бурные 1920-е: США в 1919-1929 гг.
- Сталинская диктатура: СССР в 1924-1941 гг.
- Гитлеровская Германия, 1929-1939 гг.
- Великая депрессия и «Новый курс»: США в 1929-1941 гг.
- Расовая политика в США, 1955-1968 гг.
- США и Вьетнам: неудачи на родине и за рубежом, 1964-1975 гг.

- Британия: вызов в Северной Ирландии, 1960-1986 гг.

- Ближний Восток, 1956–1979 гг.

3. Тематическое эссе на основе трех типов источников

- Британцы во время войны
- Британия во время войны
- Британия и последствия войны

- Изменение статуса женщины в британском обществе после 1900 г.

Развивающий проект «История в школе» (на материалах одной из трех экзаменационных комиссий)

Основан на идее: дети «делают историю», то есть учатся думать и вести историческое исследование так, как это делают ученые.

Учащиеся постигают историю в трех ракурсах:

1. Исследование избранной темы в ее временном развитии

Берется одна из этих двух тем:

- История медицины
- Средства массовой информации

2. Углубленное изучение темы

Берется одна из следующих тем:

- Американский Запад, 1840–1895 гг.
- Британия, 1815–1851 гг.
- Британия эпохи королевы Елизаветы, 1558–1603
- Германия, 1919–1945 гг.

3. История вокруг нас (краеведческие исследования)

Будущее

От 5 до 14 лет

Не очень ясное, но:

- сохраняет прочное место в образовательном стандарте

- в основном строится по образцу действующего стандарта:

- содержание усваивается через развитие навыков в системе «Делать историю», т.е. через практические исследования по истории и развитие критического мышления

От 14 до 16 лет

После 2015 г.:

Правительство только что выступило со следующим заявлением: история будет входить в список обязательных предметов для всех учащихся, сдающих новый государственный эк-

замен в возрасте 16 лет, так называемый английский бакалавриат. Этот экзамен будут сдавать более 80% выпускников школ, т.е. все те, кто обладает достаточными навыками чтения и письма.

Приложение Британский образовательный стандарт по истории¹

Практические исследования по истории – развитие умений и навыков

Историческое исследование

а. Найдите, выберите и используйте соответствующие выбранной теме источники информации, в том числе, устные сообщения, документы, печатные издания, СМИ, артефакты, картины, фотографии, музейные экспонаты, исторические постройки, сайтами, ИКТ-источники; постройте на них свое независимое историческое исследование;

б. Проанализируйте и дайте оценку использованным источникам, выберите и запишите информацию, соответствующую теме исследования, сделайте надлежащие выводы.

Историческая интерпретация

а. как толкуются исторические события, ситуации, преобразования, вклад личностей в историю и почему существуют различные точки зрения;

б. как следует оценивать различные толкования.

Понимание хронологии событий

Учащихся необходимо научить узнавать и правильно апеллировать к историческим датам, пользоваться терминологическим аппаратом и условными обозначениями, описывающими исторические периоды и временные отрезки.

Знание и понимание событий, людей и изменений в прошлом

а. описывать и анализировать соотношения характерных признаков исторических периодов и обществ, в том числе личный опыт и мнения, суждения, отношения к исследуемым вопросам мужчин, женщин и детей в прошлом;

б. исследовать социальные, культурные, религиозные вопросы, проблемы этнического разнообразия, применительно к Британии, а также другим государствам;

с. анализировать причины и следствия исторических событий, ситуаций и преобразований, наступивших в тот или иной период;

д. определять тенденции, имевшие место в рамках одного или нескольких исторических периодов и устанавливать связи между событиями в локальной, национальной, общеевропейской или мировой истории;

е. понимать важность основных исторических событий, деятелей и преобразований.

Структура и коммуникация

а. помнить, ранжировать по приоритету и выбирать релевантную историческую информацию;

б. осуществлять отбор и правильно пользоваться терминологическим аппаратом и хронологическими обозначениями;

с. структурировать и организовывать информацию;

д. представлять результаты своих исследований (знания и понимание исследуемых вопросов), используя при этом современные методики и технологии – правильно строить устное выступление, давать аргументированные комментарии и пояснения, использовать возможности ИКТ.

Английский национальный стандарт по истории:

Содержание – знание фактов

Основная стадия 1, 5-7 лет

На начальном этапе изучения истории детям предлагаются темы, показывающие жизнь, культуру, устройство быта людей. Они слушают и реагируют на истории и рассказы об этом, пользуются источниками информации, помогающими им правильно задать и ответить на тот или иной вопрос. Они учатся видеть разницу между тем, как люди жили раньше и живут теперь.

На начальном этапе формирования знаний, умений и понимания процессов происходит на основе следующих заданий:

- Изменения в их собственной жизни и жизненном ук-

¹ <http://dera.ioe.ac.uk/4404/1/cHi.pdf>

ладе их семьи и близких; традиции и уклад жизни людей, населявших их район или страну в целом в более далеком прошлом;

- Изучение биографий выдающихся личностей, женщин и детей на примере истории Великобритании и других государств (художников, инженеров, исследователей, изобретателей, первооткрывателей, правителей, ученых, святых и т.д.), знакомство с ключевыми событиями в отечественной и мировой истории (например, «Пороховой заговор», Олимпийские игры и другие значимые события).

Основная стадия 2, 7-11 лет

На втором этапе (ступени) обучения дети знакомятся в различных формах со значимыми событиями, личностями, местами из недавнего и более отдаленного прошлого

На втором этапе формирование знаний, умений и понимания процессов происходит на основе следующих заданий:

- краеведческие исследования;

изучение того, как тот или иной аспект жизни края (района, графства) изменился с течением времени или как жизнь края изменилась в результате того или иного национального или локального события или в результате деятельности исторической личности.

- исследование трех основных периодов британской истории

- 1) Период римских завоеваний, англо-саксонский период, вторжение викингов;

- 2) Британия и мир во времена Тюдоров

- 3) Викторианская Англия или Британия после 1930 г.

- Курс по европейской истории [Древняя Греция]

- Курс по всемирной истории.

Древний Египет, Древний Шумер, Ассирийская империя, Индская цивилизация, цивилизация майя, Бенин или цивилизация ацтеков.

Основная стадия 3, 11-14 лет

На основной стадии 3 школьники изучают наиболее важные исторические фигуры и события в истории Британии от средних веков до XX века. Они также узнают о ключевых аспектах европейской и мировой истории. Они демонстрируют свое

понимание, устанавливая связи между событиями и изменениями в изучаемых эпохах и областях и сравнивая общественные и экономические структуры, культурное и политическое развитие. Они используют источники информации, используя свои исторические знания для анализа прошлого и объясняя, как его можно представить и интерпретировать разными способами.

На этой стадии школьников обучают знаниям, умениям и пониманию посредством трех курсов по британской истории:

- 1) Британия в 1066–1500 гг.

- 2) Британия в 1500–1750 гг.

- 3) Британия в 1750–1900 гг.

- Курса по европейской истории до 1914 г., отражающего важный период или событие в предыстории или истории Европы

- Изучение двух ключевых тем мировой истории:

1. Курс по мировой истории до 1900, предполагающий изучение культуры, верований, достижений африканского, американского, азиатского или австралийского общества в прошлом

2. Курс по мировой истории после 1900 г., включающий изучение некоторых важных фигур, событий и сдвигов в XX веке, в том числе две мировые войны, Холокост, холодную войну и их влияние на Британию, Европу и весь мир.

Библиография

Aldrich R., Dean D. The Historical Dimension // Aldrich R. (ed.) History in The National Curriculum. L., 1991.

Alexander R. (ed.) Children, Their World, Their Education. L., 2009.

Aspects of Primary Education. The Teaching and Learning of History and Geography. L., 1989.

Blyth A., Cooper K., Derricot R., Elliot G., Sumner H., Waplington A. Time, Place and Society 8-13; Curriculum Planning in History, Geography and Social Science. Bristol, 1976.

Bourdieu P. Forms of Capital // Richardson J. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York, 1986.

Butterfield H. The Whig Interpretation of History. L., 1931.
 The Curriculum in Successful Primary Schools. L., 2002.
 Curriculum Review. Diversity and Citizenship Curriculum
 Review. DFES, London.
www.education.gov.uk/publication/standard/publicationdetail/page1/DFES00045-2007.
 Education and Training Statistics for UK.
www.education.gov.uk.
 Education 5-9 // Illustrative survey of 80 First schools in
 England. L., 1982.
 Education for citizenship and the teaching of democracy in
 schools // www.teachingcitizenship.org/dnloads/crickreport.
 Evans R. J. The Wonderfulness of Us // London Review of
 Books. 2011. Vol. 33. No. 6.
 Excellence and Enjoyment: a Strategy for Primary Schools.
 Nottingham, 2003.
 The Foundation Stage. A Survey of 144 settings //
www.ofsted.gov.uk.
 Galbraith J. K. The Affluent Society. Boston, 1958.
 Gillard D. Education in England: a brief history //
www.educationengland.org.uk/history.
 Gove M. All pupils will learn our island story //
www.conservatives.com/News/Speeches/2010/.
 Gove M. Education Questions //
www.michaelgove.com/content/education_questions_2.
 Handbook of Suggestions for Teachers. L., 1927.
 Harnett P. Heroes and heroines; exploring a nation's past.
 The history curriculum in state primary schools in the twentieth
 century // Bulletin of the History of Education Society. 1998. P. 83-95.
 Heathorn S. "Let us remember that we, too, are English."
 Constructions of Citizenship and National Identity in English Ele-
 mentary School Reading Books 1880-1914 // Victorian Studies.
 Vol. 38. No 3. Spring 1995. P. 395-427.
 The Historical Association Primary Survey Report. L., 2011.
 History. A review of inspection findings 1993/94. L., 1995.
 History in the Balance. History in English Schools,
 2003-2007 // www.ofsted.gov.uk/publication/annual report0910.

History in English Schools 2007-2010 //
<http://www.ofsted.gov.uk/Ofsted-home/Publications-and-research/Browse-all-by/Documents-by-type/Thematic-reports/History-for-all>.
 History in Primary Schools. 2002-2003 //
www.ofsted.gov.uk.
 History Key Stages 1, 2 and 3. First Year 1991-1992. L.,
 1993.
 History Key Stages 1, 2 and 3. Second Year 1992-1993. L.,
 1993.
 Hough A. Revealed: David Cameron's favourite childhood
 book is Our Island Story // www.telegraph.co.uk/culture/books/news-favourite-childhood-books-is-our-island-story.html.
 The Importance of Teaching: Schools White Paper //
www.education.gov.uk.
 Improving primary teachers' subject knowledge across the
 curriculum // www.ofsted.gov.uk.
 Independent Review of the Primary Curriculum: Final Re-
 port // www.education.gov.uk/publications/.
 International Journal of Historical Learning, Teaching and
 Research, 9.2 // www.history.org.uk.
 Knight P. Teaching as Exposure: the case of good practice in
 junior school history // British Journal of Education Research. 1991.
 P. 129-140.
 Marshall H. E. Our Island Story. L., 1905.
 Mongan R. Oxford and Cambridge English History. L.,
 1904.
 The National Curriculum. Handbook for Primary Teachers in
 England. Key Stages 1 and 2. L., 1999.
 Primary Education in England. L., 1978.
 Primary History 46 (2007) Citizenship, Controversial Issues
 and Identity. The Historical Association.
 Primary History 57 (2011) What History Should We Teach,
 5-14. The Historical Association.
 Primary History Project // www.primaryhistory.org.uk.
 Primary Subject Reports, History 2000-01 //
www.ofsted.gov.uk.

Rogers P. J. The New History: Theory into Practice // www.history.org.uk.

Samuel R. A Case for National History // International Journal of History Learning Teaching and Research. 2003. Vol. 3.1. P. 89-92.

A Scheme of Work for Key Stages 1 and 2. History. Teachers' Guide. L., 1998.

Suggestions for the Consideration of Teachers and Others Concerned in the Work of Public Elementary Schools. L., 1905.

The Teaching of History. Circular 883. L., 1923.

Unstead R. A History of Britain. L., 1962.

(Перевод И. А. Воронцовой)

Summaries

German Filippovsky

Cnut's the Great Time in England: History, Politics, Culture, Texts

Wulfstan and Cnut's early 11 century letters to the people of England, "Beowulf" epic poem on the order by Cnut, Engla Lond as signs, concepts of an allegiance in the course of Cnut's empirical policy in the north of Europe, as Cnut's both political and cultural instruments, as manifestations of anglo-scandinavian alliance and medieval renaissance in the first half of the 11th century.

Malte Griesse

The English Civil War and its Impact on the continent: Towards an Entangled Communicative history (histoire croisée) of the mid-17th Century Crisis

The article deals with the perception of the English Civil war on the European continent. It explores to what extent references to the tumultuous events in England served as an argument during internal conflicts in different countries from France to Russia, how this reference gained momentum and became relevant for the crucial question of legitimacy. Russian merchants invoked the English Revolution in their petitions to the tsar in order to persuade him to abolish English trading privileges, and the tsar ceded after both the experience of the Moscow town uprising (1648) and the execution of Charles I (in early 1649). In France during the Fronde both Mazarin's supporters and opponents used analogies to the English Parliament in their polemics - the Frondeurs delimited themselves verbally from the English actors by underlining that they were fighting in the name of the minor king against his bad custodian - and in the end, when Louis XIV took matters into his own hands, the movement lost its main argument and evaporated rapidly.

Julia Barlova

"What is good and What is Bad" for the Poor? Moral-improving Texts for the English Poor in the late-18th - early 19th centuries

In her article, Dr Barlova analyzes moral instructions for the labouring poor that were contained in the popular texts written with the purpose to be read or/and remembered by the poor people in the 18th – early 19th century England. These texts provide, in the author's opinion, the unique source on getting into the system of values that was imposed on the poor in the frames of their "disciplining campaign". Dr Barlova also compares English texts with their Russian analogue – "Troitskiye Listki" (Papers from Troitsk) written for instructing the poor by Archbishop Nikon in the 19th century.

Andrei Sokolov

"The first and principle study of young people": The Forming of the Ideas on the Role of History in Works of the British Moralists and Educators in the first third of the 19th centuries

This article contains an analysis of the views of some representatives of the British "moral philosophy" who expressed their ideas about the ways in which history should be taught to the young. The works under regard were written and published between 1803 and 1835. In this period history was not a separate school subject but it was taught predominantly as part of classical studies or in combination with geography. In the moral philosophy the aim of teaching history is dominated by moral instructions and history is regarded as a combination of examples for moral behavior. Some difference between the authors is observed in understanding the role of religious instruction in applying to history. In the middle of the XIX century history widened its' place in curriculum both in secondary and primary education. Since that history becomes an important teaching tool for predominantly political and patriotic (even nationalistic) education.

Elena Polyakova

The Mythology of Easter Rising

This article presents the evolution of the attitude to the Easter Rising in national historiography of Irish Republic in different his-

torical periods according to the changing the purposes of Irish nationalism. Nowadays the historical interpretation of the Rising is the struggle of opposite points of view, which reflects the perception of the event in the Irish society. From the creation in 1921 the Irish national state the image of the Rising has been changing from heroic and mythological meaning to negative significance. The interpretation of Easter Rising is the illustration of revisionism in history.

Terence Dooley, Christian Noack

From Aristocratic Past to Public Heritage: A Comparative Case Study of Russian and Irish Country Houses since the Revolutions

Comparing the (re) interpretations of country houses in Ireland and Russia as ‘heritage’, the authors found interesting parallels in that both Ireland and Russia experienced social and political turmoil during the first decades of the twentieth century which ended the nobility’s domination over politics, society and culture. One of the most obvious differences between the two countries, however, was that in the Irish case a *cultural* construction of the landowning class as nationally ‘alien’ came to supersede social conflicts between landowners and tenants. Here, only from the early 1970s country houses were promoted as part of a shared heritage, celebrating the sometimes invented role of Irish architects, builders and craftspeople. This reappraisal unlocked private and public investment necessary for their preservation.

In the Russian case, education and subsequently westernisation had for a long time been a privilege of the nobility and so a yawning cultural gap opened up between the Russian orthodox nobility and the Russian orthodox peasantry, too. While the emerging intelligentsia successfully challenged the supremacy of imperial and thus noble culture, writers and artists preserved an affectionate image of gentry culture during the ‘golden age’ of Russian culture. Against this backdrop the annihilation of the nobility as a social class during revolutions and civil war was not necessarily tantamount to a peril of country house culture. Many leading Bolsheviks continued to practise “gentrified” intelligentsia habits, and Stalin’s subsequent rehabilitation of classical Russian culture inadvertently contributed to heritage building. The country house and its inhabitants lived on in

the imagination of the Soviet readership. Gentry culture’s association with Western cultural influences, however, seems to present an obstacle for a thorough integration into an emerging canon of national heritage in post-Soviet Russia.

Alexander Khodnev

The Formation of the British Policy on the League of Nations, 1914-1919

The article deals with the problem of establishing of the British politics to the idea of creating of the League of Nations in the crucial period of the World War and the Peace Conference in Paris in 1919. There were quite intensive discussions on the League of Nations construction. As a result the British Government formed a pretty flexible working plan of creating the international organization by the Peace Conference. The details of this plan needed substantial calculation in a practical sense. However the main concerns were recognized fairly clear. It was decided to cling to *real politic*, to defend the British Empire safety and support Transatlantic Union with the United States that was aroused in the First World War.

Malyn Newitt

The Napoleonic Wars and the evolution of British strategy towards the Iberian peninsula during World War II

During the Second World War, British strategic thinking with regard to the Iberian Peninsula was deeply rooted in the memory of what had happened during the Napoleonic Wars, for the situation that Britain faced in 1940 was remarkably similar to the situation in July 1807 when Tsar Alexander I and Napoleon had signed the Treaty of Tilsit. The events of the early nineteenth century were continually invoked to guide Britain in its very sensitive relations with Spain and Portugal, as it weighed the competing options of a preemptive seizure of the Atlantic Islands or a diplomatic initiative aimed at keeping Portugal and Spain neutral - even though history-conscious British strategists were mindful of what had happened as a consequence of Portugal’s attempt to remain neutral during the years 1805-07.

Alexander Ermakov

The Image of Britain in the Nazi Propaganda during the World War II

The article reveals the image of Great Britain that was formed by the Nazi propaganda in the minds of German people during the World War II. The author argues that National Socialists blamed Britain for starting the war, and attributed to it the desire for world domination, as well as for the destruction of the German state and its people. The Germans were being persuaded that parliamentary democracy was just a form of “plutocrats”, Freemasons and Jews’ domination, that typical English features were stupidity, political immaturity and inborn hypocrisy. This image of the enemy contributed to the formation of a new Nazi identity: Hitler’s Reich, in contrast to the British Empire, was presented as a state based on the principles of respect for the rights and dignity of other nations, of racial purity, of social justice and immutable moral framework, - and, to resume, as a bulwark of European civilization.

John Nichol, Penelope Harnett

History Teaching in England and the English National History Curriculum: Past, Present into the Future

The paper examines the future of History teaching that is in the melting pot in Britain as the government is reforming both the National curriculum for 5-14 year olds and the teaching and examination of history to 14-18 year olds. The evidence from the Historical Association of Great Britain surveys of teachers reveals that they support a History curriculum that reflects changes in England as a multi-faith, multi-cultural and multi-ethnic society and that develops the pupils’ skills as young historians who learn to be sceptical and support arguments and conclusions grounded in evidence while learning about major aspects of Local, British, European and World History.

Hilary Cooper

History Education in English Primary Schools: tensions and dilemmas

This paper first outlines the aims, values, rationale, structure and content of the National Curriculum which was made statutory in

1991 and only slightly modified subsequently. It evaluates this curriculum, considering its advantages and problems through the lens of three recent reports: *Children, their World, Their Education: final report and recommendations of the Cambridge Review* (Alexander 2010), *History for All* (Office for Standards in Education 2011), and the *Historical Association Primary Survey* (2011). It then considers the new National Curriculum for History, proposed by the Secretary of State for Education, following the election of the Conservative Liberal Democrat Coalition Government in May 2010. It discusses the rationale, aims and values of this proposal and the debates surrounding it.

Сведения об авторах

Барлова Юлия Евгеньевна, Ярославский государственный педагогический университет, barlova@mail.ru

Гриссе Мальте, университет Билефельда, malte.griesse@uni-konstanz.de

Дули Теренс, Ирландский национальный университет в Мэйноте, terence.a.dooley@nuim.ie

Ермаков Александр Михайлович, Ярославский государственный педагогический университет, ermakov.a.m@mail.ru

Купер Хилари, Университет Кумбрии, Hilary.Cooper@Cumbria.ac.uk

Никол Джон, Историческая ассоциация, jonnichol17@gmail.com

Ноак Кристиан, Университет Амстердама, c.u.noack@uva.nl

Ньюитт Малин, Лондонский университет, malyn.newitt@klc.ac.uk

Полякова Елена Юрьевна, Институт всеобщей истории Российской академии наук, poleyu@mail.ru

Соколов Андрей Борисович, Ярославский государственный педагогический университет, sokolov_1457@mail.ru

Филипповский Герман Юрьевич, Ярославский государственный педагогический университет, g.filippovsky@yspu.org

Харнетт Пенелопа, Университет Западной Англии, Penelope.Harnett@uwe.ac.uk

Ходнев Александр Сергеевич, Ярославский государственный педагогический университет, khodnev@yandex.ru

Содержание

Давидсон А. Б. Шаг к взаимопониманию	3
Соколов А. Б. Двадцатилетие международных научных и научно-педагогических связей исторического факультета ЯГПУ	5
Филипповский Г. Ю. Эпоха Кнута Великого в Англии: история, политика, культура, тексты	9
Гриссе М. Английская революция и ее воздействие на континент: К писанию перекрестной коммуникативной истории европейского кризиса середины XVII столетия	22
Барлова Ю. Е. «Что такое хорошо и что такое плохо» для бедняка (английские нравоучительные сочинения для бедных конца XVIII – первой половины XIX в.)	36
Соколов А. Б. «Первый и главный урок для юношей»: формирование представлений о роли истории в трудах британских моралистов и педагогов в первой трети XIX века	52
Полякова Е. Ю. Мифология ирландского восстания 1916 года	68
Дули Т. А., Ноак К. От аристократического прошлого к публичному наследию: сравнительное исследование русских и ирландских усадеб после революций	82
Ходнев А. С. Формирование британской политики в отношении Лиги Наций, 1914-1919 гг.	128
Ньюитт М. Наполеоновские войны и эволюция стратегии Великобритании на Пиренейском полуострове во время Второй мировой войны	144
Ермаков А. М. Образ Великобритании в нацистской пропаганде в годы Второй мировой войны	153
Купер Х. Преподавание истории в британской начальной школе: внутренние противоречия и неразрешимые вопросы	173
Никол Дж., Харнетт П. Особенности преподавания истории в Великобритании и английский национальный образовательный стандарт: прошлое, настоящее, будущее	184
Summaries	204
Сведения об авторах	210

Научное издание

**На пересечениях
британской истории**

Сборник статей

Технический редактор С. А. Сосновцева
Макетирование – А. М. Ермаков

Подписано в печать 20.08.2013. Формат бумаги 60/92 1/16.
Усл. печ. л. 13,25. Уч.-изд.л. 9,78
Тираж 150 экз. Заказ № 185

Редакционно-издательский отдел
ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»
150000, Ярославль, Республиканская ул., 108

Типография ЯГПУ
150000, Ярославль, Которосльская наб., 44